По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каѳедры.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

Древніе монастыри въ г. Черниговѣ.

1) Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь.

Черниговскій Елецкій Успенскій монастырь находится на юго-восточной окраинѣ г. Чернигова, составляющей продолженіе той береговой возвышенности, на которой стоялъ его кремль съ Спасскимъ соборомъ. Въ древнихъ лѣтописяхъ онъ не называется ни Елецкимъ, ни Успенскимъ, а называется только „Богородичнымъ“ [2]). Въ первый разъ о немъ упомянуто по случаю прибытія преподобнаго Антонія изъ Кіева въ Черниговъ на Болдину гору, въ которой онъ поселился, ископавъ для себя въ ней пещеру. Опредѣляя мѣстность этой пещеры, лѣтописецъ говоритъ: „и есть монастырь св. Богородицы на Болдиныхъ горахъ и до сихъ дней“ [3]). Затѣмъ подъ 1177 годомъ въ лѣтописи упоминается черниговскій „игуменъ св. Богородицы“ Ефремъ, посланный Святославомъ Ольговичемъ къ Всеволоду Суздальскому съ черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ [4]). Когда и кѣмъ основанъ этотъ монастырь, въ лѣтописяхъ не упоминается. Бывшіе настоятелями сего монастыря въ 17 вѣкѣ, Зосима Прокоповичъ и Іоанникій Голятовскій, основаніе его и построеніе

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 9.

[2]) Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 136.

[3]) Лѣтопись по Ипат. сп. стр. 411.

[4]) Исторія Рос. Іерархіи. Томъ 6, стр. 492. Опис. Черн. Еп. кн. 3, стр. 2 и 3.

въ немъ каменнаго Успенскаго храма приписали черниговскому князю Святославу Ярославичу; то же повторено въ Исторіи Росс. Іерархіи и въ „Описаніи Черниговской Епархіи". Но монастырь могъ явиться здѣсь и раньше времени Святослава Ярославича, въ княженіе Ярослава (1034—1054 г.) и даже при св. Владимірѣ. Что же касается сооруженія существующаго до нынѣ древняго каменнаго храма во имя Успенія Пресвятой Богородицы, то едвали можно считать Святослава Ярославича создателемъ его, такъ какъ въ древней лѣтописи о немъ не значится и такъ какъ въ немъ не погребенъ ни онъ и никто изъ его сыновей по существовавшему тогда обычаю погребать создателей храмовъ въ сихъ храмахъ, а ихъ ближайшихъ потомковъ въ *отни* монастырѣ [1]). Въ черниговскомъ Богородичномъ монастырѣ погребенъ въ 1196 г. Трубчевскій князь *Всеволодъ* (Буй-туръ) *Святославичъ*, сынъ черниговскаго князя Святослава Ольговича, воспѣтый въ „Словѣ о полку Игоревѣ" и умершій въ Олговичахъ; „приложися, говоритъ лѣтопись, къ *отцемъ своимъ* и дѣдамъ". Его проводили до гроба „епископъ черниговскій и вси игумени и попове и вся братья во Олговичехъ племени, съ великою честію и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ". Изъ этого факта погребенія и словъ лѣтописи „приложися ко отцемъ своимъ и дѣдамъ" слѣдуетъ заключить, что Богородичный храмъ Елецкаго монастыря сооруженъ Олегомъ Святославичемъ или однимъ изъ Ольговичей, княжившихъ потомъ въ Черниговѣ—Святославомъ Ольговичемъ или братомъ его вел. кн. кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, бывшимъ предъ тѣмъ 12 лѣтъ на черниговскомъ княженіи. На это указываетъ и сходство архитектуры этого храма съ архитектурой Кіево-Кирилловскаго, созданнаго тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ.

Въ нашествіе Батыя, при разореніи Чернигова, несомнѣнно пострадалъ и Богородичный монастырь, хотя лѣтописи о семъ въ частности не говорятъ и о дальнѣйшемъ существованіи его

---

[1]) Помыслы Святослава Ярославича были устремлены болѣе къ Кіеву, въ Копыревомъ концѣ котораго онъ соорудилъ храмъ св. Симеона, но въ Кіевѣ ему пришлось княжить только 3 послѣдніе года жизни и не въ немъ возлечь своими костьми.

не упоминаютъ до 17 вѣка, когда онъ становится извѣстнымъ подъ именемъ *Елецкаго Успенскаго*. Черниговскіе историки, начиная съ Іоанникія Голятовскаго, полагаютъ, что *Елецкимъ* онъ названъ по образу Божіей Матери, обрѣтенному на еловомъ деревѣ и будто это обрѣтеніе случилось на мѣстѣ Богородичной церкви въ 1060 году, еще до переселенія преподобнаго Антонія въ Черниговъ. Но если бы монастырь получилъ названіе Елецкаго Успенскаго въ началѣ своего существованія и притомъ отъ иконы, обрѣтенной на ели и на ели изображаемой до нынѣ [1]), то на этой иконѣ надлежало бы быть Успенію Божіей Матери. Между тѣмъ на Чудотворной иконѣ сего монастыря нѣтъ Успенія Божіей Матери, а изображена Божія Матерь сидящею и держащею на своихъ колѣнахъ стоящаго младенца Іисуса. Изъ чего слѣдуетъ, что основаніе черниговскаго Богородичнаго монастыря и его названіе „Богородичнымъ“ произошло независимо отъ обрѣтенія иконы на ели и гораздо раньше этого событія. Могъ Богородичный монастырь получить названіе Елецкаго и просто отъ мѣстности своей, покрытой еловымъ лѣсомъ, подобно монастырямъ кіевскому Спасскому на *Берестовѣ* и московскому Спасскому на *Бору*, получившимъ названіе отъ берестоваго и сосноваго лѣса.

Въ 1611 году, по взятіи Чернигова предводителемъ польскаго войска Горностаемъ, одновременно съ черниговскимъ замкомъ сгорѣлъ и Елецкій монастырь, а иноки его вмѣстѣ съ московскимъ отрядомъ войскъ удалились въ Москву. Спустя 12 лѣтъ послѣ этого опустошенія, монастырь Елецкій пришелъ уже въ такое запустѣніе, что меньшіе куполы его, бывшіе надъ хорами и по бокамъ, обвалились; наконецъ упалъ и большой куполъ съ сильнымъ грохотомъ. Въ это бѣдственное время принялъ монастырь въ управленіе, по грамотамъ Сигизмунда III и Владислава IV, извѣстный въ проповѣднической литературѣ подъ именемъ „Транквилліона“ Кириллъ *Ставровецкій* и въ санѣ архимандрита управлялъ имъ съ 1623 г. по 1646 г., устроивъ въ маетности сего монастыря и собственную типогра-

[1]) Лѣтоп. Ипат. сп. стр. 467.

фію. Но въ послѣдніе 10 лѣтъ,—съ 1637 года, онъ былъ только номинальнымъ настоятелемъ Елецкаго монастыря, который отданъ уніатскимъ архимандритамъ; будучи вытѣсненъ изъ монастыря своего, жилъ онъ въ какой то монастырской „маетности", можетъ быть, въ томъ хуторцѣ, который былъ при св. озерѣ и который упомянутъ въ монастырской описи, составленной при св. Димитріи Тупталѣ. Впрочемъ, уніаты владѣли Елецкимъ монастыремъ не долѣе 1649 г., т. е. до изгнанія изъ всей Малороссіи латинскихъ и уніатскихъ священниковъ и монаховъ Богданомъ Хмельницкимъ. Съ этого времени до 1669 г. запустѣлый Елецкій монастырь, съ его угодіями земельными, состоялъ въ непосредственномъ вѣдѣніи и владѣніи черниговскихъ преосвященныхъ Зосимы Прокоповича и Лазаря Барановича [1]). Наконецъ преосвященный Лазарь, желая поднять изъ развалинъ знаменитый Елецкій монастырь, избралъ въ настоятели его мужа, по выраженію архіерейской грамоты, „отличнаго и способнаго къ службѣ Божіей, опытнаго въ наукахъ св. Писанія и искуснаго въ жизни иноческой, почтеннаго господина о. Іоанникія *Голятовскаго*, бывшаго ректоромъ и игуменомъ кіевскаго Братскаго монастыря", и вручилъ ему этотъ монастырь въ полное распоряженіе со всѣми принадлежащими къ нему имѣніями, съ согласія гетмана Демьяна Игнатовича (Многогрѣшнаго) и другихъ особъ духовнаго и свѣтскаго сословія, причемъ возвелъ его въ санъ архимандрита, въ надеждѣ что „подъ его ревностнымъ управленіемъ процвѣтетъ то пустынное мѣсто, какъ кринъ красный во славу Господа Бога, славимаго въ Тройцѣ и въ похвалу Пречистой Госпожи Богородицы". Архимандритъ Голятовскій, дѣйствительно, ревностно принялся за возстановленіе ввѣреннаго ему монастыря: въ короткое время, съ 1670 по 1674 г., по его словамъ, „очищенъ былъ щебень какъ около церкви отъ разрушенныхъ стѣнъ, такъ и въ самой церкви св. Богородицы, исправлены фрамуги подъ хорами, и столбы между окнами въ большомъ куполѣ; закрытая землею церковь очищена и, бывъ доселѣ ненакрытою, покрыта. Въ ней жили неразумныя

[1]) Жившихъ тогда не въ Черниговѣ, а въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

звѣрята и птахи—гнѣзда себѣ чинили“ [1]). Возстановлены были и куполы [2]), которыхъ барабаны, какъ видно изъ словъ обновителя, сохранились, лишившись только своихъ верхнихъ частей. Значительную помощь ему въ этомъ дѣлѣ оказалъ черниговскій полковникъ Василій *Дунинъ-Борковскій*, который на свой счетъ соорудилъ каменную трапезу съ церковью во имя св. апостолъ Петра и Павла и сдѣлалъ значительныя пожертвованія церковною утварью. Сверхъ того Іоанникій Голятовскій, отправившись въ Москву, испросилъ для своего монастыря отъ щедротъ царя Алексѣя Михайловича св. сосуды, священническія облаченія, крестъ, евангеліе и денежное пособіе. Скончался онъ въ глубокой старости въ 1688 г. въ семъ же монастырѣ и погребенъ подъ настоятельскимъ мѣстомъ въ обновленномъ Успенскомъ храмѣ. Преемниками Голятовскаго въ управленіи Елецкимъ монастыремъ были не менѣе ученые и извѣстные святостію жизни: *Ѳеодосій Углицкій* (1688—1696 г.), бывшій потомъ архіепископомъ черниговскимъ, *Іоаннъ Максимовичъ* (1696—1697 г.), изъ черниговскихъ архіепископовъ пожалованный въ санъ митрополита Тобольскаго, св. *Димитрій Туптала* (1697—1700 г.), впослѣдствіи митрополитъ Ростовскій, и *Іероѳей Малицкій* (1744—1788 г.), скончавшійся въ санѣ митрополита кіевскаго.

Древній храмъ Пресвятыя Богородицы, во имя ея Успенія, имѣетъ въ основаніи своемъ форму удлиненнаго прямоугольника съ 3-мя абсидами или алтарными закругленіями на восточной сторонѣ. Длина его 14½ саж., ширина 8 саж., верхъ вѣнчаютъ 5 куполовъ, которые сохранили свою прежнюю форму, не смотря на бывшія поврежденія. Въ 2-хъ абсидахъ храма устроены два престола: средній во имя Успенія Божіей Матери и южный во имя архистратига Михаила, а сѣверная абсида составляетъ придѣлъ жертвенника. Хоры примыкаютъ къ западной стѣнѣ, съ боковыми выступами по сѣверной и южнымъ стѣнамъ; на южномъ продолженіи хоръ устроенъ престолъ во имя

[1]) Скарбница стр. 7.

[2]) Тамъ же стр. 13 и 14.

св. Георгія. Входъ на хоры проходитъ въ сѣверной стѣнѣ, освѣщаясь щелеобразными окнами, подобно всходу на хоры въ церкви Кіево-Кирилловскаго монастыря. Бывшій подъ хорами, на южной сторонѣ, придѣлъ съ престоломъ св. Іоанна Предтечи обращенъ въ ризницу. Размѣры храма, его планъ, устройство лѣстницы, ведущей на хоры, и самыя хоры съ придѣломъ на нихъ подтверждаютъ сходство этого храма съ Кіево-Кирилловскимъ храмомъ Всеволода Ольговича. Къ южной стѣнѣ алтарной части пристроенъ въ 17 вѣкѣ малый каменный храмъ, въ видѣ палатки, во имя апостола Іакова, въ которомъ погребенъ козацкій полковникъ *Яковъ Лизогубъ*. Вокругъ алтаря главнаго храма есть довольно надгробныхъ памятниковъ, надъ могилами разныхъ лицъ.

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о. Голятовскимъ въ его „Скарбницѣ", главный Успенскій храмъ въ древности окружали каплицы или крытыя галлереи, подобныя бывшимъ въ его время при великой церкви Кіево-Печерской Лавры, и слѣды ихъ упора въ стѣны Успенскаго храма видны были при немъ. На внутреннихъ стѣнахъ церкви сохранялась древняя фресковая живопись, которой „не могли истребить или испортить ни дождь, ни снѣгъ" [1]) во время долговременнаго запустѣнія. Подлѣ церкви были находимы въ грунтѣ земли таблицы и куски олова, которыми она была покрыта въ древности. При исправленіи зданія ея былъ найденъ подъ церковною дверью гробъ изъ плитъ краснаго камня. Оказалось также нѣсколько каменныхъ гробовъ подъ хорами, но въ разрушенномъ состояніи, съ недостающими плитами, которыя унесены. При постройкѣ каменной церкви въ 1676 г. вырытъ въ глубокой ямѣ круглый оловяный образъ Божіей Матери, стоящей съ воздѣтыми горѣ руками и съ младенцемъ Іисусомъ въ ея лонѣ; на оборотной сторонѣ медальона было изображеніе св. Василія Великаго, въ омофорѣ, съ греческою подписью его имени.

Въ особомъ кіотѣ находится *чудотворная икона Божіей Матери*, называемая Елецкою. Архимандритъ Іоанникій Голя-

[1]) Профессоръ Кіев. университета А. В. Праховъ въ іюнѣ сего года удостовѣрилъ существованіе этой фресковой живописи подъ слоями побѣлки. Подъ хорами, въ южной стѣнѣ, открытъ имъ аркосоль съ каменнымъ гробомъ.

товскій описываетъ ее такъ въ своей „Скарбницѣ“: „намаліовано дерево еловое з галузьями (вѣтьвями) зеленими; межь тыми галузьями высоко сидячая Божія Матерь, на своихъ колѣнахъ дидятко Христа стоячого подъ пахи лѣвою держачая, правою рукою за ноги Христа держитъ, а Христосъ въ лѣвой рукѣ держитъ хартію“. Безъ сомнѣнія на иконѣ, обрѣтенной въ древности на еловомъ деревѣ, не было изображенія ели подъ стопами Божіей Матери; въ такомъ видѣ она могла быть написана только послѣ обрѣтенія, въ воспоминаніе той иконы, которая оказалась на еловомъ деревѣ; слѣдовательно имѣющаяся нынѣ въ черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ и признаваемая чудотворною икона Божіей Матери не та, которая снята съ еловаго дерева въ древнее время. Это подтверждаетъ и бывшій настоятель сего монастыря, о. Голятовскій. Въ своей „Скарбницѣ“ онъ пишетъ, что „образъ Божіей Матери привезъ въ генварѣ 1676 года до Чернигова з великой Россіи, з мѣста Владиміра, нѣкто Никита Федоровичъ Козелъ на ярмарокъ, а Константинъ Мазопета, купивши сей образъ, отдалъ до церкви Богородицы Елецкой“ [1]). При этомъ о. Голятовскій поясняетъ, что „такій образъ у московскихъ обывателей называется Богородица Елецка отъ того, что въ Черниговѣ есть образъ, найденный на елинѣ, а объ этомъ московскіе обыватели вычитали у нѣкоего Лѣтописца Русскаго“. По другому сказанію подлинная икона Божіей Матери Елецкая во время войны съ польскимъ королемъ Баторіемъ взята въ Москву князьями Барятинскими, потомками Святослава Черниговскаго, а въ 1687 г. была въ крымскомъ походѣ съ княземъ Даніиломъ Барятинскимъ и на обратномъ пути изъ похода отдана симъ княземъ, бывшимъ въ смертной болѣзни, въ харьковскій Успенскій соборъ [2]). Но и на этой иконѣ Божія Матерь изображена также въ вѣтвяхъ еловаго дерева и въ томъ же видѣ, какъ на иконѣ, купленной Мазопетою у Владимірскаго торговца Козела. Слѣдовательно, нужно считать утраченною подлинную икону, обрѣтенную нѣкогда въ

---

[1]) Скарбница, стр. 2.

[2]) Опис. Харьк. Епархіи, кн. II, стр. 10—12.

Черниговѣ на еловомъ деревѣ. Въ западной части Елецкаго Успенскаго храма положенъ благотворитель этой обители, генеральный обозный *Василій Андреевичъ Дунинъ-Борковскій*.

Въ югозападномъ углу церкви указываютъ нынѣ *келію преподобнаго Николы Святоши*, сына черниговскаго князя Давида Святославича. Но ни въ лѣтописи древней, ни въ Патерикѣ печерскомъ не говорится, чтобы Никола Святоша былъ инокомъ въ какомъ либо другомъ монастырѣ, кромѣ Кіево-Печерскаго, въ который онъ поступилъ послѣ кратковременнаго княженія въ Луцкѣ, на Волыни. А въ исторіи росс. іерархіи говорится, что въ западной части Успенскаго храма Елецкаго монастыря—„подобіемъ циркули бывшій прежде католицкій придѣлъ, нынѣ палатка ризничая". Слѣдовательно, за 100 лѣтъ предъ симъ не было и преданія о келіи преподобнаго Николы Святоши въ Елецкомъ монастырѣ.

Площадь Успенскаго храма обставлена со всѣхъ сторонъ каменными зданіями. На сѣверъ отъ него колокольня въ формѣ восьмиугольнаго столба, вышиной въ 16 сажен.; на западной сторонѣ—трапеза, на восточной сторонѣ—братскій корпусъ; на южной сторонѣ—настоятельскій домъ съ домовою церковью; по скату горы—фруктовый садъ.

Въ мѣстной черниговской печати недавно заявлено объ открытіи въ Елецкомъ монастырѣ—подъ настоятельскимъ домомъ—*ближнихъ пещеръ* преподобнаго Антонія печерскаго (въ pendant ближнимъ и дальнимъ кіевскимъ), въ которыхъ якобы жилъ преподобный Антоній, прежде чѣмъ ископалъ другую пещеру на Болдиной горѣ, отдѣленной ложбиной отъ Елецкаго монастыря. Но ни въ древней лѣтописи, ни въ позднѣйшихъ запискахъ не упоминается о существованіи какой либо пещеры въ семъ монастырѣ.—Въ лѣтописи говорится объ одной пещерѣ, которую ископалъ себѣ преподобный Антоній на Болдиной горѣ и въ которой онъ поселился по прибытіи изъ Кіева въ Черниговъ. Не было о таковой пещерѣ и преданія въ семъ монастырѣ, потому что не довѣдался о ней и такой любознательный собиратель свѣдѣній о Елецкомъ монастырѣ, какимъ былъ Іоанникій Голятовскій, I-й настоятель

его по изгнаніи уніатовъ. Выдаваемый за пещеру преподобнаго Антонія подвалъ подъ настоятельскими покоями, съ широкими, сложенными изъ толстаго кирпича, входами, съ нишами по бокамъ, и камерами, облицованными такимъ же кирпичемъ, нисколько не подходитъ къ типу кіевскихъ пещеръ и не могъ быть мѣстомъ для жительства подвижниковъ по своей сырости. Наконецъ при самомъ простомъ обозрѣніи нельзя не видѣть, что это хорошій хозяйственный погребъ, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ погребовъ, устрояемыхъ въ подвальныхъ этажахъ большихъ домовъ для заготовленія разныхъ припасовъ на зимнее время. Нужно сказать и то, что преподобный Антоній, любившій уединяться даже отъ братіи монастырской, не сталъ бы копать себѣ пещеру на монастырскомъ дворѣ, и впослѣдствіи, изъ уваженія къ великому подвижнику, не стали бы строить жилой домъ надъ его пещерою, но устроили бы молельню или церковь.

Другое недоразумѣніе явилось относительно принадлежащаго Елецкому монастырю озера, называемаго „святымъ“. Названіе этого озера дало поводъ предположенію, будто въ немъ совершилось крещеніе черниговцевъ при св. Владимірѣ. Но слово „святый“ говоритъ не о крещеніи, а о „священіи“; словомъ этимъ дается знать, что здѣсь что-то святилось и, по всей вѣроятности, въ этомъ озерѣ, какъ ближайшемъ къ Елецкому монастырю бассейнѣ воды, совершалось когда нибудь торжественное освященіе воды 6 января съ крестнымъ ходомъ изъ сего монастыря, подобно тому, какъ, въ давнее время, на сѣверной окраинѣ Кіева совершался 6 января отдѣльный отъ городскаго, крестный ходъ изъ монастырей Кирилловскаго и Іорданскаго для освященія воды на озерѣ, находящемся на Оболоньи Днѣпра, которое отъ сего получило названіе Іорданскаго, и ближайшій къ нему женскій св. Николаевскій монастырь сталъ называться тоже Іорданскимъ [1]).

[1]) Нужно сказать и то, что въ черниговской губерніи не одно святое озеро. есть святое озеро и близъ Рудни, на Деснѣ.

2) Черниговскій Ильинскій монастырь и 3) бывшій св. Троицкій монастырь, нынѣ черниговскій архіерейскій домъ.

Черниговскій Ильинскій монастырь находился близъ монастыря елецкаго, въ разстояніи одной версты отъ него, на *Болдиной горѣ*, отдѣляющейся ложбиной отъ той возвышенности, на которой стоитъ Елецкій. Это и есть та гора, которую избралъ преподобный Антоній въ жилище себѣ, удаляясь отъ гнѣва в. князя кіевскаго Изяслава за нѣкоторый знакъ благоволенія, оказанный его сопернику Всеславу. Сохранилась до настоящаго времени и та пещера, которую здѣсь ископалъ и въ которой жилъ нѣкоторое время преподобный. Она находится на сѣверной окраинѣ горы и дѣлится на двѣ равныя части. Первая, значительно большая, состоитъ изъ сравнительно просторнаго хода, обдѣланнаго кирпичемъ и прерывающагося тремя подземельными пещерами, которыя отдѣланы въ стилѣ ренесанса (XVII—XVIII вѣка). За этою отдѣланною кирпичемъ частью идетъ болѣе короткая часть пещеръ, оставшихся въ ихъ первобытномъ видѣ; онѣ выкопаны въ плотной глинѣ и не облицованы кирпичемъ (тѣмъ же, изъ котораго сдѣлана облицовка ведущихъ къ нимъ ходовъ), заподлицо съ первоначальною поверхностью глиняныхъ стѣнъ, а не поверхъ ихъ. Эта отдаленнѣйшая часть пещеръ по видимому умышленно удержана въ первоначальномъ ихъ видѣ, причемъ характерною ихъ особенностію является, кромѣ оголенности глиняныхъ стѣнъ, еще крайняя ихъ узкость, такъ что мѣстами одному только человѣку можно пройти въ нихъ. Далѣе неправильность профилей какъ вертикальныхъ стѣнъ, такъ и повершающихъ полукруглыхъ потолковъ. На концѣ развѣтвленіе пещеръ, причемъ въ одномъ направленіи ходъ образуетъ поворотъ къ самому себѣ, описывая неправильную линію, нѣсколько приближающуюся къ сторонамъ четвероугольника, и въ этой части усматривается расширеніе хода въ видѣ короткой лежанки, а въ другомъ мѣстѣ въ видѣ полукруглой ниши. Въ одномъ мѣстѣ, выглаженномъ и потемнѣвшемъ отъ времени, замѣтно изображеніе креста съ буквами: ІС. ХР. НІ. КА. Эти отдаленнѣйшіе, необ-

лицованные ходы представляютъ разительное сходство съ кіевскими пещерами, поскольку послѣднія остались безъ облицовки, и вообще оставляютъ впечатлѣніе глубокой древности.

При входѣ въ пещеру стоитъ каменная, небольшихъ размѣровъ церковь *Ильинская*, примыкающая къ сѣверной ея сторонѣ. Въ длину она имѣетъ съ притворомъ 7 саж., въ ширину 7 аршинъ и значительно высока, съ открытымъ куполомъ. Хотя она, подобно ходамъ пещеръ, облицована въ стилѣ ренесанса, но въ основѣ своей представляетъ кладку великокняжеской эпохи, въ чемъ убѣждаетъ обнаженная стѣна алтарнаго полукружія подъ восточнымъ окномъ. Судя по архитектурѣ сводовъ и оконъ, можно думать, что она сохраняетъ свой первоначальный видъ, только получила два наращенія—съ южной стороны въ видѣ низкой палатки для помѣщенія пономарни, а съ западной стороны—въ формѣ высокаго притвора. Создатели ея не безъ особеннаго намѣренія посвятили ее имени пророка, который укрылся въ пещерѣ горы Хоривъ (3. Царст. 19, 9), чтобы скрыться отъ гнѣва Іезавели, подобно преподобному Антонію, удалившемуся въ пещеру Болдиной горы отъ гнѣва Изяслава.

Въ древнихъ лѣтописяхъ черниговская Ильинская церковь не упоминается. Въ *печатномъ* печерскомъ патерикѣ читается такъ въ житіи преподобнаго Антонія: „возлюби (Антоній) мѣсто близъ града въ горѣ Болдыни и ту, пещеру ископавъ, живяше въ ней, на немъ же мѣстѣ созданъ бысть послѣди и монастырь“.

Въ предисловіи къ елецкому синодику сказано: „и тамъ (у пещеры) збудовася мурована св. Иліи пророка церковь“. Въ предисловіи къ книгѣ „Руно орошенное св. Дмитріемъ Ростовскимъ написано“: „церковь св. пророка Иліи въ землѣ россійской року 1069, змурована благочестивымъ княземъ черниговскимъ Святославомъ Ярославичемъ, а при ней и монастырь близко богоспасаемаго града Чернигова, отъ котораго отлеглый стоитъ якобы за версту при горахъ Болдиньскихъ, гдѣ преподобный отецъ нашъ Антоній печерскій презъ немалый часъ, ушовши зъ Кіева, отъ гнѣва Изяслава князя кіевскаго,

жилъ и выкопалъ пещеру". Нужно, впрочемъ, думать, что Ильинская церковь построена и монастырь при ней устроенъ уже по возвращеніи преподобнаго Антонія въ Кіевъ, такъ какъ раньше это было бы несогласно съ его любовію къ пустынному уединенію. Судьба Ильинскаго монастыря до начала 17 вѣка неизвѣстна. О состояніи его въ половинѣ 17 вѣка такъ писалъ игуменъ Зосима въ просительномъ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу: „и нынѣ де тотъ монастырь оскудѣлъ потому, что отъ ляховъ и отъ татаръ разоренъ". Тоже значится и въ царской грамотѣ 1667 года. Возобновленіемъ своимъ онъ обязанъ заботливости игумена своего *Зосимы Тишевича* (1649—1689 г.) и усердію козацкаго полковника *Стефана Подобайлы*, который въ 1654 г. убитъ подъ г. Старымъ Бышевымъ во время войны съ поляками и погребенъ въ семъ монастырѣ.

При Ильинскомъ монастырѣ съ половины 17 вѣка по 1820 годъ существовала типографія, устроенная архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ, въ которой издано много богослужебныхъ и другихъ полезныхъ книгъ. Она пріобрѣла такую извѣстность, что императоръ Петръ I-й въ 1720 г. вызывалъ изъ нея типографовъ въ Петербургъ для устройства типографіи въ Александро-Невской лаврѣ.

Тѣснота Болдинской горы и умноженіе числа монастырской братіи побудили преосвященнаго Лазаря Барановича перенести монастырь съ Болдиной горы на болѣе просторную, сосѣднюю гору, прилегающую къ южной ея сторонѣ и отдѣленную отъ нея только небольшимъ оврагомъ. Здѣсь, при царственной помощи и при содѣйствіи гетмана Ивана Мазепы и другихъ благотворителей, сооруженъ имъ обширный и великолѣпный храмъ во имя св. Троицы—длиною въ 17 саж., шир. въ 11 саж., съ настоятельскимъ двухъ этажнымъ домомъ, трапезною церковью и братскими келліями. Постройка ихъ начата въ 1679 г., а окончена уже при просвѣщенномъ преемникѣ Лазаря Барановича, архіепископѣ Ѳеодосіи Углицкомъ въ 1695 году. Съ Ильинскимъ монастыремъ новый монастырь соединенъ перекинутымъ чрезъ оврагъ мостомъ на каменныхъ столбахъ съ крытою галлереей, (теперь несуществующими), и потому на-

званъ Троицко-Ильинскимъ. Но соединенный монастырь просуществовалъ едва 100 лѣтъ: по штатамъ 1787 года онъ закрытъ. Въ зданіяхъ его предположено было помѣстить имѣвшій быть открытымъ въ Черниговѣ университетъ, но новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 1790 года Троицкій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ, а древняя церковь Ильинскаго монастыря обращена въ приходскую съ причисленіемъ къ ней 2-хъ ближайшихъ деревень.

Иконостасъ Троицкаго храма въ 5 ярусовъ, рѣзной изъ дерева, съ 16-ю колоннами въ нижнемъ ярусѣ. Стѣны расписаны св. картинами по мысли и подъ наблюденіемъ преосвященнаго архіепископа черниговскаго *Михаила*, скончавшагося въ санѣ петербугскаго митрополита.

Въ отдѣльномъ кіотѣ у одного изъ столбовъ, поддерживающихъ своды главнаго купола, помѣщается весьма почитаемая черниговскими и окрестными жителями *икона Божіей Матери*. Первоначально она находилась въ Ильинской церкви, и потому называется *Ильинскою;* покрыта серебряною, вызолоченною ризой, а вѣнецъ и ея ожерелье украшены драгоцѣнными камнями. „Образъ сей, какъ значится въ книгѣ „Руно орошенное", маліовалъ *Григорій Константиновичъ*, въ иноцѣхъ *Геннадій*, маляръ дубенскій, року отъ рождества Христова 1658 и въ томъ же монастыру Ильинскомъ, за игуменство *Тишевича* (Зосимы) Господь Богъ прославилъ ее славными и великими чудесами". Чудеса эти описаны св. Димитріемъ Ростовскимъ и Іоанномъ Максимовичемъ.

Въ ризницѣ, бывшей монастырской трапезѣ, находится значительное количество богатой церковной утвари, какъ то: св. сосудовъ, крестовъ, митръ и панагій. Въ библіотекѣ довольно большое собраніе старинныхъ книгъ славянской печати.

Подъ просторными сводами Троицкаго храма погребены преосвященные черниговскіе:

Епископъ Ираклій—1765 г.

Архіепископъ Викторъ Садковскій, † 1803 г.

Архіепископъ Филаретъ Гумилевскій, † 1866 г.

Архіепископъ Нафанаилъ Савченко, † 1875 г.

Изъ древней Лѣтописи видно, что въ Черниговѣ были еще церкви: *св. Михаила*, на княжемъ дворѣ, которую заложилъ въ 1174 г. князь Святославъ Всеволодовичъ, и св. *Благовѣщенія*, „юже бѣ создалъ тотъ же князь Святославъ Всеволодовичъ и святи мѣсяца марта 1186 года". Отъ нихъ не осталось и фундаментовъ. Полагаютъ, что княжій дворъ былъ къ востоку отъ Спасскаго собора, на краю черниговскаго кремля. Судя по тому, что церковь Благовѣщенія была въ Кіевѣ на Золотыхъ воротахъ, а Золотыя ворота съ Спасскимъ вблизи ихъ храмомъ въ Кіевѣ и Владимірѣ (на Клязьмѣ) стояли къ западу отъ главнаго городского собора, нужно полагать, что черниговская Благовѣщенская церковь находилась противъ западной стороны Спасскаго собора и не особенно далеко отъ него.

П. Л.

Отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ.

Мы видѣли въ предыдущихъ очеркахъ болѣе или менѣе ясное отраженіе виршевыхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. Но прежде чѣмъ перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи поэтической формы думъ, считаемъ необходимымъ всмотрѣться въ техническіе пріемы, которыми руководствовались творцы думъ при самомъ построеніи ихъ.

Для распознанія этихъ пріемовъ мы должны остановиться на нѣкоторыхъ думахъ, сходныхъ по содержанію съ пѣснями.

Найболѣе удобный матеріалъ для этого сравненія представляютъ думы болѣе ранняго сложенія—изъ эпохи, предшествовавшей войнамъ Богдана Хмельницкаго.

Предъ нами—цѣлый рядъ картинъ, изображающихъ борьбу козаковъ съ татарами и турками на морѣ и на сушѣ. Собственно говоря, въ этихъ картинахъ боевыхъ сценъ мало—преобладаютъ сцены, въ которыхъ дѣйствующія лица испытываютъ на себѣ тяжелыя послѣдствія разореній и погромовъ татарскихъ или же стремятся къ освобожденію себя отъ этихъ послѣдствій. Однимъ изъ нихъ была неволя татарская, та самая неволя, которая хорошо извѣстна была всей средневѣковой Европѣ въ борьбѣ ея съ мусульманскимъ міромъ. Не наше дѣло разсказывать здѣсь объ этой неволѣ по историческимъ документамъ, касающимся южной Руси [1]). Довольно для насъ простой ссылки на общеизвѣстный фактъ, что татары уводили въ плѣнъ цѣлые десятки

[1]) См. объ этомъ Историч. пѣсни малорус. народа Антоновича и Драгоманова, т. I. 73—74.

тысячъ людей обоего пола изъ городовъ и селъ южно-русскихъ. Нерѣдко и козакамъ удавалось производить такія же опустошенія въ Крыму. Такъ, въ 1675 г. знаменитый кошевой запорожскій Иванъ Сирко вторгнулся въ Крымъ съ 20 тысячами войска и захватилъ въ плѣнъ 13 тысячъ человѣкъ. Любопытно, что въ составѣ этихъ плѣнниковъ большинство (7 тысячъ) было христіанъ, которые раньше попали въ неволю татарскую. Не менѣе любопытно и то, что 3 тысячи изъ этихъ христіанскихъ плѣнниковъ не пожелали возвращаться на родину, потому что „тамъ, въ Крыму, говорили они, мѣютъ уже свои осѣдлиска и господарства, и для того тамъ лутше себѣ желаютъ жыти, нежели въ Русѣ, ничего своего не имущи“ [1]). Происходило, по видимому, этническое смѣшеніе элементовъ самыхъ разнородныхъ. Какъ извѣстно, въ данномъ случаѣ Сирко приказалъ безпощадно истребить всѣхъ тѣхъ плѣнниковъ, которые заявили желаніе возвратиться въ Крымъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, какъ на враговъ своей родины. Когда кровавая расправа была окончена, онъ „до мертвыхъ труповъ, говоритъ лѣтописецъ, вымовилъ такія слова: „спѣте тутъ до страшного суду Господня, нежели бысте мѣли въ Криму между бесурманами размножаться на наши христіанскіи молодецкіи головы“ [2]). Вотъ на этой почвѣ глубокихъ нравственныхъ потрясеній, сопровождаемыхъ физическими страданіями, и развивалось поэтическое творчество народное, выдвигая однородныя темы, какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ думахъ. И тамъ, и здѣсь мы видимъ предъ собою цѣлые ряды плѣнниковъ и плѣнницъ неодинаковыхъ нравственныхъ качествъ, неодинаковой душевной силы. Но то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы. Послѣдній мотивъ явственно слышится въ думѣ о побѣгѣ невольниковъ то изъ тем-

[1]) Лѣтопись Величка, т. II. 376.

[2]) Ibidem, 377.

ницъ, то изъ каторги турецкой, напримѣръ, въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ или же въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ по варіанту Котляревскаго. Но такъ какъ для этихъ думъ почти невозможно подобрать соотвѣтствующихъ параллелей въ пѣсняхъ, то мы должны изъ цѣлаго ряда невольницкихъ думъ выбрать думу, болѣе элегическаго, чѣмъ торжествующаго характера.

Остановимся на думѣ о Марусѣ Богуславкѣ.

Немало есть народныхъ пѣсенъ о плѣнницахъ, которыя помирились съ своимъ положеніемъ. Конечно, это были тѣ изъ нихъ, которыя красотой своей могли расположить къ себѣ суровыхъ похитителей своихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигали въ новой средѣ выдающагося положенія. Такова, напримѣръ, была Росса или Роксолана, жена Сулеймана I, имѣвшая большое вліяніе на султана [1]). Для уясненія поэтическаго образа „дивкы-бранкы, Маруси попивны Богуславкы", не лишено нѣкотораго значенія то обстоятельство, что эта Роксолана по своему происхожденію тоже была поповна, только не изъ Богуслава, а изъ Рогатина. Реализмъ этого образа поддерживается и пѣсней народной, въ которой сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ

«Туркы воювалы,
Билу Челядь забиралы,
И въ нашои попаденькы
Взялы воны тры дивонькы» [2]).

Но дѣло не въ этихъ болѣе или менѣе случайныхъ сближеніяхъ. Гораздо важнѣе тѣ пѣсни, въ которыхъ плѣнницы, подобно Марусѣ Богуславкѣ, отказываются отъ своего рода-племени. Въ одной изъ нихъ рѣчь идетъ о „дивкѣ-бранкѣ, Маріанкѣ", которую татаре уводятъ въ плѣнъ. Съ дороги она пишетъ къ отцу своему письмо, въ которомъ проситъ его, чтобы онъ не тосковалъ:

«Нехай тато не сумуе,
Най ми посагъ не готуе...

[1]) О другихъ султаншахъ изъ малороссіянокъ см. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни малорус. народа, Т. I. 236—237.

[2]) Головац. Народныя пѣсни галицкой и угорской Руси, I, 49.

Ой бо вже я иду полемъ,
Та вже лисомъ зелененькымъ,
Та й зъ Турчыномъ молоденькымъ,
Чы зъ Турчыномъ, Арабыномъ,
Чы зъ невирнымъ Татарыномъ» [1]).

Пѣсня эта только намекаетъ на поворотъ симпатій, вызванный неволею въ душѣ плѣнницы. Есть другая пѣсня, въ которой настроеніе это мотивируется болѣе опредѣленнымъ образомъ. Разсказывается въ ней о встрѣчѣ матери съ дочерью въ плѣну у татаръ. Въ одинъ изъ набѣговъ татаринъ захватилъ мать своей жены, не подозрѣвая того, что это была его теща. Пріѣзжаетъ онъ домой и отдаетъ женѣ своей „невильницю, ажъ до смерти робитныцю". Заказано было ей:

«Оченькамы стадо пасты,
Рученькамы кужиль прясты,
Ноженькамы колысаты».

И вотъ плѣнница-мать поетъ надъ колыбелью своего внука:

«Люлю, люлю, Татарчатко,
По доненьци унучатко,
Бодай стадо выздыхало,
Бодай кужиль спопелила,
Бодай дытя скаменило»!

Докладываетъ объ этомъ слуга своей хозяйкѣ: прибѣжала она „боса, безъ пояса",

«Та вдарыла по лыченьку
Свою ридну матусеньку».

Не била я тебя, говоритъ мать дочери, когда кормила тебя своею грудью.

«Маты моя ридненькая!
Скыдай зъ себе свои латы,
Вбирай дорогии шаты,
Будешъ зъ намы пануваты»,

[1]) Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, I. 22.

говоритъ ей дочь.

«Лишши вбоги мои латы,
Нижъ дороги твои шаты:
Волю дома бидоваты,
Якъ въ чужыни пановаты»,

отвѣчаетъ мать.

Пѣсня заканчивается обращеніемъ дочери къ слугамъ, чтобы они отвезли мать въ родные края [1]).

Глубокою стариною вѣетъ отъ этой пѣсни, хотя бы уже потому, что она встрѣчается не только въ малорусской, но въ великорусской и даже бѣлорусской редакціи [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго сложенія ея, замѣтимъ только, что неволя татарская знакома была всему русскому міру, поэтому и пѣсня о двухъ плѣнницахъ, матери и дочери, могла проникнуть въ самые отдаленные углы его. Что касается до малорусской редакціи ея, то она представляетъ особенный интересъ по своему отраженію въ думѣ о Марусѣ Богуславкѣ. Намъ рисуетъ эта дума ту-же плѣнницу, которая не можетъ разстаться съ обстановкой своей неволи, но глубже и шире развиваетъ драматическій мотивъ, лежащій въ основѣ пѣсни, а главное—переноситъ этотъ мотивъ съ семейной почвы на общественную.

Семь-сотъ козаковъ, говоритъ дума, сидятъ въ каменной темницѣ, сидятъ они уже тридцать лѣтъ, солнца праведнаго не видятъ. Приходитъ къ нимъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“, и спрашиваетъ ихъ: отгадайте,

«Що въ нашій земли хрыстіянськый за день тепера»?

Не могутъ отгадать козаки-невольники, и говоритъ имъ „дивка-бранка, Маруся попивна Богуславка“:

«Що сегодня у нашій земли хрыстіянськый Велыкодная субота,
А завтра святый праздныкъ роковый день Велыкъ-день».
«То тоди ти козакы тее зачувалы,

---

[1]) Ibidem, I, 42—43

[2]) Библіографію этой пѣсни см. Историч. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, т. I, 286—296.

Билымъ лыцемъ до сыроп земли прыпадалы,
Дивку-бранку,
Марусю-попивну Богуславку,
Клялы-проклыналы»

за то, что она извѣстіемъ этимъ дала еще болѣе почувствовать имъ горечь неволи. Тогда Маруся утѣшаетъ ихъ обѣщаніемъ освободить ихъ изъ неволи,—когда „панъ турецькый“ поѣдетъ въ мечеть и отдастъ ей, Марусѣ, ключи отъ темницы. И вотъ въ самый день праздника, „въ роковый день Велыкъ-день“, она

«Темныцю видмыкае,
Всихъ козакивъ, бидныхъ невольныкивъ, на волю выпускае
И словамы промовляе:
«Ой, козакы, вы бидни невольныкы!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
Въ городы хрыстиянськи утикайте,
Тилькы прошу я васъ одного города Богуслава не мынайте,
Моему батьку и матери знаты давайте:
Та нехай мій батько добре дбае,
Гуртивъ, велыкыхъ маеткивъ нехай не збувае,
Велыкыхъ скарбивъ не збырае,
Та нехай мене, дивкы-бранкы, зъ неволи не выкупае,
Бо вже я потурчылась,
Побусурменылась
Для роскоши турецькои,
Для лакомства нещасного» [1])...

Все сдѣлала Маруся, что могла, для своей далекой родины, возвратила ей семь-сотъ защитниковъ ея, но убѣжать съ ними не могла. Грустно сознаетъ она свое пристрастіе къ „лакомству *нещасному*“, и мы невольно поддаемся обаянію ея словъ, въ которыхъ слышится мольба о состраданіи къ ея немощи.

Что же представляетъ эта трогательная дума сравнительно съ пѣснями о плѣнницахъ?

Ничто иное, какъ поэтическую композицію болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія ничто иное, какъ матеріалъ

[1]) Кулишъ, Записки о южной Руси, Т. I, 210.

для самой композиціи. Само собою разумѣется, что матеріалъ долженъ былъ существовать раньше композиціи, поэтому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что творцы думъ пользовались готовымъ уже пѣсеннымъ матеріаломъ для своихъ произведеній.

То же нужно сказать и о думахъ, изображающихъ боевыя столкновенія козаковъ съ татарами и турками.

Излюбленный образъ пѣсенъ, сюда относящихся, это одинокая смерть козака въ степи, вдали отъ родныхъ и родины. Безъ сомнѣнія, это тоже одинъ изъ древнѣйшихъ мотивовъ народной поэзіи. Встрѣчается онъ у сербовъ и даже у грековъ, но въ редакціяхъ русскихъ онъ разработанъ, такъ сказать, топографически, примѣнительно къ степному раздолью, на которомъ происходили роковыя встрѣчи русскихъ наѣздниковъ съ татарскими и турецкими. Характерная принадлежность этого раздолья по малорусскимъ пѣснямъ—степныя могилы, на которыя любуются хищныя птицы въ ожиданіи новыхъ жертвъ боя, надъ которыми насыпаны будутъ свѣжія могилы:

«Сокилъ зъ орломъ та й злитаеться,
Сокилъ орла та й пытаеться:
Чымъ же той свитъ закрашаеться?
Чы горамы, чы долынамы,
Чы велыкымы та могыламы?»[1]).

Вслѣдъ за этой прелюдіей начинается сама пѣсня объ умирающемъ козакѣ на одной изъ этихъ могилъ. Такихъ пѣсенъ въ народной малорусской поэзіи чрезвычайное множество. Это пѣсни о *рубаныхъ козакахъ*. Обыкновенно изображаются въ нихъ предсмертныя минуты этихъ степныхъ рыцарей. Послѣднею заботою ихъ въ эти минуты бываетъ передача отцу и матери печальной вѣсти о смерти сына ихъ. Вѣстниками бываетъ воронъ, орелъ и соколъ, но чаще всего является вѣстникомъ добрый конь козака, который спрашиваетъ своего хозяина:

«Кому мене уручаешъ,
Кому коня покыдаешъ?

[1]) Чубинскій, Труды этногр.-статистической экспедиціи, V, 943.

Чы турчыну, чы татарыну?›
«Тебе турчынъ, отвѣчаетъ ему хозяинъ, не пиймае,
А татарынъ не всидлае,
Бижы, коню, все лугамы,
Та все бытыми шляхамы»,

прибѣги на дворъ къ моей матери, будетъ она спрашивать тебя обо мнѣ, скажи ей, что я

«женывся,
Та понявъ соби паняночку,
Въ чыстимъ поли земляночку:
Що куды витеръ не вие,
А сонечко не грие,
Безъ виконець, безъ дверець,
Тамъ спытъ твий сынъ молодець» [1]).

Вотъ обычная схема этихъ пѣсенъ, но бываютъ иногда легкія отступленія отъ нея. На вопросъ матери о сынѣ конь отвѣчаетъ зловѣщимъ предложеніемъ посѣять песокъ на камнѣ: когда взойдетъ желтый песокъ и расцвѣтетъ зеленымъ барвинкомъ, тогда и сынъ ея воротится домой [3]). Этотъ послѣдній мотивъ встрѣчается иногда въ пѣсняхъ и думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины. Обыкновенно въ этихъ пѣсняхъ младшая сестра спрашиваетъ брата—козака, когда его въ гости ждать: онъ отвѣчаетъ загадкой о пескѣ, посѣянномъ на камнѣ [3]), или же о млиновомъ камнѣ и павиныхъ перьяхъ: когда млиновый камень начнетъ плавать, а павиныя перья начнутъ тонуть, тогда онъ воротится домой [4]). Тотъ же мотивъ широко развитъ въ думахъ объ отъѣздѣ козака изъ родины, съ тѣмъ же симпатичнымъ образомъ младшей сестры и съ тѣми же загадочными отвѣтами козака [5]).

---

[1]) Чубинскій, Труды экспедиціи, 94 ?.

[2]) Ibidem, 941, 942, 943, 953; Головацкій, Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руси I, 97—98; III, 45—46.

[3]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 890; Закревс. Старосвѣтскій бандуриста, 62-63.

[4]) Чубинс. Труды экспедиціи, 881; Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. III, 12.

[5]) Максимовичъ, Украинс. народныя пѣсни, 1834, 62. Лукашевичъ, Малорос. и червонорус. думы и пѣсни, 59. Кулишъ, Записки о южн. Руси. I. 14.

Но какъ пѣсни, такъ и названныя сейчасъ думы вращаются исключительно въ сферѣ семейныхъ отношеній. Не выходятъ изъ этой сферы и нѣкоторыя думы о смерти одного или нѣсколькихъ козаковъ въ степи (большею частію трехъ, иногда двухъ братьевъ). Есть, однакоже, одна прекрасная дума, въ которой тотъ же образъ умирающаго козака всецѣло проникнутъ суровою поэзіею козацкой жизни. Мы разумѣемъ думу о Ѳедорѣ безродномъ. Только одинъ варіантъ этой думы (А. А. Котляревскаго) связываетъ героя ея съ отцемъ-матерью, и то въ видѣ напоминанія объ нихъ, сдѣланнаго слугою умирающаго козака:

«Ты въ мене, говоритъ онъ своему слугѣ,
Отець и маты ридненьки, и братъ и сестрыця вирненьки» [1]).

Въ остальныхъ варіантахъ мы видимъ обстановку козацкой смерти строго козацкую, войсковую.

«Надъ сагою днипровою лежыть Ѳедоръ Безридный,
Безплеминный,
Постреляный,
Порубаный,
На раны смертельныи знемаганный» [2]).

Онъ отдаетъ на пямять о себѣ джурѣ своему коня, оружіе и все свое имущество козацкое, но при этомъ онъ хочетъ убѣдиться, будетъ-ли джура имѣть видъ настоящаго, браваго козака. Онъ приказываетъ ему сѣсть на коня и проѣхать передъ нимъ, и когда джура исполнилъ его желаніе, тогда только онъ рѣшилъ, что счеты его съ міромъ окончены.

«Ой благодарю тебе, Господа мылосердного, говоритъ онъ,
А що не ледай—кому моя худоба буде доставать!» [3])

Затѣмъ проситъ онъ джуру посмотрѣть, не ѣдутъ-ли козаки Днипромъ-Славутою, и даетъ ему отеческое наставленіе, какъ онъ долженъ встрѣтить козаковъ *по козацькому звычаю:*

---

[1]) Костомар. Исторія козачества въ памятникахъ народнаго пѣснотворчества, отд. от. 14.

[2]) Метлинс. Народ. южнор. пѣсни, 440.

[3]) Записки юго-зап. отдѣла географ. общества, I, 19.

«Шлычокъ на копію искладай,
А самъ нызько уклоняй,
Напередъ Господу Богу
И батькови кошовому,
Отаману вийськовому,
И всему товариству кревному и сердешному» [1]).

Джура передаетъ козакамъ просьбу умирающаго товарища, чтобы они

«Тило козацьке, молодецьке въ чыстимъ поли поховалы,
Звиру-птыци на поталу не подалы» [2]),

Дальше слѣдуетъ трогательная картина козацкихъ похоронъ. Одинъ изъ варіантовъ думы заканчивается характернымъ обобщеніемъ въ козацкомъ духѣ:

«То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийська козацького не вмирала!» [3])

Такимъ образомъ, и въ этой думѣ мы видимъ однородные поэтическіе мотивы, разбросанные во многихъ пѣсняхъ.

Перейдемъ теперь къ думѣ, болѣе массивной по содержанію, чѣмъ двѣ разобранныя нами думы, и въ то же время однородной съ ними по архитектурному построенію. Мы разумѣемъ думу объ Ивасѣ Коновченкѣ [4]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Максимовичъ, Украинскія народ. пѣсни, 1834, 4.

[4]) Событіе, о которомъ разсказывается въ этой думѣ, М. А. Максимовичъ относитъ къ 1634 году, „когда задпѣпровскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на татаръ и разбили ихъ подъ Тягиномъ". По его предположенію, корсунскій полковникъ Филоненко былъ сыномъ Филона Чигая (Украинс. народныя пѣсни, 1834 г., 51). Но въ 1634 г., замѣчаетъ Костомаровъ, край праваго берега Днѣпра представлялъ безлюдную пустыню, между тѣмъ „обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго: спокойное пребываніе іудеевъ въ краѣ—это черта времени до жесточайшаго избіенія жидовъ при Хмельницкомъ". (Исторія козачества въ памятникахъ южнорус. пѣснотворчества, отд. оттискъ, 67). Разсматривая думу въ стилистическомъ отношеніи, мы тоже готовы отнести ее скорѣе къ первой, чѣмъ ко второй половинѣ XVII в.

Нужно сказать прежде всего, что это самая живучая дума. Сохранилась она во множествѣ варіантовъ и поютъ ее даже на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, вообще говоря, думы встрѣчаются рѣдко [1]). По словамъ одного лирника, думу эту заставляютъ пѣть родители непокорныхъ дѣтей и „парубки“, которымъ очередь идти въ солдаты [2]). Сущность думы заключается въ изображеніи столкновенія между матерью и сыномъ, между семейнымъ строемъ жизни и общественнымъ. Старая Коновчиха—это не та мать, о которой поется въ пѣснѣ:

«Ой мала вдова сына сокола,
Выгодовала, въ вийсько оддала» [3]).

Только въ одномъ варіантѣ думы о Коновченкѣ она благословляетъ сына въ походъ противъ турокъ, но и то—скрѣпя сердце [4]). Въ остальныхъ варіантахъ она, какъ представительница семейнаго начала, страстно желаетъ, чтобы сынъ ея оставался при ней. Такая мать чаще всего встрѣчается въ пѣсняхъ. Нерѣдко она проклинаетъ своего сына за то, что онъ хочетъ промѣнять домашній очагъ на опасности боевой жизни [5]). То же дѣлаетъ и Коновчиха. Въ думѣ этому проклятію пред-

---

[1]) Галицкій варіантъ этой думы представляетъ уже историческую пѣсню съ обыкновеннымъ стихотворнымъ размѣромъ, который выдерживается довольно правильно сначала до конца, и для котораго иногда конецъ предыдущаго стиха повторяется въ началѣ слѣдующаго:

„Ой рано, ранесенько и коника сидлае,
И коника сидлае, и на Бога не гадае“.

Историческая дѣйствительность въ этомъ варіантѣ едва замѣтна. Вмѣсто полковника Хвилоненка является гетманъ. Событіе представлено въ идеальномъ отдаленіи. (См. Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 9–12).

[2]) Какъ въ народной поэзіи прилаживается старое къ новому, можно видѣть изъ варіанта, записаннаго въ к. подольской губерніи:

„А якъ же я буду, говоритъ Коновченко, *охвыцерською*, лыцарською, козацькои славы—памяты поиматы,
То буду я отъ *государя* чести й славы надияты“.
(„Кіевс. Стар.“ 1889 г. Сент. 676).

[3]) Чубинс. Труды экспедиціи, V, 882.

[4]) Максимовичъ, Украинскія народныя пѣсни, 1834, 53.

[5]) Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. I. 100.

посланъ цѣлый рядъ подробностей, не существующихъ въ народныхъ пѣсняхъ;—именно характерный разговоръ матери съ сыномъ послѣ того, какъ этотъ послѣдній горячо откликнулся на призывъ полковника Хвилоненка въ „охотне вийсько“.—Есть у насъ хозяйство, есть у насъ чѣмъ жить, говоритъ мать сыну. Но юноша пренебрегаетъ скромной долей „хлѣбороба“; онъ боится, что будутъ козаки „на пидпытку“ его „зневажаты“,—будутъ его „полежаемъ, домотуромъ, гречкосиемъ узываты“ [1]). Онъ проситъ свою мать, чтобы она купила ему коня. Коновчиха отказала ему въ этомъ и отправилась въ церковь, а всю козацкую зброю заперла, оставила только „шаблю булатну, та пыщаль семыпйадну“. Взялъ это оружіе Ивась и отправился „пихотою у вохотне вийсько“. Въ воротахъ встрѣчается онъ съ матерью:

«Эй, говоритъ онъ, не подобало бъ тоби козаку молодому и дорогы переходыты,
Подобало-бъ тобп въ кутку сыдиты,
Та хоть чужую дытыну малую колыхаты,
А бы-якъ съ упокоемъ хлиба-солы ужываты».

Вотъ уже послѣ этого мать разразилась проклятіемъ. Но мать—какъ мать: на третій день она одумалась:

«Рукы до Бога здиймае,
Господа зъ небесъ благае:
Дай мени, Боже, си слова передъ собою маты,
А свого сына Ивася Вдовыченка хоть разъ у вичи повыдаты».

Купила она коня и послала съ нарочнымъ, чтобы онъ Ивася догналъ и коня ему отдалъ. Глубоко тронутъ былъ юноша этою всепрощающею любовью матери.

«Я жъ думавъ, говоритъ онъ, що мене маты у доми клене-проклынае;
Ажъ вона обо мни велыкое старанпе мае,

[1]) Метлинс. Народныя южнорус. пѣсни, 415. Въ изложеніи думы мы будемъ держаться этого варіанта: онъ совмѣщаетъ въ себѣ подробности, сближающія его

Дай мени, Боже, сей походъ сходыты,
Знавъ бы я, якъ свою матюръ у доми споважаты!›

Но это дѣло далекаго будущаго, когда утихнутъ молодыя страсти. Впереди Ивасю предстоитъ доказать свою козацкую отвагу. Вызываетъ полковникъ охотниковъ „у первому рази на герци погуляты“. На этотъ вызовъ откликается Ивась:

«Ты дытя молоде, отвѣчаетъ ему полковникъ,
Розумомъ не дийшле,
У походахъ не бувало,
Крови хрыстиянскои не выдало».
«Возьмы ты, отвѣчаетъ ему Ивась, утя старée,
А друге младее,
Пусты ты на воду:
Чы не равно буде плысты младе,
Якъ бы старе?›

Выѣзжаетъ Ивась на герць:

«Турокъ пйатдесятъ пидъ мичъ узявъ,
Девйатеро жывцемъ извйазавъ,
Передъ Хвылона, Корсунського полковныка, въ наметъ прыставлявъ».

Этотъ успѣхъ вскружилъ голову отважному юношѣ. Пьетъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ „медъ та оковыту горилку“.

«Якъ ставъ у соби нещасный хмель зачуваты,
Ставъ у другый разъ у Хвылона, Корсунського полковныка, благословення прохаты».

Не совѣтуетъ ему полковникъ

«Хмельному на герци гуляты».

Невольно припоминается при этомъ совѣтъ матери сыну изъ пѣсни:

«Ой, ты сыну мий, ты дытыно моя,

съ остальными, при этомъ лучшія картины, разбросанныя въ другихъ варіантахъ, въ немъ соединены, какъ бы въ фокусѣ.

Не пый, не пый та горилочки, бо зведе зъ ума».
«Я горилки напйусь, отвѣчаетъ ей сынъ, и ума наберусь».

Въ думѣ этотъ семейный мотивъ переведенъ въ бытовую обстановку козацкой жизни. Почти то же отвѣчаетъ полковнику Ивась, что и сынъ матери въ пѣснѣ.

«Сталы его туркы въ хмелю познаваты,
Сталы по камышахъ засидаты,
Сталы его зъ коня збываты»,

Отправляетъ полковникъ козаковъ на выручку Ивася, но они застали его едва живымъ. Это былъ уже *рубаный* козакъ:

«Вже жъ винъ и очыма не гляне,
И рукамы не здиме,
И ногамы не пийде,
Тилько стыха словамы промовляе:
По малу, братци! Не вразьте моихъ смертельныхъ ранъ:
Не булатнымы шаблямы мене рубалы,
Не ордынськымы стриламы зъ коня сбывалы,
Се мене отцева молытва, та матерыни слезы побылы».

Привезли Ивася въ таборъ козацкій. Послѣдней просьбой его было не посылать тѣла его на родину, не сокрушать сердца матери, и безъ того горемъ убитой, но тамъ же на полѣ битвы, „по козацьки поховаты“. Слѣдуетъ затѣмъ уже извѣстная намъ картина похоронъ козацкихъ. Дума заканчивается разсказомъ о томъ, какъ старая Коновчиха встрѣтила войско козацкое, возвращавшееся изъ похода, какъ она съ боязливымъ предчувствіемъ своего горя разспрашивала козаковъ о своемъ сынѣ, какъ они отвѣчали зловѣщими намеками о женитьбѣ козака на „препышной паннѣ“—степной могилѣ. Этотъ щемящій сердце образъ „препышной панны“, знакомый намъ изъ пѣсенъ о *рубаныхъ* козакахъ, поставленъ въ непосредственную связь съ пиромъ, который устроила мать потибшаго героя для его товарищей по оружію: пиръ этотъ въ одно и то же время былъ „похоронъ и весилля“.

Ярко взошла и быстро закатилась звѣзда молодаго Ивася. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это былъ самый симпа-

тичный образъ громадной силы, которая въ разцвѣтѣ молодости гибнетъ безплодно для общаго блага. А все же, какъ говоритъ дума, „слава его не вмре, не поляже". Это и есть задушевная мысль творца думы, который имѣетъ въ запасѣ поэтическую формулу для соединенія въ одномъ лицѣ „козацкой славы съ грѣхомъ Ивася, сознающаго въ предсмертную минуту, что „матерыни слезы его побылы". Глубоко мотивированъ въ думѣ этотъ контрастъ психическимъ анализомъ дѣйствующихъ лицъ, которые расходятся въ своемъ настроеніи не по эгоизму личныхъ страстей, а только по роковой необходимости, вытекающей изъ разности положенія и возраста. Въ концѣ концовъ—мать Ивася не переставала любить его ни на минуту, даже и тогда, когда проклинала,—въ свою очередь Ивась умѣлъ цѣнить свою мать и отвѣчать на любовь ея любовью. Творецъ думы въ глубинѣ картины поставилъ мать, какъ живую душу семьи, а на переднемъ планѣ изобразилъ козацкое товарищество „кревне и сердешне", и всю эту толпу привелъ въ дивное согласіе высоко поднятыхъ человѣческихъ стремленій.

Сложный это процессъ творчества. И въ этой думѣ, какъ въ двухъ предыдущихъ, онъ повторяется съ правильностью строго выдержаннаго метода. Можно различать въ немъ два предшествующіе момента: поэтическое настроеніе, почерпаемое изъ пѣсенъ, и впечатлѣніе отъ событія, сходнаго съ содержаніемъ пѣсенъ. Оба эти момента сливаются въ одинъ цѣльный актъ поэтическаго вдохновенія, который въ отличіе отъ амплификаціи пѣсеннаго матеріала мы называемъ концентраціей или же, такъ сказать, сгущеніемъ его.

Теперь вопросъ въ томъ, что преобладаетъ здѣсь—пѣсенные мотивы или же событіе, изображаемое въ думахъ?

Мы думаемъ, что во всѣхъ думахъ историческаго содержанія исходной точкой творчества было событіе, но въ однѣхъ оно располагало къ возсозданію извѣстныхъ уже поэтическихъ образовъ, въ другихъ—нѣтъ. Если это событіе не выходило изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни, много разъ воспроизведенныхъ въ народныхъ пѣсняхъ, то поэтическіе мотивы этихъ послѣднихъ какъ бы сами собою напрашивались въ думу, со-

ставляя, такъ сказать, декоративную отдѣлку ея, разработанную иногда со всею тонкостью психическаго анализа, свойственнаго думамъ. Отмѣченная именемъ лица, затронутаго событіемъ или же принимавшаго въ ходѣ его личное участіе, дума снабжалась реальными подробностями козацкаго быта и являлась такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ пѣсни. Если же событіе было совсѣмъ не заурядное или же слишкомъ извѣстное поэту, который могъ быть очевидцемъ и даже непосредственнымъ участникомъ его, то пѣсни теряли свое импонирующее значеніе. Могли быть такіе случаи, что по поводу громкаго и притомъ свѣжаго событія не успѣли еще сложиться и самыя пѣсни. Тогда творецъ думы предоставленъ былъ самому себѣ и долженъ былъ искать вдохновляющаго настроенія въ самомъ событіи. Таковы, напримѣръ, думы, изображающія эпоху Богдана Хмельницкаго: онѣ отличаются сухимъ реализмомъ, въ которомъ слышится безпощадно жосткій смѣхъ надъ побѣжденнымъ врагомъ. Нѣтъ въ нихъ почти ничего, что напоминало бы тонкій и нѣжный рисунокъ народныхъ пѣсенъ. Совсѣмъ не то представляютъ думы болѣе ранней эпохи: онѣ извлекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ самые задушевные лирическіе звуки,—событіе же, о которомъ идетъ рѣчь въ этихъ думахъ, представляется обыкновенно въ какомъ-то полусвѣтѣ.

Но, какъ бы рѣзко ни отличались эти два типа думъ по своему внутреннему строю, мы должны сказать, что во всѣхъ думахъ неизмѣнной остается поэтическая форма ихъ, не имѣющая ничего подобнаго въ поэзіи иныхъ славянскихъ народовъ.

Снова ставимъ вопросъ: откуда эта форма?

Намъ кажется, что происхожденіе ея до нѣкоторой степени опредѣляется психическимъ строемъ самихъ думъ, въ которомъ отчасти можно разгадать индивидуальный образъ поэтовъ, слагавшихъ думы.

Въ дополненіе къ тому, что сказали мы объ этомъ предметѣ въ первой главѣ нашего изслѣдованія, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Строй этотъ глубоко народный. Нѣтъ въ немъ ни одной ноты, которая чужда была бы народному міровоззрѣнію, на-

роднымъ симпатіямъ и убѣжденіямъ. Главная нота въ думахъ— это идея свободы отъ насилій всякаго рода надъ личностью человѣка. Представителемъ и защитникомъ этой свободы былъ козакъ, и въ этомъ словѣ заключается основной нервъ поэтическаго настроенія господствующаго въ думахъ. Какъ извѣстно, и послѣ паденія козачества, слово это осталось въ народныхъ пѣсняхъ въ значеніи не столько воина, сколько удалаго добраго молодца и вообще любезнаго народному сердцу человѣка. Въ думахъ воспроизводится именно тотъ моментъ въ жизни козачества, когда оно не превратилось еще въ привиллегированное сословіе, когда послѣдній человѣкъ изъ народной массы легко могъ сдѣлаться козакомъ, т. е. свободнымъ человѣкомъ. Только одна дума о Ганжѣ Андыберѣ изображаетъ сословную рознь въ средѣ самаго козачества, но всѣ симпатіи ея на сторонѣ большинства, презираемаго „дуками-серебряниками“, и самъ Ганжа Андыберъ есть безпощадный врагъ привиллегій козацкихъ. Однимъ словомъ, думы въ этомъ отношеніи поютъ то же, что и позднѣйшая гайдамацкая пѣсня:

«Вызволь же насъ, мылый Боже, та изъ тои неволи,
Та дай ще разъ засіяты козацькои волі» [1]).

Но идея свободы является въ думѣ не въ видѣ безграничныхъ пожеланій, а въ видѣ опредѣленныхъ и ясныхъ стремленій къ сословной равноправности и экономической полноправности. Это и есть чисто народная или же, точнѣе говоря, крестьянская струя, которая сообщаетъ козацкимъ представленіямъ о свободѣ демократическую окраску. Точкой соприкосновенія между крестьянскими и козацкими интересами была религія, но она уже представляетъ нѣчто болѣе сложное въ культурномъ отношеніи, чѣмъ соціально-экономическіе интересы крестьянской массы. Что касается до козацкихъ представленій о свободѣ, то они, совмѣщая въ себѣ все предыдущее, стояли уже на ступени національнаго самосознанія. Здѣсь уже ясно выдвигалась болѣе широкая идея о народѣ, который имѣетъ

[1]) Головац. Народн. пѣсни галиц. и угорс. Руси, ч. I, 17.

свои порядки жизни, отличающіе его отъ другихъ народовъ, и который живетъ на извѣстной территоріи. Дума раздвигаетъ эти предѣлы до самой Вислы:

«Эй, ляхы жъ вы, ляхы, мостывни паны...
Колысь наши диды надъ сею ричкою козаковалы,
Да въ сий ричци скарбы поховалы»... [1]).

Пѣсня ограничивается теченіемъ Случи:

«Ой чы бачъ, ляше, що по Случъ наше,
По костяную могылу»... [2]).

Но дѣло не въ тѣхъ или другихъ границахъ, а въ проснувшейся національной потребности поставить эти границы. Это было уже дѣломъ козацкаго режима, который далъ организацію разрозненнымъ движеніямъ народной массы и съ успѣхомъ направилъ эти движенія къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Если же въ думахъ выражается не только народное, но и національное настроеніе, то очевидно, что и творцы думъ были люди, проникнутые тѣмъ и другимъ настроеніемъ, т. е. совмѣщали въ себѣ элементы крестьянскій—простонародный и козацкій культурно-народный или же національный.

Къ тому же выводу мы должны придти, если припомнимъ данныя, указанныя нами выше и относящіяся къ техникѣ поэтическаго выраженія въ думахъ. Не говоря уже о томъ, что творцы думъ, какъ мы видѣли, охотно черпали матеріалъ изъ обширной области народнаго пѣснотворчества въ видѣ тѣхъ или другихъ поэтическихъ образовъ и цѣлыхъ картинъ, они вносили въ свои произведенія самый методъ народно-поэтическаго представленія, вытекающій изъ индивидуальныхъ особенностей малорусскаго племени. Мы разумѣемъ тотъ душевный складъ, свойственный малороссіянамъ, который заключается въ лирическомъ отношеніи къ явленіямъ жизни и выражается то въ элегическомъ, то въ сатирическомъ настроеніи, то въ соединеніи одного съ другимъ. На этой почвѣ народнаго темпера-

[1]) Кулишъ, Зап. о Южн. Руси. I, 56.

[2]) Лысенко, Збирникъ украинс. писень, I, 28.

мента только и могли возникнуть думы, которыя самымъ названіемъ своимъ указываютъ на психическія свойства народа, среди котораго онѣ появились. Очевидно, творцы думъ выходили изъ народа или же, во всякомъ случаѣ, принадлежали ему. Но, всматриваясь пристальнѣе и глубже въ эту народную психическую ткань, лежащую въ основѣ думъ, мы должны сказать, что она въ значительной степени культивирована. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ мы изучаемъ явленіе этнографическое, на которомъ лежатъ свѣжіе еще культурные слои. Правда, это не есть свѣжесть современной культуры, въ движеніи которой народъ не принимаетъ активнаго участія. Это — старомодная культура, но въ ней есть одно любопытное качество, которое даетъ ей право на вниманіе и уваженіе: она была создана иниціативой и силами самого народа не ради пустой прихоти, а ради высокихъ интересовъ нравственныхъ, не лишенныхъ общечеловѣческаго значенія. Вотъ почему мы не видимъ разлада между рефлексивными свойствами мысли, которыми обладали творцы думъ, и народно-поэтическими образами, въ которые они облекали эту мысль. Напротивъ того, въ поэтическомъ стилѣ думъ мы смѣло можемъ отмѣтить, какъ выдающуюся особенность ихъ, полную гармонію между природой и искусствомъ. Самый языкъ думъ представляетъ удивительное приспособленіе книжныхъ стихій рѣчи къ народнымъ, книжнаго строя къ народному. Не могло все это случиться само собою, въ безсознательномъ порывѣ наивнаго творчества. Думы—не простыя пѣсни, навѣянныя мимолетными впечатлѣніями жизни, пропѣтыя для того, чтобы выразить приливъ или отливъ субъективныхъ ощущеній въ данную минуту. Думы предназначались для широкаго круга слушателей, которые искали въ нихъ серьезнаго отвѣта на вопросы жизни семейной и общественной. Знали это творцы думъ и, конечно, должны были приготовиться къ этимъ отвѣтамъ надлежащимъ образомъ,—должны были найти для своихъ мыслей болѣе или менѣе широкое основаніе въ культурной обстановкѣ своего времени, должны были согласовать эту обста-

новку съ міровоззрѣніемъ народнымъ. А это уже дѣло болѣе или менѣе сознательнаго искусства... [1]).

Высказанныя нами соображенія проливаютъ тусклый свѣтъ на безъименныхъ представителей этого искусства. Попытаемся дойти къ нимъ еще ближе.

П. Житецкій.

[1]) Убѣжденіе, что дума не простая пѣсня, что въ ней нельзя употребить всякое заурядное слово, перешло и къ позднѣйшимъ исполнителямъ думъ. См. объ этомъ Запис. о Южной Руси, Кулиша, I, 179.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Я. П. Новицкій.

Яковъ Павловичъ Новицкій[2]) происходитъ изъ стариннаго малорусскаго дворянскаго рода черниговской губ., перешедшаго въ началѣ текущаго вѣка въ александровскій у. екатеринославской губ. Я. П. родился въ с. Аулахъ екатеринославскаго уѣзда въ 1847 г. въ зажиточной помѣщичьей семьѣ. Онъ росъ и учился съ крестьянскими дѣтьми. Съ ними проводилъ лѣтнія ночи въ степи на попасѣ лошадей и въ плавняхъ на рыбной ловлѣ. Впечатлѣнія дѣтства были сильны и подготовили почву для позднѣйшихъ этнографическихъ изученій. О прочности симпатій г. Н. къ мѣстному краю говоритъ, между прочимъ, слѣдующая замѣтка г. Эварницкаго въ 1 т. „Запорожья“: „Въ г. Александровскѣ я хотѣлъ розыскать Я. П. Новицкаго, извѣстнаго южнорусскаго этнографа; но Новицкій въ то время былъ на Хортицѣ. Хортица—это его постоянная лѣтняя дача. Тамъ онъ беретъ себѣ въ наемъ небольшой клочокъ земли подъ бакчу и, забившись въ курень, проводитъ въ немъ цѣлые дни и ночи“ (стр. 146). Первоначальное образованіе г. Н. получилъ въ александровскомъ уѣздномъ училищѣ и дополнилъ его впослѣдствіи домашнимъ чтеніемъ. Въ 1868 г. Я. П. Н. случайно познакомился съ покойнымъ общественнымъ дѣятелемъ и педагогомъ барономъ Н. А Корфомъ и, подъ его вліяніемъ, по-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г. № 9.

[2]) Въ „Ист. рус. этнографіи“. г. Пыпина не упоминается.

шелъ въ народные учители. Въ теченіе 9 лѣтъ г. Н. состоялъ учителемъ; въ 1877 г., при измѣнившихся условіяхъ земской школы, онъ перешелъ на короткое время въ черниговское земское статистическое отдѣленіе и подъ руководствомъ А. А. Русова, П. П. Червинскаго и В. Е. Варзера занялся описаніемъ борзенскаго уѣзда. Въ 1878 г. Я. П. Н., по приглашенію предводителя дворянства александровскаго у., занялъ должность секретаря александр. уѣзднаго училищнаго совѣта и въ 1886 г. въ добавокъ должность секретаря предводителя дворянства. По избранію земства съ 1881 г. онъ состоитъ попечителемъ и экзаменаторомъ нѣсколькихъ школъ александровскаго уѣзда. На страницахъ разныхъ газетъ г. Новицкій помѣщалъ замѣтки по общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ: въ „Рус. Вѣдомостяхъ“, „Петерб. Вѣдом.“ (при Коршѣ), Странѣ, Народной школѣ.

Въ дѣтствѣ, юности, во время учительства, г. Н. много разъ посѣщалъ старинныя наднѣпрянскія села екатеринославской губ. и бесѣдовалъ съ старожилами. Съ молодыхъ лѣтъ онъ усвоилъ похвальный обычай заносить въ записную книгу наблюденія свои надъ окружающей крестьянской средой, и по временамъ дѣлился ими съ читающей публикой. Съ теченіемъ времени въ печати накопилось много интересныхъ записей г. Новицкаго.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ часть его записей поступила въ юго-западный отдѣлъ Географическаго Общества; 48 сказокъ и преданій было напечатано въ извѣстномъ сборникѣ „Малор. народ. преданія и разсказы“ (1876 г.). Сюда вошли „Песиголовцы—людоѣды“ (384), „Черти и табачники“ (13), „Премудрый Соломонъ и злая мать его“ (105), Мужикъ, попъ и цыганъ“ (160), „Болтливая жена“ (173), нѣсколько разсказовъ о запорожцахъ (210, 414 и сл.), о южнорусскихъ степяхъ въ старину (240), о Медвѣдкѣ, Вернигорѣ и Крутывусѣ (255), Иванѣ Царевичѣ (271) Тремсынѣ (286), Охѣ (326), Трехъ Кондратахъ (332), нѣсколько сказокъ о дурняхъ (338 и сл.), о мальчикѣ-мизинцѣ, бычкѣ—третьячкѣ, объ упыряхъ и вѣдьмахъ (391 и сл.). Почти $^1/_3$ сборника составлена изъ матеріаловъ,

доставленныхъ г. Новицкимъ. Этотъ трудъ г. Н. уже сослужилъ полезную службу; имъ многіе пользовались и, несомнѣнно, многіе еще будутъ пользоваться. Сборникъ этотъ настолько извѣстенъ, что нѣтъ надобности здѣсь долго на немъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что къ современной литературѣ мы собственно относимъ книги, вышедшія въ 80-хъ годахъ. Гораздо менѣе извѣстно то, что напечатано г. Н. именно въ эти годы. Г. Новицкій въ теченіе многихъ лѣтъ относился съ неослабнымъ вниманіемъ къ окружающей его народной жизни въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губ. Свои новѣйшія этнографическія записи г. Н. печаталъ въ „Екатерин. Губ. Вѣд.“, въ „Екатер. Юбилейномъ листкѣ“, въ „Днѣпрѣ“, въ „Степи“—такихъ изданіяхъ, которыя очень мало распространены и мало извѣстны. Въ „Кіев. Старинѣ и въ „Этнограф. Обозрѣніи“ изрѣдка были замѣтки объ этнографическихъ трудахъ г. Н., преимущественно въ „Кіев. Стар.“ 1888 г., когда существовалъ подробный библіографическій отдѣлъ; но замѣтки эти были случайны, и теперь ихъ трудно разыскать. Статьи г. Новицкаго, многочисленныя, но весьма краткія, распадаются на три разряда: о школахъ, о мѣстныхъ архивныхъ документахъ, и народныя пѣсни, разсказы и преданія. Статьи первыхъ двухъ разрядовъ не подлежатъ разсмотрѣнію и будутъ только названы. На статьяхъ этнографическихъ мы остановимся и дадимъ краткій обзоръ ихъ содержанія, придерживаясь хронологическаго порядка печатанія ихъ.

Скальковскій въ „Исторіи Новой Сѣчи“ и Надхинъ въ „Памяти о Запорожьѣ“ отчасти предупредили г. Новицкаго въ пользованіи народными преданіями и пѣснями о Запорожьѣ. Такъ, у Скальковскаго есть пѣсни про Алешковскую Сѣчь и Савву Чалаго. Эти записи малочисленны и требуютъ критической провѣрки. Такъ, пѣсня про Орлика, нашедшая мѣсто въ концѣ I т. „Ист. Новой Сѣчи“, фальшивая какъ уже было указано въ печати.

Въ газетѣ „Днѣпръ“ 1884 г. №№ 130, 138 и 146 г. Новицкій напечаталъ рядъ замѣтокъ, „*Запорожье въ памятникахъ народнаго творчества*“. Въ легкой повѣствовательной формѣ

авторъ передаетъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествія по Новороссіи въ 1882 г., разговоры съ дѣдами о старинѣ, о порогахъ, о пчеловодствѣ. „А давно, диду, было то-то“—такъ авторъ обыкновенно начинаетъ свои разспросы—и затѣмъ идутъ повѣствованія дѣдовъ о старинѣ, объ обиліи меду, о чупринахъ (какъ воловый батогъ), о лыцаряхъ запорожцахъ, которые и въ водѣ не тонули, и въ огнѣ не горѣли, и пуля ихъ не брала, о чародѣяхъ („галдовникахъ“), о заклятыхъ кладахъ, о „нюхаряхъ“ и „куріяхъ“, о нахожденіи въ Днѣпрѣ стариннаго оружія, роговъ тура, янтаря, объ обиліи звѣрей и птицъ въ старину и о дикихъ коняхъ.

По прекращеніи газеты „Днѣпръ“ статьи г. Н. подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ заняли цѣлый рядъ №№ газеты „Степи“ 1885 и 1886 г., именно—въ 1885 г. № 2: разсказы двухъ дѣдовъ с. Ольчинскаго маріупольскаго у., Пилипа и Андрія, въ 1876 г. о запорожцахъ, какъ они появились (изъ бѣглыхъ невольниковъ), о предѣлахъ запорожскихъ владѣній, объ уничтоженіи Сѣчи Екатериной II, объ уходѣ запорожцевъ въ Турцію и о знахарствѣ ихъ („христіанская земля въ сапогахъ“—повторяется въ пѣсняхъ про Савву Чалаго). Эта замѣтка была перепечатана г. Новицкимъ въ Кіев. Старинѣ 1885 СХ, 350—352.

Въ №№ 5, 6 и 7 „Степи“ находится описаніе деревни Маркусовой (Павло-Кичкаса) по разсказамъ дѣда Дмитра Бута. Бутъ (по женѣ, по отцу Калениченко, по дѣду Малый) сообщилъ много воспоминаній о запорожской старинѣ. Въ началѣ статьи находится краткій очеркъ современнаго положенія с. Маркусовой (мѣстоположеніе, населеніе, экономическій бытъ), затѣмъ слѣдуютъ преданія о Екатеринѣ II и Потемкинѣ, о возникновеніи деревни, о происхожденіи степныхъ могилъ и исчезновеніи каменныхъ бабъ (мамаевъ), о границахъ татарскихъ и запорожскихъ владѣній, о змѣѣ, св. Космѣ и Даміанѣ и зміевомъ валѣ, о жизни запорожцевъ, о полозахъ, кладахъ и народныя объясненія названій днѣпровскихъ скалъ, пещеръ и балокъ. Въ концѣ статьи замѣтка о слѣдахъ побоища на островѣ Прусовомъ. Въ ряду этихъ сообщеній выдаются въ этнографическомъ отношеніи:

Сообщеніе о Екатеринѣ II и Потемкинѣ. По словамъ Бута, Екатерина пользовалась любовью тогдашняго населенія; ее называли „Милостыва Царица“, „Царица маты“, за то Потемка считается основателемъ закрѣпощенія народа и заселенія запорожья нѣмцами. Запорожцы „велыкый гнивъ положили на Потемку“, и, уходя на чужбину, по словамъ Бута, приговаривали: „бодай тоби, Потемко, такій викъ, якъ у зайца хвистъ“.

Сообщеніе о панѣ Курикѣ, характерное для исторіи заселенія Новороссіи. Курика принималъ всѣхъ бѣглыхъ, а когда ихъ собралось много, то и закрѣпостилъ ихъ.

Сообщеніе о предѣлахъ татарскихъ (отъ Синего моря безъ малу не до Лубнивъ) и запорожскихъ (на С. по Орелъ-ричку, на Ю. по Конскую, на В. до Довщины, на З. до Сынявки и Буга).

Сообщеніе (легенда) о томъ, какъ святые кузнецы Косма и Демьянъ поймали громаднаго змѣя, что пожиралъ людей, запрягли плугъ и провели валъ. Когда они дошли до моря, змій отъ усталости лопнулъ и изъ него полѣзли жабы, ящерицы и черепахи. Это преданіе давно уже извѣстно въ печати (см. Аѳанасьева, Потебню, „Zapiski“ Руликовскаго и др.).

Сообщеніе о пищѣ и одеждѣ запорожцевъ и отрывокъ пѣсни о казакѣ Голотѣ („живъ соби козакъ Голота“), извѣстной по прежнимъ сборникамъ.

Сообщеніе о змѣяхъ полозахъ („довжинею бильше оглобли а товщинею якъ кроква“, котился колесомъ, ѣлъ зайцевъ, ягнятъ).

Въ № 10 замѣтки о шляхахъ, селѣ Кичкасѣ и преданіе о козакѣ Сагайдакѣ (со словъ кр. Ром. Булата), какъ заперся ватажекъ Сагайдакъ въ своей землянкѣ, отстрѣливался отъ царскихъ войскъ и задохся отъ дыма въ запаленной у его землянки соломы. Этнографическаго интереса эта замѣтка не имѣетъ. Варіантъ преданія см. въ „Запорожьѣ“ Эварницкаго (II, 233).

Въ № 12 разсказы про запорожцевъ Скута, Хозу и Шутя (нарядъ, вооруженіе, удаль и пр.). Интересно преданіе о набѣгахъ татаръ и какъ запорожцы отбивали у нихъ плѣнни-

ковъ. Тутъ же приведенъ отрывокъ исторической пѣсни „по тимъ боци огни горять, никому тушиты; по симъ боци орда суне, никому спиниты. Зажурилась Украина"...—слѣдующіе затѣмъ стихи вошли въ I т. „Истор. пѣс. мал. нар." Ант. и Драг. 73 и 274. Любопытно, что въ варіантѣ г. Н. сохранился мотивъ частный, что говоритъ въ пользу бо̀льшей древности этого варіанта. Не лишено интереса также оригинальное преданіе, какъ запорожцы очистили отъ вшей хлопца, заворачивая его въ сырую баранью шкуру, поставили его „куховаромъ", и хлопецъ по звону колокольчика на дубѣ узнавалъ, что гайдамаки возвращаются домой,—одно изъ чародѣйствъ гайдамаковъ. Они еще далеко, а колокольчикъ уже звонитъ. Варіантъ преданія о Семенѣ Паліѣ.

Въ № 19 интересныя преданія о запорожскомъ казакѣ Матвѣѣ Шутѣ, о его наружности, одеждѣ, отношеніи къ первымъ колонистамъ нѣмцамъ. Отъ потомковъ М. Ш. г. Новицкій записалъ пѣсни про руйнованья Сичи, про Калныша, сотника Харька, Савву Чалаго, Морозенка, Перебыйниса, Лебеденька, про Днѣпръ и др. Въ статьѣ приведена г. Новицкимъ одна только пѣсня (про Днѣпръ) „Ой не самъ я иду слободою". Варіантъ этой пѣсни, весьма испорченный и краткій, напечатанъ въ V т. „Трудовъ" Чубинскаго стр. 1013. Варіантъ г. Н. начинается тѣми словами, которыми оканчивается варіантъ Чубинскаго.

У Чубинскаго братья героя пѣсни въ Самарѣ и Петербургѣ, у г. Н. въ Сичи и „десь". У Чуб. въ Днѣпръ упали 44 рѣчки и еще „одна ричка копирочко (?)"; у г. Н. 704 и Синявочка. Рѣчка Синявочка спрашиваетъ у Днѣпра, чѣмъ онъ красенъ, „чи своею довжиною, глубиною, шириною, чи крутыми берегами, жовтыми песками та темными лугами". Днѣпръ отвѣчаетъ, что онъ славенъ козаками, бурлаками и рыбалками. „Они его увеселяютъ и отъ него добычъ маютъ". Пѣсня отличается искусственностью. Должно быть здѣсь мы имѣемъ дѣло съ виршей въ честь Днѣпра, сложенной въ старину и проникшей въ народъ. Въ особенности подозрительными представляются послѣдніе стихи въ варіантѣ г. Н.: „Жалуется Лиманъ морю,

що Днипръ узявъ свою волю, свои гирла прочищае—Лиманъ море засыпае". Повидимому, здѣсь сочетались двѣ пѣсни—народная, гайдамацкая объ арестованіи ватажка и литературная—похвала Днѣпру. Трудностью переработки литературнаго содержанія объясняются неясности варіанта Чубинскаго. Къ этому разряду не общенародныхъ, а сословныхъ стихотвореній, возникшихъ при общеніи грамотности съ народностью, относится историческая пѣсня „Ой рико Стиру"... (въ Archiv f. slav. Philol". Ягича II, 298). См. объясненіе этой пѣсни въ рецензіи Потебни на сборникъ пѣсенъ Головацкаго 59—60.

Въ 28 № Екат. Губ. Вѣд. 1887 года г. Н. помѣстилъ *программу* для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Программа приспособлена къ мѣстнымъ новороссійскимъ условіямъ. Всѣхъ §§ 12. Описаніе селъ въ предѣлахъ этой программы дало бы цѣнный вкладъ для мѣстной исторіи, географіи и этнографіи.

Въ № 9 Екатериносл. Юбилейнаго листка 1887 г. г. Новицкій помѣстилъ сообщенія (малосодержательныя) одной старухи о *Половицѣ* (старинное названіе Екатеринослава), а въ № 29 *разсказы дѣда Кравца—запки* о запорожцахъ, обращеніи старшинъ съ голотою, куреніи водки, знахарствѣ запорожцевъ. Сюда вставлена записанная отъ дѣда Логвина Несвата пѣсня объ отношеніи голоты къ дукамъ изъ цикла думъ о Ганжѣ Андыберѣ (въ I т. Зап. Кулиша).

Ой хмарытця, туманытця, дрибенъ дощикъ иде,
Веселая бесидонька де голота пье.

Дуки пьютъ горилку въ шатрѣ, а голота на дождѣ; атаманъ (безъ имени) присоединяется къ голотѣ. Тогда богачъ посмѣялся надъ голотой и за то былъ прибитъ (одинъ взявъ за руку, другій за чуприну, третій въ дула бье").

Въ №№ 52, 53, 58, 62 и 63 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. напечатана статья г. Н. „*Къ исторіи народнаго образованія въ Екатериносл. губ.*" (первыя приходскія училища и училища г. Александровска).

Въ №№ 24, 25 и 27 Екатер. Губ. Вѣд. 1887 г. Я. П. Н. напечаталъ *описаніе слободы Вольной Гупаловки* Александров-

скаго уѣзда. Въ оттискахъ статья составила брошюрку въ 22 стр. Сначала авторъ останавливается на исторіи заселенія и движеніи населенія, затѣмъ на воспоминаніяхъ стариковъ о привольной степи, о птицахъ и животныхъ, о запорожскихъ урочищахъ, объясненія названій ихъ и преданія о нихъ. Такъ, съ названіемъ могилы „Вовча“ связано сказаніе о желѣзномъ волкѣ, зарытомъ въ той могилѣ. Въ той части могилы, гдѣ зарыта голова волка, есть криница. Нѣсколько разсказовъ о находкахъ денегъ и оружія, о кладахъ, оберегаемыхъ древнимъ старикомъ, о происхожденіи каменныхъ бабъ (плевали на солнце и за то окаменѣли, ходятъ по ночамъ въ гости одна къ другой и надѣются ожить), о долговѣчности и силѣ запорожцевъ, рисующихся уже великанами, о поборахъ сторожевыхъ казаковъ съ чумаковъ (разстилали на дорогѣ свиту, и чумаки клали сухари, сало, рыбку), о холодной зимѣ съ 1824 на 1825 г.—„драной“ (снимали крыши на прокормъ скоту), о тяжелыхъ годахъ голода, цынги (1849), наводненій и др. бѣдствій. Въ статьѣ приведена *пѣсня про „руйнуваньє Сичи“*. „По той бочокъ Базавлука лагери стоялы“: казаки пьютъ и гуляютъ, а одинъ изъ нихъ будитъ своего отца Харька и передаетъ ему просьбу людей выѣхать на границу и просить царицу вернуть степи „по прежни граныци“. Харько проситъ:

Ты, царыця мылостыва, змылуйся надъ нами,
Верны степы, край веселый зъ темными лугами.

Получивъ отказъ,

Пишовъ назадъ Харько батько темными лугами,
Та умывся Харько батько дрибными слезами.
Ой вы хлопци запорожци, що вы наробылы,
Степы добри, край веселый тай занапастыли.

Г. Н. замѣчаетъ при этомъ, что въ другомъ варіантѣ, менѣе полномъ, записанномъ имъ отъ 90 л. старика, Царица, внимая слезамъ Харька, обращается къ сенаторамъ: „сыны мои, сенаторы, що вы наробыли и пр.“. Пѣсня оканчивается просьбой казаковъ атаману поставить ихъ на башту для защиты Сѣчи если не кинжаламы, то кулаками. Пѣсня цѣльная, вполнѣ выдержанная, весьма художественная—чуть ли не лучшая изъ

напечатанныхъ историческихъ малорусскихъ пѣсенъ XVIII вѣка. Въ этой пѣснѣ про руйнованье Сѣчи жаботинскій сотникъ Харько, коварно убитый поляками въ 1766 г. (см. *Костомарова* Ист. козач. по пѣснямъ 156—160), еще болѣе идеализированъ, чѣмъ въ преданіяхъ и думахъ, ему собственно посвященныхъ (*Метлинскій*, 526; *Головацкій* I, 21, *Кулишъ*, Зап. о юж. Руси I, 96; *Rulikovski*, въ Zbior Wiadom. III, 144). Въ пѣснѣ про руйнованье Сѣчи Харько — довѣренное лицо всего народа („люде“ его посылаютъ), посолъ къ царицѣ, патріотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, оплакивающій паденіе Сѣчи. Въ думахъ Харько ватажекъ, котораго захватили въ пьяномъ видѣ и казнили. Костомаровъ высказалъ предположеніе, что въ Харькѣ пѣсенъ про руйнованье Сѣчи можетъ быть скрывается не жаботинскій сотникъ, убитый въ 1766 г., а запорожскій старшина Харько Чепига, игравшій впослѣдствіи важную роль. Въ одной пѣснѣ обращаются къ Грицю, по предположенію *Костомарова*, къ Потемкину (Ист. казач. въ пѣсняхъ, 208). Въ варіантѣ, запис. *Д. И. Эварницкимъ* (см. Запорожье II, 201—202), мѣсто Харька занимаетъ Калнышъ, послѣдній кошевой запорожья.

Въ Кіевской Старинѣ 1888, XII, 142 г. Н. сообщилъ три народныя преданія: 1) *отчего у насъ зимуютъ воробьи* (вар. у Драгоманова), 2) *почему евреи не ѣдятъ свинины и любятъ курей* (куры выгребали сѣно, въ которомъ спрятался Христосъ) и 3) *откуда взялись камни* (пастухи и овцы окаменѣли).

Въ 80 и 84 №№ Екат. Губ. Вѣд. 1888 г. г. Н. напечаталъ статью: „*статистико-экономическое состояніе г. Александровска* и уѣзда по архивнымъ даннымъ 1829 г.“ (были оттиски).

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 годовъ разсѣяно много мелкихъ замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ „*Изъ области народныхъ преданій и разсказовъ*“, именно: 1) „*Драная зима*“ во 2 № 1888 г. (1813 г.)—холодная, когда снимали крыши на прокормъ скоту; такихъ „драныхъ“ зимъ насчитываютъ нѣсколько, и объ одной изъ нихъ (1825 г.) была уже замѣтка г. Н. въ статьѣ о Вольной Гупаловкѣ. 2) *О пріемѣ запорож-*

цевъ Екатериной II (въ № 3)—запорожцы пили много чаю и потомъ переворачивали чашки, а затѣмъ, когда имъ дали одну большую ложку на всѣхъ, то они, выѣвъ горшокъ борщу, его перевернули на скатерти вверхъ дномъ. 3) Разсказъ о томъ, *какъ литвины воевали серпъ* (въ № 4)—варіантъ украинской сказки, напечатанной г-жей *Мошинской* въ „Zbiór wiadomości“ IX. 143. Литвины, въ разсказѣ г. Новицкаго, приняли серпъ за людоѣда, стрѣляли, кололи, по ошибкѣ убили своего товаща и, когда въ Пслѣ топили серпъ, то и сами утонули. Это варіантъ многочисленныхъ разсказовъ о глупости того или другаго народа (печенѣги, пошехонцы и пр.); 4) нѣсколько разсказовъ *о характерствѣ запорожцевъ* (въ №№ 5 и 6)—ловили ядра, плыли по Днѣпру на повсти (войлокѣ), наводили ману на поляковъ, уходя отъ нихъ, такъ что поляки козацкія копья принимали за лѣсъ и возвращались, заговаривали ружья; потребуетъ запорожецъ кухель воды, вскочитъ въ него и очутится за 100 верстъ; 5) преданіе—*почему въ Днѣпрѣ стало мало рыбы* (въ № 9): ушла за запорожцами; 6) преданіе *о Семенѣ Палію* (въ № 10). Этимъ преданіемъ уже воспользовался В. В. Каллашъ въ своей монографіи о Мазепѣ и Палію. Содержаніе преданія. Молодой казакъ Семенъ нечаянно спалилъ куринь кошеваго и, боясь наказанія, бѣжалъ. Въ степи во время грозы онъ замѣтилъ, что дьяволъ дразнилъ Бога и прятался за скалу отъ удара молніи. Семенъ выстрѣлилъ въ дьявола. Дьяволъ просилъ его вторично выстрѣлить; но Семенъ зналъ, что другой ударъ будетъ въ пользу дьявола, и не стрѣлялъ. Апостолъ (безъ имени) далъ ему ружье, бьющее безъ промаха, и посовѣтовалъ возвратиться къ кошевому. Кошевой простилъ Семена и прозвалъ его Палiемъ („за те шо спалывъ куринь“). Вторая часть преданія представляетъ варіантъ преданія, зап. Менчицемъ и напечат. въ „Малор. пред. и разск.“ стр. 202—204, съ тѣми особенностями, что въ варіантѣ г. Н. о замурованномъ въ тюрьмѣ Палію Петру сообщаетъ 16 л. мальчикъ, что въ войскѣ шведовъ оказывается „баба химоридницця“, которая дала совѣтъ перековать лошадей „назадъ гаками“ (зубьями) и бѣжать. Съ появленіемъ Палія шведы бѣ-

жали. Петръ предлагаетъ Палію въ награду деньги и „панскія области“, но Палій сказалъ: „Дай мини милу Украину, за которую я 20 литъ страждавъ; бильше у тебе не прошу ничого“. Получивъ въ даръ Украину, Палій „вывивъ всихъ ворогивъ, тоди и самъ Богъ-зна де дився. Винъ, кажуть, и теперъ десь живый, и якъ Господь ему веливъ, миняется якъ мисяць: старіе и молодіе“. Этотъ варіантъ замѣчателенъ сильной идеализаціей героя и обиліемъ сказочныхъ мотивовъ. Варіанты см. далѣе у Эварницкаго и Руликовскаго; 7) *о чумакахъ*, платившихъ сторожевымъ запорожцамъ, при видѣ копья, воткнутаго на шляху (въ № 11); 8) *оплакиваніе (ироническое) тещи* зятемъ за то, что она дочкѣ давала вареники, а зятю сыроватку (въ 16 №); 9) *о жидѣ-шпіонѣ* (въ № 17), котораго сначала связали со свиньей, такъ что носъ его пришелся ко хвосту свиньи, потомъ повѣсили за ноги; 10) *о велетняхъ* (великанахъ, въ № 18); одинъ велетень забралъ въ жменю крестьянина съ погоничами, плугомъ и 8 парами быковъ; 11) *о полозахъ* (въ № 25), душившихъ людей; 12) *о химородникѣ* Феськѣ, который могъ наносить человѣку болѣзнь, выжимая бѣлый сокъ изъ черной рѣдьки (№ 26); 13) *о происхожденіи каменныхъ бабъ* изъ людей, плевавшихъ на солнце (№ 27); 14) о демоническомъ *происхожденіи камней*, трехголовыхъ *змѣяхъ*, истребленныхъ великанами, и полозахъ (№ 29); 15) *о татарскихъ набѣгахъ* и трусливыхъ солдатахъ изъ бѣлоруссовъ (№ 52); 16) о названіи запорожцевъ *кіями*, о наборѣ ихъ княземъ Амлыномъ для войны съ турками и о разореніи Сѣчи (въ Екат. Губ. Вѣд. 1889 г. № 2); 17) *о раздѣлѣ запорожскихъ земель* и первыхъ поселенцахъ великорусскихъ (въ № 16), жены которыхъ были недовольны новыми мѣстами; 18) *о татарскихъ набѣгахъ* (№ 19), рвали подушки для показанія пути, убивали дѣтей, снимая имъ головы или придавливая лавкой къ стѣнѣ; см. варіантъ у Эварницкаго; 19) *о долголѣтіи у запорожцевъ* (№ 23), интересный анекдотъ: были въ одной семьѣ дѣдъ 130 л., сынъ 110 и внукъ 90 л. Заѣхалъ къ нимъ панъ. Дѣдъ сидѣлъ на печкѣ, сынъ на припечкѣ, а внукъ вышелъ изъ хаты. Сынъ отъ старости былъ на память слабѣе дѣда. Панъ и спраши-

ваетъ старика, сидѣвшаго на припечкѣ, „шо ты за чоловикъ?“—Запорожець!—„А то шо на печи?“—А катъ его зна шо воно за чортяка!... Стико зазнаю, все у насъ живе... Дѣдъ съ печи и обзывается до пана: „Оттакъ, якъ бачешъ, чоловиче; забувъ еретычнй сыну, шо я ему и батько“; 20) *объ уходѣ запорожцевъ*, исчезновеніи острова Дубоваго, оскудѣніи звѣрей, птицъ и рыбъ, огненномъ змѣѣ; невидимое чудовище плакало и бросало камни на Хортицу (№ 28).

Всѣ эти сообщенія въ отдѣльности очень кратки, въ 20, 30 печатныхъ строкъ. Переданы они живымъ народнымъ словомъ, причемъ въ самомъ языкѣ разсказчиковъ обнаружились архаическія черты. Возьмемъ на выдержку одинъ примѣръ: 70 лѣтъ старикъ Осипъ Шутъ на о. Хортицѣ разсказываетъ со словъ своего дяди Матвѣя Шута о татарскихъ набѣгахъ: „На зори передъ свитомъ чуемо—земля стогне, клекитъ десь. Поприпадалы до земли, слухаемо—орда йде. Мы посидлалы коней та назустричъ. Сталы добигать до ордынського шляху, ажъ люды ячать; мы туды стико духу, и давай рубать орду“... Очевидно, здѣсь еще бьется жизненная жилка.

Къ статьямъ „Изъ области народныхъ преданій“ близко стоитъ замѣтка г. Н. „*Къ исторіи запорожской живописи*“ (въ 39 № Екат. Губ. Вѣд. 1888 г.). Рѣчь идетъ о весьма популярной въ старину картинѣ, изображающей запорожца, играющаго на бандурѣ, съ соотвѣтствующими стихами. Г. Новицкій описываетъ одну такую картинку въ Александровскѣ и приводитъ цѣликомъ находящуюся на ней пѣсню „Ой бандуро моя золотая, колыбъ до тебе жинка молодая“ и пр. Такихъ картинъ сохранилось много. Г. Н. насчитываетъ три картины у крестьянъ екатерин. губ. У меня есть такая картина изъ купянскаго у. харьк. губ. Разница въ рисункѣ незначительная; чубъ загнутъ не за лѣвое, а за правое ухо, конь не на лѣвой, а на правой сторонѣ, нѣтъ шубы и нѣтъ литеры *п* на сѣдлѣ; вирша болѣе обширная, чѣмъ у г. Н.; захватывая всю эту виршу почти буквально, вирша на моемъ экземплярѣ добавляетъ еще шапки и сабли. Рисунокъ и вирша экземпляра г. Н. приведены въ I т. „Запорожья“ Эварницкаго 74; сюда же отно-

сится вирша „Ихавъ козакъ“ въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго на 58 стр.

Въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888 г. Я. П. Н. помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ *„Изъ церковной лѣтописи“*: образчикъ духовнаго суда 80 л. назадъ (№№ 18, 49), заботы епарх. начальства о воспитаніи дѣтей духовенства (№ 31), размѣръ вознагражденія духовенства за исполненіе требъ въ прошломъ вѣкѣ (№ 43) и нѣсколько другихъ (№№ 45, 47 и 77), двѣ замѣтки *„Изъ недавняго прошлаго“* (1861 года, въ №№ 61 и 62)—о порядкѣ замѣщенія писарей и требованіе окружнаго начальника, чтобы сельскія власти носили хорошія шапки. Статью *„Итоги народнаго образованія* въ александровскомъ у. 1866—1886“ (№№ 15 и 22); въ Екатер. Губ. Вѣд. 1889 г. № 37. 40 и 43, статью *о поселенцахъ-менонитахъ*, въ №№ 1, 3, 4, 6, 8 и 9; статью *„Статистическое описаніе александровскаго уѣзда* и маріупольской округи по архивнымъ даннымъ 1836 г.“ (были оттиски), въ №№ 101 и 102 1889 г. и въ № 3 1890 г. ст. *„Городъ Александровскъ въ 1837 г.“*.

Для этнографіи имѣютъ значеніе два ряда статей г. Н., 20 замѣтокъ „Изъ народныхъ преданій“, уже разсмотрѣнныхъ нами и *„Пѣсни казацкаго вѣка“* въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888, 1889 и 1892 годахъ. Это начало новаго цѣннаго собранія малорусскихъ историческихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Новицкимъ изъ народныхъ устъ. Изъ 200 №№ напечатаны пока только 8 №№. Г. Н. снабдилъ ихъ историческими коментаріями; добавляю здѣсь нѣсколько литературныхъ:

1) *Пѣсня про гетмана Богдана* (Рожинскаго) въ 46 № Е. Г. В. 1888 г. Въ „Истор. пѣс. малор. нар.“ I 163—168 напечатано 5 варіантовъ этой думы. Варіантъ г. Н. почти дословно совпадаетъ съ варіантомъ В. изъ остерскаго уѣзда. Пѣсня сложена въ концѣ XVI в. (ок. 1575 г.). Въ варіантѣ г. Н. нѣтъ ничего, что дополняло бы извѣстные въ печати варіанты.

2) *Пѣсня про Овраменка* въ 48 № Е. Г. В. 1888 г. По содержанію эта пѣсня сходна съ думой про Ивася Вдовиченка: величиной она менѣе и стихъ короче. Ненапечатанный варіантъ, записанный г. Мачжурой въ с. Мурафѣ богодуховскаго

уѣзда харьк. губ., сходенъ съ варіантомъ г. Новицкаго, за исключеніемъ двухъ-трехъ словъ. Пѣсня начинается словами: „Оврамыха стара маты а три сына мала“... Одного сына Данила (въ варіантѣ Манжуры—Клыма) она отпустила погулять въ г. Тавань (у Манжуры—Таганрогъ). Данило ушелъ съ казаками, вступилъ подъ городомъ Келебердой въ битву съ турками и былъ убитъ. Пѣсня кончается словами: „Не потуравъ вражій сынъ, турчинъ, шо винъ козакъ молоденькій“. Личность героя неизвѣстна въ исторіи. Въ пѣснѣ онъ пріурочивается къ двумъ городамъ, очень далеко отстоящимъ одинъ отъ другаго, къ Тавани у Днѣпровскаго лимана и крѣпости Келебердѣ на Днѣпрѣ недалеко отъ Кременчуга.

3) *Пѣсня про набѣгъ орды на Донщину.*—„Ой збиралыся паны—генералы все донскіи козаки“ (въ 53 №). Они повели войско на турокъ, а татары напали на Донщину и разграбили. Донцы зовутъ на помощь кошевого. Послѣдній упрекаетъ ихъ въ оплошности. Пѣсня несомнѣнно заимствованная; ея родина—Донщина. Заимствованіе обнаруживается въ самомъ языкѣ: „генералы все донскіе козаки“, „ой нумо листъ бумагу писать“, „самъ подивишся, шо не силушка наша“,—обороты рѣчи, очевидно, великорусскіе, малорусской исторической поэзіи совсѣмъ не свойственные.

4) *Дума про Перебыйниса* въ № 2 Е. Г. В. 1889 г. Перебыйнисъ—Максимъ Кривоносъ, знаменитый предводитель загоновъ во время Богдана Хмельницкаго. Въ думѣ воспѣвается его побѣда надъ поляками въ 1648 г. Въ „Ист. пѣс. малорус. нар.“ Ант. и Драг. II 42—48 напечатано 4 варіанта этой думы съ историческими комментаріями. Варіантъ г. Н. по полнотѣ и стройности превосходитъ другіе извѣстные въ печати варіанты. Въ содержаніи есть новая деталь—указаніе, что Перебыйнисъ загулялъ съ „кумасею Хмельницкою“ и не замѣтилъ, какъ подошли поляки.

5) *Дума про Супруна*—„Ой не знавъ козакъ, не знавъ Супрунъ дебъ славы нажиты“; онъ съ козаками напалъ на орду, попался въ плѣнъ, проситъ татаръ пустить его на Савуръ могилу посмотрѣть на Украину, гдѣ козаки „какъ макъ процви-

таютъ", передать кошевому просьбу о выкупѣ (№ 7). Въ печати извѣстно з варіанта пѣсни о Супрунѣ (Чупрунѣ), два у Метлинскаго и одинъ у Костомарова (въ Ист. казач. по пѣс. 105). Варіантъ г. Н. почти тожественъ съ варіантомъ Костомарова. Лучшіе варіанты въ сборникѣ Метлинскаго. У Костомарова запорожское войско „якъ золото сяе" вмѣсто болѣе обычнаго „*якъ макъ процвитае*". Что послѣдній символъ былъ изстари популяренъ, видно изъ того, что онъ встрѣчается въ Лѣтописи Самуила Величка: „войско тое, увидѣвши съ горы якой, можно было сказать, же то суть ниви, красноцвѣтущимъ голендерскимъ албо волоскимъ макомъ засѣяни и проквѣтнувши". Въ другихъ думахъ: Морозенко „якъ макъ роспускався".

6) *Пѣсня о Морозенкѣ* (въ № 17), весьма популярная въ Малороссіи, извѣстна во многихъ варіантахъ (указаны въ примѣчаніи самимъ г. Новицкимъ). Начало: „Ой Морозе, Морозенко, ты славный козаче". Мать его имѣетъ дурное предчувствіе. Морозенко подъ Келебердой разбитъ ордой; онъ проситъ пустить его на Савуръ могилу посмотрѣть на Украину; его убиваютъ. Между пѣснями про Супруна или Чупруна и пѣснями про Морозенка большое сходство по содержанію, такъ что, можетъ быть, онѣ относятся къ одному лицу, Супруну Морозенкѣ—современнику, служившему въ Лютенской сотнѣ Полтавскаго полку, или его однофальмильцу Нестору Морозенку (*Максимовичъ*, соч. I 713). Келеберда является роковымъ мѣстомъ не только для Морозенка, но, какъ мы видѣли, и для Овраменка. Въ варіантѣ г. Н. есть отчетливое указаніе на это укрѣпленіе: „Зострінемось зъ ордою пидъ Келебердою, а въ городи Келеберди покопани шанцы".

7) *Пѣсня про князя Голицына* (въ № 21). Г. Новицкій озаглавилъ ее „Орда и ляхи", по первымъ стихамъ, гдѣ упоминаются татары и поляки. Начало: „Наварилы ляхи пыва". Пѣсня сшивная: первые три стиха взяты изъ какой-то пѣсни про борьбу козаковъ съ поляками; слѣдующіе четыре—изъ думы о татарскихъ побѣгахъ (у Ант. и Драг. I 73), послѣдніе 11 стиховъ составляютъ историческую пѣсню не про любимца царевны Софіи Вас. Вас. Голицына о крымскомъ походѣ 1689 г.,

какъ думаетъ г. Новицкій, а про кн. Мих. Мих. Голицына и прутскій походъ 1711 г. Близкіе варіанты этой пѣсни въ сборникѣ Максимовича 1834, стр. 109 и въ Полит. пѣс. укр. народа, I 65—70 и въ особенности на стр. 92 и 102. Въ послѣднемъ изданіи находится обширный историческій комментарій къ пѣснямъ о возвращеніи козаковъ изъ Алешковской Сѣчи и кн. Голицынѣ.

и 8) *Пѣсня про бѣдство народа во время руины изъ правобережной Украины въ лѣвобережную* въ №№ 52 и 53 „Екатеринослав. губ. вѣдом.“ 1892 г. На мой взглядъ—это одна изъ наиболѣе интересныхъ историческихъ пѣсенъ; сходная пѣсня отмѣчена въ сборникѣ Максимовича (с. 171). Въ „Политичны пѣсни“ она не вошла. Начинается она словами „Та не спалъ я ничку не одную“. Народному пѣвцу „нудно“; дожди украсили землю цвѣтами, а люди бѣгутъ, бросаютъ грунты, пасики, бѣгутъ весной, чрезъ широкій Днѣпръ. Послѣднія 9 строкъ, гдѣ противопоставляются какіе-то „вороги“ прежнимъ „добрымъ панамъ“, повидимому, взяты изъ другой пѣсни. Въ концѣ пѣсни приложено объясненіе ея содержанія пѣвцомъ, 88 лѣтнимъ дѣдомъ Джигиремъ, и обширный историческій комментарій. Приложеніе объясненія разсказчика или пѣвца—новый пріемъ, заслуживающій полнаго одобренія. Изъ объясненія видно, какъ самъ пѣвецъ понимаетъ пѣсню. Въ частности комментарій Джигиря бросаетъ на пѣсню о бѣгствѣ народа яркій лучъ свѣта.

Подлинные тексты пѣсенъ и преданій г. Н. всегда сопровождаетъ точными указаніями имени пѣвца, мѣста и времени записи, иногда историческими объясненіями.

Въ настоящее время г. Новицкій готовитъ къ печати сборникъ записанныхъ имъ изъ народныхъ устъ историческихъ пѣсенъ (болѣе 200 №№) и кромѣ того имѣетъ въ рукописяхъ до 150 разсказовъ о запорожскихъ урочищахъ и кладахъ, до 100 заговоровъ и народныхъ рецептовъ. Нельзя не пожелать скораго изданія этихъ матеріаловъ, въ особенности пѣсенъ историческихъ.

Интересныя записи г. Новицкаго, сгруппированныя въ доступномъ изданіи, несомнѣнно привлекутъ къ себѣ вниманіе историковъ и этнографовъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШМАТКОВСКІЙ

протопопъ глуховскій и его сношенія съ московскимъ правительствомъ (1653 — 1673 гг.) [1]).

(СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО ДУХОВЕНСТВА).

До 1655 года Иванъ Андреевичъ Шматковскій былъ нѣкоторое время протопопомъ въ городѣ Пирятинѣ [2]) и еще досоединенія Малороссіи съ великою Россіей имѣлъ, какъ кажется [3]), случай выказать свои симпатіи къ Москвѣ. Въ концѣ 1655 года глуховчане, „желаючи поученія христіанскаго и проповѣди слова Божія“ задумали построить въ своемъ городѣ соборную церковь „въ честь и память св. Тройцы“. „Къ совершенію храма благополучному непреклонное желаніе имѣя“ и „слыша похвальныя словеса добрыхъ людей“ объ о. Шматковскомъ, глуховскіе всякихъ чиновъ люди „подняли“ Ивана Андреевича „съ пирятинской протопопіи, чтобъ ему быть протопо-

[1]) Настоящая замѣтка представляетъ собою отрывокъ изъ приготовляемой нами къ печати работы: „О сношеніяхъ Малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Само собою разумѣется, что въ этой работѣ будутъ опущены тѣ изъ приводимыхъ въ настоящей замѣткѣ подробностей, которыя представляютъ только мѣстный интересъ.

[2]) Объ этомъ говоритъ самъ Шматковскій въ челобитной, поданной имъ царю Алексѣю Михайловичу въ августѣ 1666 г. „въ прошломъ государь во 164 (*т. е. 1655—1656*) году подняли меня, богомолца твоего, глуховскіе всякихъ чиновъ люди съ пирятинской протопопіи, чтобы мнѣ быть протопопомъ же въ Глуховѣ (Моск. Главн. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16).

[3]) Въ концѣ 1655 года о. Шматковскій оставилъ уже пирятинскую протопопію, а 8 октября 1653 года „въ *Пирятинѣ* приходилъ“ къ послу государеву „стольник-

помъ въ Глуховѣ“ [1]). Въ началѣ 1657 года церковь соборная была уже заложена и приступлено было къ ея сооруженію [2]).

Пригласивъ въ свой городъ о. Шматковскаго, глуховчане дали ему запись, по которой обязались давать своему новому протопопу по двадцати рублей ежегодно „на одежду священническую“, а „на прокормъ“ дали одну изъ принадлежавшихъ ратушѣ мельницъ. Кромѣ того, глуховчане обѣщались давать протопопу „по древнему обычаю всякіе доходы церковные безо

нику Родіону Стрѣшневу *протопопъ* съ братьею да священникъ со крестомъ въ патрахѣли и говорили, чтобъ великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Руси Самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель... здравъ былъ и многолѣтенъ и покорилъ бы ему, великому государю, Господь Богъ вся враги его и супостаты подножію ногъ его, а они за него, великаго государя, ради Бога молить и чтобы и всѣ они единовѣрные православные христіане подъ его государскою рукою въ совокупленьѣ были на вѣки неподвижно. И стольникъ Родіонъ того *протопопа* съ братьею потчивалъ и дарилъ“. (Акты Южн. и Западн. Россіи, т. X, № 3, стр. 98—99).

[1]) Москов. Главн. Арх. Министер. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16,—челобитная Шматковскаго.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ находимъ въ записи, данной жителями Глухова 19 марта 1657 г.: „отъ жителей глуховскихъ сотниковъ, атамановъ и войтовъ и всего поспольства глуховского ее да будетъ на хвалу въ Троицы Свѣтѣ и Славимаго Бога и Пресвятыя Владычицы Нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ на славу-жъ отъ рода въ родъ православному христіанскому роду и на оставленіе грѣховъ, о нихъ же жертва святая приносима будетъ, храмъ святый въ честь и намять Святые и Живоначальные и Нерозлѣлимые Тройцы строити *почемисмы*. (Моск. Главн. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16). Мы позволили себѣ привести это указаніе, такъ какъ доселѣ, насколько намъ извѣстно, печатно не было еще указано время основанія нынѣшней Глуховской соборной троицкой церкви. Правда въ „Календарѣ Черниговской Епархіи на 1891 годъ“, изданномъ черниговскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, сказано (на стр. 72), что глуховская Свято-Троицкая соборная церковь *основана* въ 1805 г., но эта дата, какъ видно изъ приводимой нами выписки, невѣрна. Преосвящ. Филаретъ не зналъ точно года основанія глуховской соборной церкви, однако онъ указывалъ на то, что церковь эта существовала уже въ 1663 году (Историко-Статистическое Описаніе Черниговской Епархіи, часть VII, стран. 273). Въ дополненіе къ сообщаемой нами датѣ замѣтимъ, что въ описаніи города Глухова, относящемся къ 1654 году (Акты Южн. и Зап. Россіи, т. X, прилож. къ № 5, стр. 829) указана одна только церковь во имя архангела Михаила; священникъ этой церкви Григорій считался тогда *соборнымъ* (Ibid. стр. 828). О церкви архан. Михаила упоминаетъ и преосв. Филаретъ (Описаніе, ч. VII, стр. 272).

всякого прекословія"; съ своей стороны о. протопопъ далъ слово ничего, сверхъ обѣщаннаго „не истязати" отъ глуховчанъ [1]).

Выборъ жителей города Глухова, желавшихъ поученія христіанскаго и проповѣди, былъ удаченъ, такъ какъ новый протопопъ оказался недурнымъ проповѣдникомъ [2]), но для самого Шматковскаго переходъ изъ менѣе значительнаго города Ирятина въ Глуховъ сдѣлался вскорѣ источникомъ тревогъ и безпокойствъ, такъ какъ въ гетманство Выговскаго въ Малороссіи начались междоусобія и смуты, во время которыхъ Иванъ Андреевичъ, какъ сторонникъ Москвы, долженъ былъ столкнуться съ мѣстною козацкою старшиной. Въ сентябрѣ 1658 года гетманъ Выговскій измѣнилъ великому государю [3]) и поднялъ въ Малороссіи бунтъ. Для подавленія возмущенія послано было въ Малороссію по указу государеву нѣсколько воеводъ съ ратными людьми. Во время вспыхнувшей такимъ образомъ междоусобной войны Шматковскому удалось оказать услугу московскому правительству.

Для того, чтобы успокоить волненіе въ Глуховѣ, долженъ былъ по указу государя пойти къ этому городу изъ Сѣвска воевода кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ [4]), но сотникъ глуховскій прислалъ къ Куракину брата своего Сенку Чернаго и Заруцкаго „бить челомъ отъ всего города, чтобы великій государь надъ ними умилосердился, войною на нихъ приходить не велѣлъ, такъ какъ они хотятъ по прежнему быть подъ высокою рукою его царскаго величества". Черный и Заруцкій „учинили присягу" за всѣхъ глуховчанъ, и поэтому князь Куракинъ послалъ полковника Аврама Лопухина и съ нимъ двухъ сотниковъ Ивана Кожевникова да Никиту Сивцова съ пятьюдесятью стрѣльцовъ и драгунъ принять городъ Глуховъ, а для приведенія глуховчанъ

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16.

[2]) Образецъ ораторскаго искусства протопопа Шматковскаго см. въ Акт. Южн. и Зап. Россіи т. V, № 85, стр. 194.

[3]) Ibid. т. VII, № 84, стр. 251—252.

[4]) Ibid. № 90, стр. 275. Нѣсколько времени передъ тѣмъ входившій уже въ силу протопопъ нѣжинскій Максимъ Филимоновичъ писалъ (Акты Южн. и Запад. Россіи, т. IV, № 101, стр. 199) воеводѣ путивльскому князю Долгорукому: „Вельми бъ добро, есть ли бы отъ Сѣвска рать его царскаго величества... Шла... на Глуховъ"

къ присягѣ посланъ былъ съ Лопухинымъ изъ Сѣвска священникъ Ипатій. Но глуховчане, забывъ страхъ Божій и свою присягу, Аврама Лопухина со всѣми государевыми людьми въ городѣ заперли, затѣмъ самого Лопухина послали къ Выговскому, а остальныхъ ратныхъ людей вывели всѣхъ на площадь казнить. Тутъ на площадь прибѣжалъ протопопъ Шматковскій съ женою и съ дѣтьми и козаковъ упросилъ, чтобы они того дни государевыхъ людей не казнили". Козаки тогда послушались протопопа и ограничились тѣмъ, что заперли государевыхъ людей въ двухъ тюрьмахъ, священника же Ипатія даже выпустили изъ Глухова [1]).

Но нѣсколько дней спустя, по приказанію полковника козацкаго, Гуляницкаго, государевыхъ людей стали мучить; 34 человѣка изъ нихъ были брошены въ одну яму и засыпаны. Протопопъ Шматковскій, видя государевыхъ людей невинную смерть, бранился съ Гуляницкимъ, проклиналъ его за безчеловѣчіе" и успѣлъ спасти изъ рукъ мучителей восемь человѣкъ (изъ нихъ 6 человѣкъ дѣтей боярскихъ), которыхъ взялъ къ себѣ въ домъ, поилъ и кормилъ ихъ на свой счетъ. Далѣе, протопопъ отъ одной изъ тюремъ „ключъ ухоронилъ и государевыхъ ратныхъ людей", тамъ заключенныхъ (14 человѣкъ), „побить не далъ и съ Божіею помощью отъ смерти ихъ избавилъ" [2]). Происходило это въ декабрѣ 1658 года [3]) въ третій годъ пребыванія Шматковскаго въ Глуховѣ.

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VII, № 99, стр. 266 и 264.

[2]) Ibid. т. V, № 85, стр. 195.

[3]) Ibid. т. VII, № 90, стр. 265—статейный списокъ маіора Григорія Булгакова, о пребываніи его въ Малороссіи въ 1659 г. По этому документу можемъ точно опредѣлить время, къ которому относится подвигъ о Шматковскаго, а именно декабрь 1658 г. Нѣкоторыя изъ сообщенныхъ нами подробностей приведены въ приказной выпискѣ изъ челобитной протопопа Шматковскаго, поданной имъ государю въ 1664 г. Акты южн. и зап. Россіи т. V, № 85, стр. 195); въ этой челобитной протопопъ, упоминая о своемъ *прежнемъ* (т. е. относящемся къ 1658 г.) радѣніи, приводитъ имена тѣхъ же самыхъ лицъ(Чернаго, Заруцкаго, Лопухина, Кожевникова, Сивцова и Гуляницкаго), о которыхъ писалъ въ январѣ 1659 г. Булгаковъ; далѣе, въ отпискѣ Дементья Башмакова, писанной въ октябрѣ 1663 г., читаемъ (Моск. Арх. Мин. Юст, столбцы бѣлгородскаго стола, № 4439, дѣло № 3): „подъ часъ непріятельскаго приходу къ Глухову, глуховскимъ жителемъ вѣрить нечему;

О дѣятельности Шматковскаго за время съ 1659 по 1663 годъ не имѣемъ точныхъ указаній, знаемъ только, что Шматковскій съумѣлъ заслужить расположеніе своихъ прихожанъ, такъ что ему удалось доставить священническія мѣста въ городѣ Глуховѣ своему родному брату Евстаѳію Андрееву и двоюродному Григорію Иванову [1]). Что касается старшины козацкой, то и съ нею Шматковскій послѣ своего столкновенія съ Гуляницкимъ старался ладить; сохранился универсалъ, данный Шматковскому нѣжинскимъ полковникомъ Василіемъ Золотаренкомъ на владѣніе тою мельницей, которую глуховчане уступили своему протопопу. Универсаломъ этимъ, даннымъ 25 марта 1661 года, Золотаренко „ствержалъ, абы жаденъ старшинъ и меншихъ войска его царского величества запорозского не былъ перешкодою о. протопопу“ въ обладаніи „млынкомъ и ставкомъ“ [2]) Такой универсалъ былъ необходимъ Шматковскому въ тяжелое для малороссіянъ время междугетманства 1660—1663 гг. Это время, а также междоусобіе, вызванное измѣною Выговскаго, такъ неблагопріятно отразились на благосостояніи глу-

---

людишки самые худые, вольные и непостоянные; опасно того, чтобы не учинили такъ же, какъ *во время измѣны Ивашки Выговскаго* надъ полковникомъ и головою московскихъ стрѣльцовъ надъ *Аврамомъ Лопухинымъ*“. Итакъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно времени, къ которому относится спасеніе Шматковскимъ государевыхъ ратныхъ людей. Однако Н. И. Костомаровъ, упоминая о подвигѣ Шматковскаго и о спасеніи имъ людей Лопухина, относитъ это событіе къ 1664 г. Ошибку эту можно объяснить только тѣмъ, что Н. И. Костомаровъ забылъ о статейномъ спискѣ Булгакова и безъ достаточнаго вниманія прочелъ приказную выписку изъ челобитной Шматковскаго: невнимательное отношеніе Н. И. Костомарова къ этому документу проявилось и въ томъ, что нашъ историкъ, ссылаясь (Историч. монографіи и изслѣдованія изд. 1882 г., т. XV, стр. 35) на 195 стр. V тома Актовъ южн. и зап. Россіи, утверждаетъ, что тамъ напечатана грамота, данная Шматковскому, между тѣмъ какъ цитуемый Н. И. документъ, дѣйствительно, напечатанный на указанной страницѣ, представляетъ собою *не грамоту, данную Шматковскому*, а приказную выписку изъ *челобитной, поданной протопопомъ*.

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 34; Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5976.

[2]) Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16.

ховчанъ [1]), что они не имѣли средствъ закончить внутреннюю отдѣлку новой церкви и къ 1664 г. сооруженіе соборнаго храма еще не было окончено [2]).

Въ 1663 году Шматковскій имѣлъ случай снова выказать свое расположеніе къ Москвѣ. 27 сентября этого года, когда въ Глуховъ пріѣхалъ приказа тайныхъ дѣлъ дьякъ Башмаковъ, Шматковскій устроилъ ему торжественную встрѣчу [3]) и сообщилъ о ненадежности глуховчанъ, а вскорѣ послѣ отъѣзда Башмакова изъ Глухова Шматковскому удалось оказать новую весьма важную услугу московскому правительству.

8 октяря 1663 года польскій король Янъ Казимиръ съ войскомъ пришелъ въ Бѣлую Церковь [4]), откуда вскорѣ выступилъ въ лѣвобережную Малороссію [5]). Овладѣвъ нѣсколькими городами на переяславской сторонѣ [6]), король въ самомъ началѣ 1664 года подступилъ къ Глухову [7]), жители котораго были склонны къ „шатости“ [8]); поляки могли поэтому ожидать, что глуховчане охотно имъ сдадутся, но благодаря стараніямъ глуховскаго протопопа, дѣло приняло совершенно другой оборотъ: почтенный о. Иванъ и братья его, священники Евстаѳій и Григорій, взяли на себя руководство дѣломъ защиты города.

---

[1]) Акты южн. и зап. Россіи, т. VII, № 90, стр. 265—266.

[2]) Ibid. т. V, № 85, стр. 193.

[3]) Книги Разрядныя, ч. II, столб. 941.

[4]) Акты южн. и зап. Россіи т. V, № 78, стр. 184. № 82 стр. 188. Книги Разрядныя ч. II, столб. 948. При столь многочисленныхъ оффиціальныхъ указаніяхъ на 8 октября, однако проф. В. Б. Антоновичъ, вѣроятно, слѣдуя ошибочному показанію лѣтописца (Лѣтопись Величка, изд. 1851 г., стр. 40), полагаетъ (Историч. дѣятели юго-зап. Руси изд. 1883 г. вып. I, стр. 53.), что король польскій прибылъ въ Бѣлую Церковь 30 октября.

[5]) Книги разрядныя ч. II, столб. 964 Изъ приводимаго здѣсь письма Хлопова къ Башмакову видно, что 7 ноября король уже переправился черезъ Днѣпръ, а Н. И. Костомаровъ почему то полагаетъ (Историч. моногр. и изслѣд. т. XV, стр. 14), что король переправился 13 ноября.

[6]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы малоросс. прик. № 5869—отписка Перхурова къ государю.

[7]) Утверждаемъ это на томъ основаніи, что въ концѣ декабря 1663 г. король стоялъ еще подъ Сосницей, верстахъ въ восьмидесяти отъ Глухова. (ibid.).

[8]) См. выше въ прим. 11 выдержку изъ отписки Башмакова.

Когда король польскій осадилъ Глуховъ, Шматковскій и его братья „великому государю служили, городъ Глуховъ отъ польскихъ людей берегли и городовыхъ всякихъ людей уговаривали и укрѣпляли, чтобы отъ жестокихъ и крѣпкихъ приступовъ и отъ всякаго пушечного стрѣлянья не страшились и города-бъ сдати не мыслили[1]). Эти увѣщанія такъ подѣйствовали на глуховчанъ, что они оставили свою „шатость“ и, не смотря на превосходство силъ непріятеля, рѣшились защищаться. Во время осады Глухова, поляки сдѣлали 12 приступовъ къ городу, но „на тѣхъ приступѣхъ глуховскіе Черкасы непріятелей побивали на голову и началныхъ людей многихъ побили, а досталные отошли съ великимъ стыдомъ“[2]). Такъ радѣли великому государю въ 1664 году тѣ самые глуховчане, которые въ 1658 г. забыли страхъ Божій и измѣнили государю. Такая перемѣна въ настроеніи глуховчанъ произошла благодаря увѣщаніямъ протопопа Шматковскаго и его братьевъ, глуховскихъ священниковъ, которые поэтому писали въ челобитной, поданной ими государю, что они, священники глуховскіе „милостью Божіей и великаго государя счастьемъ городъ Глуховъ отстояли[3]).

Услуга, оказанная, московскому правительству протопопомъ Шматковскимъ и его братьями, имѣла большое значеніе, такъ какъ неудачный исходъ осады Глухова сильно повредилъ успѣху компаніи короля польскаго[4]), который послѣ этой неудачи не

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5976.

[2]) Акты археографической экспедиціи т. IV, № 149, стр. 198. Такой лестный отзывъ о поведеніи глуховскихъ черкасъ въ приходъ короля польскаго даетъ московское правительство. Н. И. Костомаровъ, отнеся ошибочно къ 1664 году избіеніе государевыхъ ратныхъ людей глуховчанами, происходившее въ 1658 году, полагаетъ (Историч. моногр. и Изслѣдованія, т. XV, изд. 1882 г. стр. 35), что „въ Глуховѣ во время прихода короля возникла измѣна царю“ и даже приводитъ подробности „затѣи изменниковъ“; но всѣ эти подробности относятся къ событіямъ 1658 года и упоминаются въ статейномъ спискѣ Булгакова (Акты южн. и зап. Рос-сіи, т. VII, № 90), писанномъ въ январѣ 1659 г.!

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы малоросс. приказа № 5976.

[4]) О стратегическомъ значеніи Глухова см. у Н. И. Костомарова (Истор. мон. т. XV, изд. 1882 г. стр. 29); о значеніи неудачи подъ Глуховомъ у С. М. Соловьева (Ист. Россіи т. XI, изд. 1861 г. стр. 181).

рѣшился вторгнуться въ коренныя великороссійскія области[1]) и возвратился въ свое годударство. Шматковскій сознавалъ свои заслуги и, вскорѣ послѣ ухода короля изъ Малороссіи, отправился[2]) вмѣстѣ съ другимъ священникомъ соборной церкви Михаиломъ[3]) въ Москву хлопотать о наградѣ за свою службу въ приходъ польскаго короля и за свое „прежнее радѣніе“[4]); кромѣ того Шматковскій надѣялся выпросить въ Москвѣ все необходимое для того, чтобы „устроить“ глуховскую соборную церковь, которая все еще „къ совершенію придти не возмогла[5]).

Пріѣхавъ въ Москву 13 мая 1664 года[6]), протопопъ глуховскій былъ вскорѣ „допущенъ смотрѣти пресвѣтлое лицо великаго государя и лобызати его святую руку“. При этомъ „всечестный господинъ отецъ Іоаннъ Андреевичъ Шматковскій, недостойный родъ и богомолецъ его царскаго пресвѣтлаго величества“, произнесъ передъ государемъ витіеватую рѣчь, въ которой привѣтствовалъ „помазанника Божія, ангела Божія Алексѣя“, поручалъ его молитвамъ всѣхъ святыхъ *„россійскихъ— кіевскихъ и московскихъ чудотворцевъ“*, высказывалъ пожеланіе,

---

[1]) Сравн. ibid. стр. 171. О томъ, что кампанія короля польскаго, дѣйствительно, вызвала было въ Москвѣ переполохъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ самъ принять участіе въ походѣ противъ поляковъ (Забѣлинъ, матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы, т. I, столб. 1223).

[2]) 27 февраля 1664 г. король стоялъ еще подъ Новгородъ-Сѣверскомъ (Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы малоросс. приказа № 5869), въ началѣ марта Малороссія была очищена отъ поляковъ (Памятн. кіевск. комм. т. IV, отд. III, № XCIII стр. 421), а въ концѣ апрѣля о. Шматковскій собирался уже въ Москву (Акты южн. и зап. Россіи т. V, стр. 193).

[3]) Кромѣ того пріѣхалъ сынъ священника Михаила Андрей, 2 человѣка пономарей (въ поданной Шматковскимъ росписи „бѣлорусскаго письма“ они названы „ключарями“) да 2 челядника (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла малоросс. 1664 г. № 3, л. 2).

[4]) Акты южн. и зап. Россіи т. V, № 85, стр. 195.

[5]) Ibid. стр. 193.

[6]) О пріѣздѣ Ивана Шматковскаго въ Москву въ 1664 г. см. Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малорос. 1664 г. №№ 3, 4, 34; 1666 г. № 16. Немногіе изъ заключающихся въ этихъ дѣлахъ документовъ напечатаны въ V т. Актовъ Южн. и Зап. Россіи, подъ № 85.

чтобы объединилась вся земля Россійская подъ скипетромъ великаго государя, которому она должна принадлежать, какъ наслѣдіе отъ отца его Владиміра Святаго и отъ предковъ Ярослава и Даніила Галицкаго. Далѣе, Шматковскій хвалилъ въ своей рѣчи вѣрность вѣчныхъ холопей великаго государя—малороссійскихъ жителей, которые отразили нападеніе короля польскаго, умолялъ царя быть милостивымъ ко всѣмъ малороссіянамъ, а особенно къ богомольцамъ государевымъ, къ малороссійскому духовенству. Какъ видно изъ приведенныхъ нами выдержекъ, въ рѣчи о. Шматковскаго было немало обычной въ „панегирикахъ" тогдашнихъ „кіевлянъ" лести [1]), но интересно въ этой рѣчи то, что Шматковскій высказывалъ въ ней мысль о необходимости тѣснаго сближенія Малороссіянъ съ Великоруссами: въ этомъ отношеніи „Іоаннъ Андреевичъ" не лицемѣрилъ, такъ какъ, дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя переселился навсегда въ Москву [2]).

Шматковскій представлялся государю и произнесъ свою рѣчь 20 мая 1664 г.; около того же времени протопопъ билъ челомъ о награжденіи его за службу великому государю; въ челобитной своей Шматковскій обращалъ вниманіе московскаго правительства на свою дѣятельность въ приходъ польскаго короля, напоминалъ также о тѣхъ услугахъ, которыя оказаны были имъ, протопопомъ, во время междоусобной войны 1658—1659 гг., когда, благодаря протопопу, въ Глуховѣ были избавлены отъ смерти государевы ратные люди. Протопопъ просилъ, чтобы за всѣ эти услуги и за его радѣніе была ему пожалована на вѣчное владѣніе пустошь Бочково *съ правомъ поселить на этой пустоши крестьянъ* [3]). Кромѣ того, Шматковскій хлопоталъ о томъ, чтобы ему и впредь будущимъ протопопамъ глуховскимъ дана была великаго государя жалованная грамота

---

[1]) Карповъ, Кіевская Митрополія и Московское правительство во время соединенія Малороссіи съ Великою Россіей ст. III, М. № 1876. стр. 2. Въ этой монографіи Т. Ѳ. Карпова разсказъ доведенъ до конца 2-го десятилѣтія *второй* половины XVII в. (Сравн. Соч. Д. И. Багалѣя, Новый историкъ Малороссіи, стр. 4).

[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Сибирск. Приказа № 6870 общ. (частн. 826).

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 195.

„за красною печатью“ на владѣніе тою мельницей, которую глуховчане предоставили своему протопопу [1]). Ходатайствуя о такой грамотѣ, Шматковскій, вѣроятно, желалъ поставить себя въ болѣе независимое отношеніе къ старшинѣ казацкой, ибо, заручившись жалованною грамотой великаго государя, протопопъ не нуждался уже въ тѣхъ подтвердительныхъ универсалахъ на пользованіе предоставленнымъ ему „млынкомъ“, выпрашивать которые у полковниковъ нѣжинскихъ глуховчане обѣщали протопопу въ данной ему записи. Выпрашивая себѣ маетностей, Шматковскій не забылъ и родни своей: онъ билъ челомъ о томъ, чтобы пожалованы были „озера Мутинскіе и перевозъ“ къ той глуховской церкви, у которой будетъ служить родной братъ протопопа, священникъ Евстаѳій Андреевъ [2]).

Въ Москвѣ приняли Шматковскаго благосклонно. Вскорѣ послѣ того какъ протопопъ „видѣлъ государскіе пресвѣтлые очи“, ему дано было [3]) за его *службу* три сорока соболей, по тридцати рублей сорокъ (на наши деньги=1530 рублей) [4]); кромѣ того была дача протопу деньгами. Просимая Шматковскимъ пустошь была, какъ кажется [5]), ему пожалована, точно также разрѣшено было дать о. протопопу жалованную грамоту на ту мельницу, которою онъ владѣлъ по записи глуховчанъ;

---

[1]) Въ августѣ 1666 года Шматковскій писалъ въ своей челобитной: въ прошломъ, во 172 году (1664) билъ челомъ на Москвѣ тебѣ, великому государю, *я* богомолецъ твой, о твоей государевой грамотѣ, чтобъ владѣть мнѣ мельницею „(Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16)“.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 195.

[3]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла малоросс. 1664 г. № 4, л. 17.

[4]) Кіевск. Старина за 1891 г. ноябрь, стр. 254.

[5]) Н. И. Костомаровъ прямо утверждаетъ, что „протопопъ *выпросилъ* у царя за свое радѣніе пустошь“, (Историч. моногр. и изслѣд. т. XV, изд. 1882 г. стр. 36), но на основаніи сохранившихся документовъ нельзя категорически утверждать, что Шматковскій дѣйствительно выпросилъ себѣ пустошь. Мы можемъ только предполагать, что просьба протопопа была исполнена и на слѣдующемъ основаніи: нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ возвращенія Шматковскаго изъ Москвы, Брюховецкій писалъ въ информаціи, данной его посланцамъ Лазарю Горленку съ товарищи чтобы посланцы били челомъ на поповъ, которые изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманского и войскового къ Москвѣ ѣздятъ и *выправливаютъ себѣ маетности*, ибо о томъ вельми войско ропщетъ (Акты южн. и зап. Россіи, т, V, № 127, стр. 283).

не смотря на это разрѣшеніе, протопопъ глуховскій былъ почему то отпущенъ съ Москвы безъ жалованной грамоты на мельницу [1]), хотя для Шматковскаго важно было тогда же заручиться государевою грамотою, такъ какъ гетманъ Брюховецкій, недовольный тѣмъ, что вліяніе духовенства усилилось, уже въ 1664 году началъ отнимать у протопоповъ мельницы [2]).

Будучи на Москвѣ, Шматковскій не ограничился тѣмъ, что просилъ себѣ наградъ за свою службу; вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ столицу, протопопъ представилъ въ малороссійскій приказъ челобитную отъ полковника Василія Черкашеницы и отъ всего поспольства глуховскаго; челобитчики писали, что глуховская соборная церковь Живоначальной Троицы до 1664 г. къ совершенію не возмогла придти, а послѣ прихода королевскаго они, глуховчане, совершенно разорились и такъ обнищали, что не могутъ на свои средства устроить „соборную церковь; поэтому они поручили честному господину отцу глуховскому протопопу бить челомъ великому государю о пособіи на окончаніе церковнаго строенія [3]). Вмѣстѣ съ этою челобитною протопопъ представилъ роспись того „что потребно до церкви глуховской“ соборной. Изъ этой росписи видно, что протопопъ билъ челомъ о томъ, чтобы государь пожаловалъ въ соборную церковь: „красокъ разныхъ до маліованья иконъ, золота листоваго, бѣлаго желѣза“ (на кровлю), всю церковную утварь и богослужебныя книги. По этой челобитной Шматковскаго состоялся великаго государя указъ: дать въ глуховскую церковь все, чего просилъ протопопъ [4]). Но малороссійскому

[1]) Въ 1666 г. Шматковскій писалъ въ челобитной о своемъ пріѣздѣ въ 1664 г., что въ то время ему „на мельницу великаго государя грамоты не дано“. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣло малоросс. 1666, № 16).

[2]) Мѣстечка Каменнаго протопопъ Михаилъ жаловался въ мартѣ 1665 года на Брюховецкаго, который приказалъ отнять у него мельницу (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла малоросс. 1665 г. № 64.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 193.

[4]) „Роспись, что потребно до церкви глуховской Святой Живоначальной Троицы: красокъ разныхъ до маліованія иконъ, золота листоваго и бѣлаго желѣза, паникадило, кадильница, сосуды, воскъ, ладонъ, вина церковнаго, евангеліе напрестольное, евангеліе толковое, крестъ, минеи мѣсячные, псалтирь съ слѣдованьемъ, требникъ, каноникъ, апостолъ, октоихъ, часословъ, матеріи на ризы и на потра-

приказу не легко было исполнить этотъ указъ великаго государя, такъ какъ всѣ предметы, которые разрѣшено было выдать Шматковскому, нужно было вытребовать изъ другихъ приказовъ, а именно изъ приказа Серебрянаго Дѣла, Оружейнаго и большаго дворца, но приказы эти прислали только часть изъ того, что было малороссійскимъ приказомъ затребовано, въ остальномъ же отказали [1]). Пока пересылались памяти изъ одного приказа въ другой, состоялся великаго государя указъ объ отпускѣ съ Москвы протопопа Шматковскаго [2]) и онъ уѣхалъ, получивъ только часть того, что пожаловано было въ глуховскую соборную церковь.

Но Шматковскій не думалъ отказываться отъ того, что пожаловано было въ глуховскую соборную церковь. 27 іюня 1664 года протопопъ уѣхалъ изъ Москвы, а въ томъ же году прибыли въ столицу братья Шматковскаго, священники глуховскіе Евстаѳій и Григорій бить челомъ о наградѣ за ихъ службу, такъ какъ они вмѣстѣ со своимъ братомъ, протопопомъ, уговаривали глуховчанъ не сдаваться королю [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Евстаѳій и Григорій подали „росписку, чего недодано съ приказу протопопѣ глуховскому“ [4]) и просили, чтобы все недоданное было съ ними послано въ Глуховъ. Опять посыпались изъ малороссійскаго приказа памяти въ Оружейный и другіе

хили, прологи, служебникъ, лихтарѣ. (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 3, л. 23). По этой росписи состоялся „великаго государя указъ дать въ Глуховъ въ соборную церковь: къ писанію иконъ красокъ всякихъ пудъ, золота 500 листовъ, да бѣлаго желѣза три бочки, кадило и сосуды серебряные, пудъ ладону, 3 пуда воску, 5 вѣдръ вина, паликадило да книгъ; евангеліе напрестольное да толковое, псалтырь, минѣи мѣсячные, охтаи, часословъ, канонникъ, прологи, апостолъ, служебникъ да 4 шандана. (Ibid № 34, лл. 6—7).

[1]) Изъ предметовъ, которые указано было дать Шматковскому, малороссійскій приказъ получилъ и передалъ протопопу слѣдующее: „пудъ ладону, 5 вѣдръ вина, паликадило 4 пуда, 3 пуда воску, апостолъ да половина пролога (Ibid. № 3, л. 20), „а въ досталныхъ книгахъ—во дворцѣ, въ краскахъ и въ золотѣ въ оружейномъ приказѣ, въ кадилѣ и въ сосудѣхъ въ приказѣ Серебрянаго Дѣла отказали“ (Ibid. № 34, лл. 6—7).

[2]) 24 іюня 1664 года (Ibid. № 4).

[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5976.

[4]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 34.

приказы, но и на этотъ разъ дѣло подвигалось впередъ медленно. Такъ, окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, несмотря на присылаемыя изъ малороссійскаго приказа памяти, не доставлялъ требуемыхъ изъ его приказа церковныхъ сосудовъ и кадила [1]). Тогда начальникъ малороссійскаго приказа велѣлъ на деньги, бывшія въ его распоряженіи, купить серебра и „дать дѣлать кадило и сосудъ въ приказъ Серебрянаго Дѣла“ [2]).

Но священники глуховскіе не могли ждать, пока церковные сосуды будутъ изготовлены хозяйственнымъ способомъ въ приказѣ Серебрянаго Дѣла и, пробывъ болѣе мѣсяца на Москвѣ, уѣхали въ концѣ декабря 1664 г. въ Глуховъ [3]), а на отпускѣ получили за свою службу великаго государя жалованье деньгами и соболями (по 23 рубля на человѣка) и сукнами добрыми [4]). Кромѣ того, Евстаѳію и Григорію поручено было отвезти въ Глуховъ значительную часть того, что не додано было Шматковскому [5]), церковные же сосуды, краски къ писанію иконъ и нѣкоторые другіе предметы и на этотъ разъ посланы не были.

Не имѣемъ точныхъ указаній на то, въ чемъ проявлялось радѣніе Шматковскаго великому государю въ 1665 и въ началѣ 1666 года. Въ первыхъ же числахъ іюня 1666 года пріѣхалъ въ Глуховъ стольникъ Хлоповъ для того, чтобы согласно новопоставленнымъ московскимъ статьямъ переписать глуховскихъ жигелей и раздѣлить ихъ на разряды для взиманія съ нихъ всякихъ денежныхъ и неденежныхъ поборовъ въ казну великаго государя. Глуховчане, еще въ 1663 году пользовавшіеся репутаціей людей своевольныхъ, не оказали Хлопову никакого противодѣйствія, чѣмъ московское правительство было

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. V, № 85, стр. 195—196.

[2]) Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣло Малоросс. 1664 г. № 32 л. 7.

[3]) 17 Декабря 1664 г. Они были „на отпускѣ“ (Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Малоросс. Прик. № 5976).

[4]) Ibid.

[5]) Съ Евстаѳіемъ и Григоріемъ послано было въ соборную церковь 3 бочки бѣлаго желѣза, да девять книгъ (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1664 г. № 32, л. 4).

очень довольно [1]). Есть основаніе полагать, что Хлопову оказалъ содѣйствіе протопопъ Шматковскій. Полагаемъ это на томъ основаніи, что вскорѣ послѣ отъѣзда Хлопова изъ Глухова, Шматковскій подалъ челобитную на имя великаго государя о томъ, чтобы ему, протопопу, дана была наконецъ та грамота, о которой онъ билъ челомъ еще въ 1664 году, т. е., жалованная грамота на мельницу, уступленную ему глуховчанами [2]).

Если въ 1664 г. для Шматковскаго важно было заручиться государевой грамотою на мельницу, то это было необходимо въ 1666 году, когда Брюховецкій, вернувшись изъ Москвы, не только продолжалъ притѣснять низшее бѣлое духовенство, но сталъ „заѣзжать“ маетности даже такихъ вліятельныхъ лицъ, какъ Иннокентій Гизель [3]) и Лазарь Барановичъ [4]); со священниками же Брюховецкій послѣ 1665 г. мало церемонился: приказывалъ ихъ хватать, заключать подъ стражу и отправлять въ Москву [5]), такъ что низшее духовенство очень боялось гетмана [6]). При такомъ отношеніи Брюховецкаго къ духовенству, понятно, почему Шматковскій сталъ усиленно просить о подтвержденіи за нимъ его „млынка“.

Подавая челобитную о жалованной грамотѣ, о. Шматковскій не упустилъ случая напомнить о недоданныхъ въ 1664 г. для глуховской соборной церкви серебряныхъ сосудахъ и ка-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI № 45 стр. 120.

[2]) Дѣло о подтвержденіи за Шматковскимъ мельницы въ Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла Малоросс. 1666 г. № 16.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, № 41, стр. 104.

[4]) Письма Лазаря Барановича, Черниговъ, 1865 г., № 14, стр. 20.

[5]) Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы Малоросс. прик. № 5872; книги малоросс. приказа № 2, л. 486; Мос Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣло малоросс. 1665 г. № 68, л. 291.

[6]) Отношеніе Брюховецкаго къ низшему духовенству прекрасно характеризуется разсказомъ современника о томъ, что духовникъ Брюховецкаго, исповѣдуя его, самъ дрожалъ отъ страха (Кіевск. Стар. за 1892 г. № 1, стр. 154). Что эти замѣтки на поляхъ книги: „Миръ съ Богомъ человѣку“ принадлежатъ современнику, заключаемъ по нѣкоторымъ подробностямъ, которыя могъ знать только современникъ, напр., извѣстіе о томъ что архимандритъ Іосифъ Мещеринъ женился (стр. 150).

дилѣ. Кромѣ того, наученный неудачею 1664 года и не надѣясь при обычной въ приказахъ волокитѣ получить изъ нихъ пожалованныя по указу государя краски, Шматковскій не просилъ уже красокъ, а билъ челомъ о пожалованіи ему готовыхъ иконъ, „чтобы великаго государя богомолье впустѣ не было".

8-го Августа 1666 года, „государь пожаловалъ, велѣлъ Шматковскому сосуды церковные и кадило серебреные и образы дать и на мелницу свою государеву грамоту, буде та мелница... дача глуховскихъ жителей". На этотъ разъ приказы не оттягивали дѣла и 13 августа 1666 г. великаго государя грамота была уже дана.

Но въ то время какъ Шматковскій хлопоталъ о подтвержденіи за нимъ мельницы, глуховчане, понявъ, вѣроятно [1]), къ чему приведетъ статистическая экскурсія Хлопова, стали вести себя такъ, что къ нимъ посланъ былъ по указу великаго государя отрядъ ратныхъ людей [2]); послѣ принятія этой мѣры прошелъ только годъ и глуховчане наотрѣзъ отказались (въ ноябрѣ 1667 г.) давать денежные и хлѣбные поборы въ казну великаго государя, а воеводы Кологривова ни въ чемъ не стали слушать [3]). Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя (въ февралѣ 1668 г.) Брюховецкій измѣнилъ государю [4]), глуховчане напали на ратныхъ людей, расположенныхъ въ Глуховѣ, схватили воеводу и отправили его къ Брюховецкому [5]).

---

[1]) Съ Брюховецкимъ пріѣхали въ сентябрѣ 1665 года въ Москву представители мѣщанъ отъ многихъ городовъ малороссійскихъ, а именно отъ Нѣжина, Кіева, Переяславля, Чернигова, Стародуба, Острa, Козельца, Канева (Моск. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла малоросс. 1665 г. № 68 л. 50). Гадяча (ibid. л. 412), Любеча (ibid. л. 469), Почепа, Погара (Моск. Арх. Мин. Юст. Столбцы малоросс. приказа № 5873, тетрадь 1, л. 43), и Мглина (ibid. л. 37), но мѣщанъ-депутатовъ отъ города Глухова намъ не удалось найти въ документахъ, относящихся къ пріѣзду Брюховецкаго въ 1665 г. въ Москву.

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, № 50 стр. 143.

[3]) Ibidem, т. VII, № 8, стр. 22.

[4]) Ibidem, № 18, стр. 46.

[5]) Ibid. № 34, стр. 88. Съ какою осторожностью нужно относиться даже къ оффиціальнымъ источникамъ, видно, напримѣръ изъ того, что объ этомъ воеводѣ Яковъ Ханчинскій, посланецъ Барановича, говорилъ 8 марта 1668 года, что его казаки, „выведчи изъ мѣста стали", между тѣмъ какъ впослѣдствіи оказалось, что и этотъ воевода былъ отосланъ къ Брюховецкому (ibid. № 19, стр. 48).

При такомъ настроеніи жителей Глухова, не легко, вѣроятно, жилось въ этомъ городѣ протопопу Шматковскому, который не разъ выказывалъ свою преданность московскому правительству. Поэтому, лишь только въ Малороссіи водворилось нѣкоторое спокойствіе, Шматковскій вмѣстѣ съ сыномъ и шуриномъ уѣхалъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться въ Глуховъ.

Еще въ началѣ марта 1669 г. Шматковскій находился въ Глуховѣ и принимая участіе въ Глуховской радѣ, за что получилъ отъ боярина кн. Ремодановскаго „великаго государя жалованье“—соболи, въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ даны были столь важнымъ лицамъ, какъ генеральные обозный, есаулъ и братья гетмана. (Акт. юж. и зап. Рос., т. VIII, № 20, стр. 110); но уже въ началѣ апрѣля 1669 года онъ прибылъ въ Москву [1]) и подалъ челобитную о томъ, чтобы ему разрѣшено было поселиться въ Москвѣ и чтобы указано было ему, протопопу, служить при одной изъ церквей царствующаго града. Въ это время „кіевское вліяніе“ настолько было уже сильно въ Москвѣ, что въ нѣкоторыхъ приходахъ столицы прихожане чувствовали потребность имѣть ученыхъ священниковъ, знающихъ „кіевское пѣніе“, умѣющихъ произносить проповѣди и учить риторскому ученію. О правѣ имѣть такого священника били, напримѣръ, челомъ прихожане церкви Іоанна Богослова, и въ декабрѣ 1667 года патріархи—александрійскій Паисій, антіохійскій Макарій и московскій Іоасафъ дали прихожанамъ грамоту, которою разрѣшалось имѣть при церкви ученаго священника, завести кіевское пѣніе и *училище* [2]). Можетъ быть, вслѣдствіе этой грамоты челобитная Шматковскаго не была положена подъ сукно, и вкорѣ, по указу государеву, велѣно было жить Шматковскому въ Москвѣ.

[1]) 15 апрѣля 1669 г. состоялся указъ давать глуховскому протопу Ивану Шматковскому съ сыномъ и зятемъ кормъ, пока на Москвѣ побудутъ (Моск. Арх. Мин. Юст. столбцы сибирск. прик. № 6870 общ.).

[2]) Грамота хранится въ моск. синод. библіот. въ подлинникѣ (срав. преосв. Саввы, „Указатель для обозрѣнія москов. патріарш. ризницы и библіотеки. М. 1858 г. ч. II, стр. 26, выноска) и въ копіи (Рукопись синод. библ. № 130, лл. 186—187).

Онъ назначенъ былъ настоятелемъ церкви св. Іоанна Богослова въ Бронной слободѣ, за Тверскими вороты [1]). Сдѣлавшись священникомъ приходской церкви города Москвы, Шматковскій пересталъ уже писаться протопопомъ, писался просто попомъ, прибавля иногда: „протопопъ бывый“ [2]).

Узнавъ о своемъ назначеніи священникомъ при церкви Іоанна Богослова, Шматковскій пожелалъ перевезти въ Москву свою семью и послалъ за женою и дѣтьми въ Глуховъ пріѣхавшаго съ нимъ въ Москву шурина своего Алексѣя Михайлова. Вскорѣ семья Шматковскаго переѣхала въ Москву, и онъ рѣшилъ порвать всѣ связи съ Глуховомъ: 16 октября 1669 года возвратившійся недавно изъ Глухова Алексѣй Михайловъ опять посланъ былъ туда для продажи „дворишка“ протопопова [3]). При этомъ малорос. приказъ пользовался поѣздками Алексѣя Михайлова и поручалъ ему отвозить государевы грамоты къ гетману; поэтому Михайловъ получалъ казенныя подводы и кормъ до Батурина.

Въ Москвѣ Шматковскій, какъ человѣкъ образованный и обладавшій ораторскимъ талантомъ выдавался между другими приходскими священниками. Такъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія Шматковскаго настоятелемъ церкви Іоанна Богослова, былъ у патріарха Іоасафа большой пріемъ: 25 декабря

---

[3]) „Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу бьетъ челомъ богомолецъ твои *бывшій глуховскій протопопъ* Иванъ Андреевъ: по твоему, великаго государя, указу, а по моему челобитью велѣно мнѣ жить на Москвѣ и служить въ церкви Іоанна Богослова, что въ Бронной (Ibid.).

[1]) На нынѣшній на 178 (*1669—1670*) годъ съ московскихъ и съ городовыхъ ружныхъ и съ приходскихъ церквей данныхъ денегъ взять противъ прошлаго 177 году. Церковь св. апостола Іоанна Богослова въ Бронной слободѣ, за тверскими вороты, дани рубль 19 алтынъ 4 денги и августа въ 31 день тѣ деньги взято, платилъ той же церкви попъ Іванъ Шматковскій (Моск. Арх. Мин. Юст. патріарша казен. прик. кн. № 68, л. 24). Въ 1671 г. деньги взяты 26 іюля, платилъ „той же церкви протопопъ бывый Иоаннъ Шматковскіи (Ibid. кн. 71, л. 198 на оборотѣ. Эту запись напечаталъ Ив. Ег. Забѣлинъ въ „матеріалахъ для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы“, столб. 615, причемъ вм. бывыи напечатано бывшій).

[2]) Моск.. Главн. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла малоросс. 1669 г. № 25.

1669 г. бывшіе на Москвѣ архіереи и важнѣйшіе представители столичнаго духовенства, напримѣръ, протопопы успенскій, архангельскій, благовѣщенскій славили Христа у святѣйшаго патріарха; изъ приходскихъ священниковъ одинъ только „богословскій попъ Иванъ Андреевъ, что въ Бронной слободѣ у святѣйшаго патріарха славилъ въ Крестовой и *поднесъ листъ о похвалѣ рацѣиной въ лицахъ*, и святѣйшій патріархъ—пожаловалъ ему денегъ *два рубли*[1]). Слѣдовательно, Шматковскій при домѣ святѣйшаго патріарха занималъ въ это время положеніе, отчасти напоминавшее то положеніе, которое занималъ при царскомъ дворѣ Симеонъ Полоцкій въ первые годы послѣ своего пріѣзда въ Москву[2]).

Священникомъ при церкви св. Іоанна Богослова Шматковскій былъ довольно продолжительное время, но менѣе четырехъ лѣтъ[3]), т. е. до 1673 года. Есть основаніе полагать, что и послѣ 1673 г. Шматковскій продолжалъ нѣкоторое время служить въ церкви Іоанна Богослова, но несомнѣнно то, что съ 1678 года при этой церкви былъ уже другой священникъ[4]). Почему же прекратилось служеніе Шматковскаго при этой церкви, вслѣдствіе ли смерти его или по другой причинѣ—не знаемъ.

Назначеніе Шматковскаго, малороссіянина по происхожденію, „обливанца“, приходскимъ священникомъ въ Москвѣ показываетъ, что сближеніе между малороссіянами и великоруссами сдѣлало уже большіе успѣхи къ концу 60-хъ годовъ XVII вѣка, но все-таки это назначеніе обратило на себя вниманіе въ Москвѣ и служило для Крижанича доказательствомъ того, что ве-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. патріаш. каз. прик. к. № 69, л. 172.

[2]) Майковъ, Очерки изъ Исторіи русской литературы XVII и XVIII стол. Спб. 1889, стр. 17.

[3]) Въ приходныхъ книгахъ патріарша каз. приказа, хранящихся въ Моск. Арх. Мин. Юст. №№ 68, 71 и 74 записано, что въ 1670, 1671 и 1672 годахъ данныя деньги съ церкви св. Іоанна Богослова, что въ Бронной платилъ той же церкви попъ Іванъ Шматковскій; въ кн. №№ 77 записано, что въ 1673 г. платилъ попъ Іванъ.

[4]) Въ приходныхъ книгахъ №№ 79, 82, 87, относящихся къ 1674, 1675 и 1676 гг. не указано имя священника, деньги платилъ діаконъ Никифоръ, а въ 1678 г. платилъ уже попъ Ѳома.

ликороссійская церковь не признаетъ крещенія черезъ обливаніе недѣйствительнымъ [5]).

Въ смутное для Малороссіи время „Руины", точно также, какъ и въ соотвѣтствующую эпоху въ Великой Россіи, являлись „прямые и кривые" дѣятели. Шматковскій принадлежалъ къ числу немногихъ представителей малороссійскаго духовенства, служба и радѣніе которыхъ великому государю не были соединены съ доносами и интригой, чего нельзя сказать про дѣятельность Максима Филимоновича, Григорія Бутовича, Симеона Адамовича, Виктора Загоровскаго и многихъ другихъ. „Служба" Ивана Шматковскаго напоминаетъ дѣятельность протопопа Кіевскаго Василія Бабскаго, который прямо утверждалъ, что цѣлью своей дѣятельности ставитъ сближеніе малороссіянъ и великоруссовъ, „обчую любовь" между ними.

Виталій Эйнгорнъ.

---

[5]) Крижаничъ, доказывая въ своемъ сочиненіи: „Об свѣтом крещѣню" (стр 51—52; цитуемъ это сочиненіе по изданію, которое вскорѣ будетъ окончано печатаніемъ въ Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн.), что русская церковь признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе черезъ обливаніе, ссылается между прочимъ на то, что государемъ принята и свободно продается на Москвѣ книга Гизеля „Міръ съ Богомъ человѣку". Книга эта вышла изъ печати въ 1669 году. Далѣе, Крижаничъ ссылается на то, что въ Москвѣ *живутъ* малороссійскіе монахи, напримѣръ, Епифаній (Славинецкій) и Симеонъ (Полоцкій), „и тамо" продолжаетъ Крижаничъ: „живет велепочтоѓаны гдин протопоп глуховски". Епифаній скончался въ 1675 г., слѣдовательно, пребываніе въ Москвѣ протопопа глуховскаго, о которомъ говоритъ Крижаничъ, относится къ 1669—1675 гг. Такъ какъ мы знаемъ, что *именно въ эти* годы жилъ въ Москвѣ протопопъ глуховскій Иванъ Шматковскій, то *нѣтъ никакого сомнѣнія,* что упоминаемый Крижаничемъ протопопъ Глуховскій есть Шматковскій. Не можемъ не указать здѣсь на замѣчательную проницательность преосв. Филарета: хотя онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что Шматковскій переселился въ Москву, однако предположилъ (Опис. черн. Еп. VII, 273), что упоминаемый Крижаничемъ протопопъ глуховскій есть Шматковскій.

КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ.

(*Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII*“).

I ГЛАВА.

Съ большимъ интересомъ мы ожидали выхода въ свѣтъ сочиненія профес. Собѣстіанскаго. Отрывки изъ него докладывались въ Харьковскомъ Историко-филологическомъ Обществѣ и возбуждали тамъ живой интересъ и пренія. Обличенія, въ изобиліи сыпавшіяся на историковъ славистовъ, но не имѣвшія подъ собой достаточныхъ основаній, естественно вызывали возраженія со стороны членовъ общества, относившихся болѣе спокойно и трезво къ предмету изслѣдованія. Если мы обратимся къ протоколамъ засѣданій Общества, помѣщеннымъ во 2-мъ и 3-мъ томѣ его «Сборника», то увидимъ, что и тогда уже ставили на видъ автору и его увлеченія, и недостаточную обоснованность выводовъ. И эти замѣчанія принесли пользу докладчику: онъ, напримѣръ, смягчилъ въ книгѣ свой рѣзкій приговоръ надъ Шафарикомъ [1]). Къ сожалѣнію впрочемъ общій тонъ работы, а главное ея пріемы остались безъ измѣненія; тутъ не могли, оказать своего благотворнаго вліянія совѣты и возраженія авторитетнаго и потому осторожнаго въ своихъ выводахъ харьковскаго слависта проф. М. С. Дринова. Вышедшая теперь книга носитъ на себѣ яркій отпечатокъ индивидуальности автора; вліянія школы мы въ ней не замѣчаемъ.

[1]) Ср. „Сборникъ Харьк. Истор.-филологич. Общ.“, т. 2-й, стр. VII и сочиненіе г. Собѣстіанскаго, стр. 45.

Какія же требованія мы вправѣ предъявлять къ диссертаціи проф. Собѣстіанскаго? По справедливости мы можемъ требовать только того, что хотѣлъ дать самъ авторъ. Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ своихъ возраженій мы возьмемъ цѣли и намѣренія самого г. Собѣстіанскаго, по скольку они выражены въ его книгѣ. Полагаемъ, что такой принципъ вполнѣ отвѣчаетъ условіямъ объективной критики. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью изложить и критически разсмотрѣть ученія о національныхъ особенностяхъ древне-славянскаго характера и юридическаго быта. Посмотримъ теперь, какими средствами онъ желаетъ достичь своей цѣли, какіе употребляетъ для этого научные пріемы, другими словами, займемся разборомъ сочиненія съ *методологической стороны*. На обложкѣ соч. проф. Собѣстіанскаго мы читаемъ: «*историко критическое изслѣдованіе*». Г. Собѣстіанскій юристъ, профессоръ по исторіи русскаго права; но онъ самъ относитъ свою книгу, очевидно, къ области историческихъ наукъ. И тутъ нѣтъ ничего страннаго или необычнаго. Историческія науки тѣсно соприкасаются съ юридическими; часто бываетъ просто невозможно разграничить сферы тѣхъ и другихъ; и въ задачахъ, и въ самомъ содержаніи, и наконецъ въ методѣ мы найдемъ между ними много общаго. Если мы обратимся, напримѣръ, къ русской исторіи и исторіи русскаго права, то увидимъ, что труды русскихъ историковъ занимаютъ видное мѣсто въ исторіи русскаго права и наоборотъ труды историковъ русскаго права занимаютъ видное мѣсто въ русской исторіи. Сочиненія Эверса, Соловьева, Кавелина, К. Аксакова, И. Бѣляева, В. Ключевскаго служатъ предметомъ одинаковаго вниманія и для историковъ, и для юристовъ. Добрая традиція съ честью поддерживается и молодыми учеными: спеціалистъ по русской исторіи г. Лаппо-Данилевскій недавно написалъ магистерскую диссертацію «объ организаціи прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ», въ которой обнаружилъ обширное знакомство съ финансовыми теоріями обложенія и вообще юридическими науками.

Но проф. Собѣстіанскій, при защитѣ своей диссертаціи, высказалъ странную мысль, что онъ не историкъ и не филологъ, а юристъ, и что его книга удовлетворяетъ только требованіямъ, предъявляемымъ къ юридическимъ диссертаціямъ. Странно было слышать это отъ автора, который назвалъ свою книгу не юридическимъ и даже не историко-юридическимъ, а историко-критическимъ изслѣдованіемъ; да она и не рѣшаетъ по существу юридическихъ вопросовъ, а только слегка касается ихъ въ историческомъ очеркѣ ученій. Авторъ вѣдь и

не филологъ, но онъ занимается въ своемъ сочиненіи толкованіемъ текстовъ (предлагаетъ, напримѣръ, свое объясненіе термина «демократія»). Да это и понятно: для юриста также важно бываетъ понять смыслъ извѣстнаго выраженія въ памятникѣ, какъ и для филолога. Спрашивается, на какомъ же основаніи проф. Собѣстіанскій старается выдѣлить свое историческое изслѣдованіе изъ разряда историческихъ наукъ?

Но сдѣлаемъ уступку проф. Собѣстіанскому: согласимся, что онъ дѣйствительно и не историкъ, и не филологъ. Попробуемъ разсматривать его книгу исключительно какъ диссертацію на степень доктора государственнаго права. При такой постановкѣ дѣла, намъ представляется возможность не самимъ формулировать свои требованія, а взять готовую формулировку у одного изъ предшественниковъ г. Собѣстіанскаго по изучаемому имъ вопросу. Я разумѣю здѣсь быв. профессора по исторіи русскаго права Д. Я. Самоквасова и его книгу «исторія русскаго права. Томъ I-й. *Начала политическаго быта древне-русскихъ Славянъ.* В. 1878 г.», *написанную имъ на степень доктора государственнаго права.* Попробуемъ сравнить съ точки зрѣнія ученыхъ критическихъ пріемовъ столь сходныя по темѣ и цѣли сочиненія профессоровъ Самоквасова и Собѣстіанскаго.

Книга проф. Самоквасова распадается на три части или главы. Въ 1-й мы находимъ очеркъ литературныхъ воззрѣній по вопросу о началахъ политическаго быта русскихъ славянъ; тутъ сдѣлана попытка изложить въ систематическомъ порядкѣ взгляды русскихъ и славянскихъ ученыхъ на древне-русскій политическій бытъ; здѣсь разсмотрѣны школы Татищева, Шлецеро-Карамзинская, скептическая, положительная, родовая, общинная, задружно-общинная, смѣшанная. Достоинствами этого историко-литературнаго очерка нужно признать полноту (въ немъ изложены взгляды 25 изслѣдователей) и систематичность изложенія; авторъ видимо старался дать точное понятіе о мнѣніяхъ, опредѣлить ихъ сущность, соблюдать историческую перспективу; чтобы дать болѣе отчетливое представленіе объ ученіяхъ, онъ постоянно расчленяетъ основныя понятія; характеризуя родовую теорію Соловьева, онъ, напримѣръ, указываетъ, какъ тотъ смотритъ на родовой союзъ, на политическія учрежденія древне-русскихъ славянъ, на власть вѣча, князя, на условія разложенія родоваго быта; излагая ученіе Лешкова, онъ ясно опредѣляетъ взгляды его на *происхожденіе* общины, на ея *характеръ*, *значеніе* въ сферѣ законодательства, суда и управленія, на роль *князя*, *вѣча*, *городовъ*, на причины про-

псхожденія *государства*. 2-я глава посвящена критическому анализу *основаній* всѣхъ 8 школъ. Здѣсь мы находимъ *опредѣленіе* основаній всѣхъ ученій и *критическую оцѣнку* ихъ; авторъ старается выяснить происхожденіе ученій и связь ихъ съ предшествующими и послѣдующими мнѣніями и указать сильныя и слабыя стороны различныхъ школъ. Наконецъ, эта критика мнѣній пополняется еще въ 3-й главѣ критическою оцѣнкою самихъ первоисточниковъ; здѣсь разсматриваются лѣтописи и сказанія иностранцевъ, памятники вещественные, слѣды старого быта въ позднѣйшемъ правѣ русскаго народа и, наконецъ, выводы сравнительнаго изученія историческихъ памятниковъ у разныхъ народовъ. Авторъ останавливается на вопросахъ о количествѣ источниковъ каждой группы, о качествѣ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, существующихъ способахъ пользованія ими для достиженія научныхъ цѣлей (стр. 158). Тутъ мы видимъ и внѣшнюю, и внутреннюю критику текстовъ, служившихъ основаніемъ мнѣній. Авторъ показываетъ намъ, какъ неодинаково различные писатели понимали и толковали одни и тѣже мѣста источниковъ. Относительно сказаній иностранцевъ проф. Самоквасовъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «мы не знаемъ въ сказаніяхъ иностранныхъ писателей ни одного извѣстія, относящагося къ вопросу о политическомъ бытѣ древнихъ славянъ, подлинный смыслъ котораго былъ бы возстановленъ въ ученой литературѣ вполнѣ ясно и безспорно»; ученая критика должна будетъ возстановить подлинный смыслъ извѣстій и затѣмъ отдѣлить въ нихъ вымыселъ отъ дѣйствительной исторіи (стран. 164 — 165). Точно такому критическому анализу проф. Самоквасовъ подвергаетъ и другіе виды источниковъ—памятники вещественные, данныя обычнаго права и выводы сравнительнаго изученія памятниковъ.

Въ концѣ концовъ проф. Самоквасовъ формулируетъ требованія, которымъ должно удовлетворять всякое современное историко-критическое изслѣдованіе, имѣющее въ виду не построеніе фантастическихъ гипотезъ, а положительное знаніе. Вотъ они: 1) знаніе всѣхъ воззрѣній, высказанныхъ въ ученой литературѣ по предмету изслѣдованія, и аргументаціи, на которой основаны сказанныя воззрѣнія; 2) знаніе фактовъ, сообщаемыхъ по предмету изслѣдованія древними памятниками, какъ письменными, такъ и вещественными; эти факти должны быть добыты при посредствѣ ученой критики источниковъ; 3) знаніе слѣдовъ, сохранившихся по предмету изслѣдованія въ позднѣйшихъ историческихъ памятникахъ и современномъ бытѣ изучаемаго народа; 4) знаніе фактовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ

предмету изслѣдованія и сохранившихся въ историческихъ памятникахъ и бытѣ другихъ народовъ (древнихъ и современныхъ) (стр. 248—249).

И нельзя не признать требованій этихъ вполнѣ законными и раціональными, въ особенности по отношенію къ такому вопросу, какой затронутъ въ книгѣ проф. Собѣстіанскаго. Чтобы разобраться въ ученіяхъ о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ, необходимо было пользоваться *всѣми* научными средствами, указанными проф. Самоквасовымъ. Возможно ли, напримѣръ, было бы критически отнестись къ ученіямъ, не уяснивъ себѣ ихъ основаній, взаимной связи, не подвергнувъ анализу первоисточниковъ съ точки зрѣнія внѣшней и внутренней критики, не опредѣливъ достоинства памятниковъ и достовѣрности сообщаемыхъ ими извѣстій? О характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ мы имѣемъ множество сказаній иностранцевъ; извѣстія эти нерѣдко противорѣчатъ другъ другу; для того, чтобы разобраться въ нихъ, опредѣлить ихъ *относительное* достоинство, нужно было хорошо изучить ихъ въ подлинникахъ, а не переводахъ. Если проф. Самоквасовъ примѣнялъ къ своей книгѣ требованія сравнительнаго метода, то еще болѣе обязанъ былъ это сдѣлать проф. Собѣстіанскій. Онъ поставилъ себѣ и болѣе общую, и болѣе широкую задачу—критически изслѣдовать ученія о національныхъ особенностяхъ быта не однихъ русскихъ, но всѣхъ славянъ; если изслѣдователь русскаго стариннаго быта (проф. Самоквасовъ) могъ пользоваться аналогіями, находимыми имъ въ славянщинѣ, то изслѣдователь древне-славянской старины обязательно долженъ уже вторгаться въ этнографію древнихъ германцевъ, кельтовъ, вообще арійцевъ; не указавъ отличительныхъ особенностей древняго быта германцевъ, онъ не можетъ совсѣмъ рѣшить вопроса о сходствѣ древне-славянской жизни съ древне-германской. Все это долженъ былъ знать проф. Собѣстіанскій, приступая къ своей работѣ. Книга проф. Самоквасова должна была послужить исходнымъ пунктомъ и для его собственнаго труда, *по крайней мѣрѣ въ методологическомъ отношеніи*. Наука должна идти впередъ. И результаты, и научные пріемы всѣхъ прежнихъ изслѣдованій должны дѣлаться достояніемъ новыхъ работниковъ; такъ устанавливается генетическая связь между учеными трудами, и только въ узкоспеціальныхъ вопросахъ приходится иногда начинать работу, не имѣя предшественниковъ. У проф. Собѣстіанскаго были кое-какіе предшественники, его вопросъ не изъ узкихъ, и наиболѣе близкимъ по темѣ къ его сочиненію нужно признать книгу проф. Самоква-

сова. Но проф. Собѣстіанскій, вообще очень щедрый на литературныя указанія [1]), на этотъ разъ почему-то оказался слишкомъ скупымъ: *ни въ предисловіи, ни въ текстѣ, ни въ обширныхъ приложеніяхъ, ни въ перечнѣ источниковъ и пособій онъ ни единымъ словомъ не обмолвился даже о существованіи книги проф. Самоквасова.* Чѣмъ объяснить такое умолчаніе? Не знаемъ. Если бы даже проф. Собѣстіанскій хотѣлъ этимъ показать, что онъ работалъ вполнѣ самостоятельно и въ тѣхъ вопросахъ, надъ которыми раньше его трудился проф. Самоквасовъ (напримѣръ, въ изложеніи ученія славянофиловъ), то онъ все таки долженъ былъ бы сказать нѣсколько словъ объ этой книгѣ въ предисловіи къ своему сочиненію. Но онъ и этого не сдѣлалъ; такимъ образомъ, его сочиненіе является какъ бы оторваннымъ отъ предшествующей литературы; и такую оторванность странно видѣть въ работѣ, посвященной *исторіи ученій.*

Но мы не остановились бы такъ долго на книгѣ проф. Самоквасова, если бы дѣло шло только о возстановленіи литературной связи между двумя сочиненіями. Проф. Собѣстіанскій не только не сослался на дессертацію проф. Самоквасова, но и не принялъ во вниманіе ея научныхъ пріемовъ, ея критическаго аппарата; не постарался стать на высоту тѣхъ методологическихъ требованій, которыми ясно формулированы были его предшественникомъ. Онъ, такимъ образомъ, не захотѣлъ пойти по научной тропинкѣ, протоптанной уже 12 лѣтъ тому назадъ и выбралъ себѣ широкую дорогу односторонняго подбора фактовъ и смѣлыхъ заключеній. Если мы сравнимъ обѣ диссертаціи, то между ними окажется цѣлая пропасть: книга проф. Самоквасова, имѣющая вообще не мало недочетовъ, представляетъ недосягаемый идеалъ для проф. Собѣстіанскаго *въ методологическомъ отношеніи. «Критическое изслѣдованіе» проф. Собѣстіанскаго не удовлетворяетъ въ сущности ни одному изъ требованій, выставленныхъ проф. Самоквасовымъ. Въ немъ нѣтъ ни критическаго анализа основаній излагаемыхъ ученій, ни самостоятельной провѣрки ихъ на основаніи источниковъ, подвергнутыхъ критикѣ; въ немъ нѣтъ, наконецъ, даже намековъ на сравнительный методъ, хотя бы въ самомъ узкомъ ограниченномъ его примѣненіи. Научный методъ проф. Собѣстіанскаго представляетъ, собственно говоря, отсутствіе всякаго правильнаго метода.* Дальнѣйшія замѣчанія наши надѣюсь, вполнѣ оправдаютъ мысль, что *диссертація проф. Собѣстіанскаго не представляетъ изъ себя «критическаго изслѣдованія».*

[1]) Всякій разъ онъ приводитъ точныя заглавія своихъ источниковъ и, сверхъ того, еще дѣлаетъ и общій перечень ихъ, занимающій XII страницъ.

II ГЛАВА.

Разсмотримъ прежде всего планъ научнаго зданія, воздвигнутаго проф. Собѣстіанскимъ, его архитектонику. Вся книга состоитъ изъ 208 стр. текста и обширныхъ примѣчаній, занимающихъ 128 страницъ. Въ примѣчаніяхъ вездѣ приведены подлинныя выписки изъ источниковъ на разныхъ языкахъ. Сверхъ того приложенъ еще отдѣльный списокъ источниковъ и пособій, обнимающій XII стр. Все это на первый взглядъ производитъ очень выгодное впечатлѣніе: можетъ свидѣтельствовать о знакомствѣ автора съ обширной литературой, о самостоятельномъ изученіи имъ первоисточниковъ, о критическомъ отношеніи къ темѣ изслѣдованія. Самъ авторъ въ предисловіи заявляетъ, что къ избранному имъ предмету онъ относится «строго-критически» (стр. 1). Но внимательное изученіе книги проф. Собѣстіанскаго приводитъ къ заключенію, что это только декорумъ и что въ дѣйствительности «строго-критическаго» отношенія къ вопросу здѣсь именно мы и не имѣемъ. Въ самомъ дѣлѣ—въ чемъ заключается критическій элементъ сочиненія? Все оно распадается на 2 части: 1-я посвящена вопросу о характерѣ, 2-я о юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ. Планъ изложенія той и другой одинаковъ: и тамъ, и здѣсь большая часть мѣста отводится изложенію ученій; собственно критическому разбору мнѣній на основаніи свидѣтельствъ первоисточниковъ посвящено двѣ главы (7-я въ 1-й части и 4-я во 2-й), обнимающія въ совокупности 42 стр. На долю изложенія ученій приходится, такимъ образомъ, большая часть книги $^4/_5$ ея (166 стр. изъ 208). Всѣ критическія замѣчанія въ этой части сводятся почти исключительно къ попыткѣ найти въ излагаемыхъ ученіяхъ отраженіе идей Гердера и Жанъ-Жака Руссо.

Каковы эти «критическія замѣчанія» мы увидимъ въ 3-й главѣ; теперь же только констатируемъ фактъ, что «историко-критическое» изслѣдованіе пр. Собѣстіанскаго занимается главнымъ образомъ изложеніемъ ученій, а не критическимъ разборомъ ихъ; формальная сторона преобладаетъ въ немъ надъ реальной; историко-литературный элементъ—надъ историко-критическимъ. Читатель ошибется, если вздумаетъ искать въ данномъ сочиненіи положительнаго рѣшенія вопроса о характерѣ и бытѣ древнихъ славянъ; онъ его здѣсь не найдетъ; авторъ увлекся, очевидно, исключительно исторіей ученій и забылъ, что она представляетъ интересъ не столько сама по себѣ, сколько для уясненія древне-славянскаго быта. Но авторъ ограни-

чилъ себя еще и въ другомъ отношеніи—и это вредно отразилось уже на его непосредственной задачѣ; онъ ограничился только изложеніемъ ученій, *идеализировавшихъ* древне-славянскій бытъ и обошелъ молчаніемъ тѣхъ изслѣдователей, которые придали ему слишкомъ мрачную и притомъ тенденціозную окраску; я разумѣю Гебгарди и др. нѣмецкихъ изслѣдователей. Вѣдь они болѣе, чѣмъ кто другой, стояли на національной точкѣ зрѣнія, пытались доказать, что славянамъ принадлежали извѣстныя свойства въ качествѣ національныхъ чертъ ихъ характера [1]). Спрашивается, на какомъ же основаніи проф. Собѣстіанскій исключилъ ихъ изъ своей книги? Онъ не имѣлъ для этого никакихъ данныхъ. Тутъ мы видимъ такой же произволъ и случайность, какіе характеризуютъ всю его книгу. Между тѣмъ результатомъ этой *методологической ошибки* явилась *односторонность въ освѣщеніи и оцѣнкѣ ученій.* Крайности идеализаціи славянскаго быта у Шафарика явились прямымъ отвѣтомъ на противоположныя крайности враговъ славянства, преднамѣренно искажавшихъ факты, что-бы представить славянъ какими-то дикарями и азіатами. Справедливость и безпристрастіе требовали, намъ кажется, отъ современнаго историка уясненія этого важнаго обстоятельства. Но онъ совершенно игнорируетъ его. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ и оцѣнка должна была получиться невѣрная, односторонняя, «не строго критическая», а пристрастная. Ученія выхватываются изъ ихъ естественной остановки и оцѣниваются внѣ связи ихъ другъ съ другомъ; мы не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ взгляды славянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ совпадали, что ученіе Гебгарди имѣло сильное вліяніе на славянскую исторіографію (вспо-

[1]) Г. Собѣстіанскій, очевидно, понялъ, что допустилъ здѣсь серьезный пропускъ и потому въ рѣчи своей на диспутѣ сослался на книгу проф. Ламанскаго „Изученіе греко-славянскаго міра", которая, по его словамъ, содержитъ въ себѣ изложеніе и опроверженіе западныхъ ученыхъ, изображавшихъ тенденціозно мрачными красками славянъ и ихъ бытъ. Это оправданіе очень странное. Прекрасная книга пр. Ламанскаго не касается *спеціально* ученій о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ и потому пробѣла г. Собѣстіанскаго не пополняетъ. Авторъ гл. обр. интересовался новѣйшими западными ученіями, касавшимися притомъ не одного какого-либо періода въ жизни славянъ, а всей ихъ исторіи и даже современнаго характера, преимущественно же онъ занимался происхожденіемъ и родствомъ славянъ съ арійцами. Ученія Гебгарди о бытѣ древнихъ славянъ онъ спеціально не разбираетъ, а только приводитъ изъ него небольшія выдержки для характеристики его отношеній къ славянству; тоже самое нужно сказать о Шлецерѣ, Нейманѣ и др.

мнимъ Карамзина) и, конечно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполнѣ соотвѣтствовало историческимъ даннымъ; все это нужно было разсмотрѣть пр. Собѣстіанскому — и тогда бы онъ могъ сказать, что его книга не содержитъ въ себѣ *существенныхъ пробѣловъ*. Впрочемъ это далеко не единственный пробѣлъ у г. Собѣстіанскаго; есть не мало другихъ довольно важныхъ; достаточно указать на пропускъ *Венелина*, *Морошкина* и *Савельева-Ростиславича*. Г. Собѣстіанскій цитируетъ только одно сочиненіе Венелина «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ», но игнорируетъ другія, напримѣръ, «Скандинаваманію» и вовсе не останавливается на типичнѣйшихъ представителяхъ стараго русскаго славяновѣдѣнія Морошкинѣ и особенно Савельевѣ, который написалъ цѣлую книгу, посвященную славянамъ (Славянскій сборникъ, къ которому мы будемъ еще имѣть случай вернуться). Пропускаетъ пр. Собѣстіанскій и знаменитаго автора «Исторіи русскаго народа» Полеваго, а между тѣмъ на немъ прямо отразилось столь интересующее его вліяніе Гердера: Полевой, ссылаясь на Гердера, считаетъ Венедовъ мирнымъ народомъ и характеризуетъ русскихъ славянъ, въ противоположность скандинавамъ, какъ мирное племя [1]). Г. Собѣстіанскій не подвергаетъ разсмотрѣнію почти всю современную *русскую* историческую школу объ общинѣ. Ему осталась неизвѣстна даже замѣчательная книга пр. Ламанскаго о «славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи» (Спб. 1859 г.), въ которой подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ о древне-славянскомъ характерѣ (къ ней мы еще возвратимся). Что же говорить послѣ этого о пробѣлахъ въ другихъ славянскихъ литературахъ? Пусть объ этомъ выскажутся спеціалисты-слависты. Одинъ рецензентъ уже отмѣтилъ отсутствіе въ числѣ пособій г. Собѣстіанскаго замѣчательной книги г. Крека. Говоря о сходствѣ быта германцевъ и славянъ, пр. Собѣстіанскій игнорируетъ работы пр. Шпилевскаго, спеціально посвященныя *сравнительному* изученію германскихъ и славянскихъ учрежденій. Объ удивительномъ пропускѣ сочиненія пр. Самоквасова мы уже говорили выше. Столь же страннымъ представляется намъ и игнорированіе работъ А. Н. Пыпина, которыя извѣстны не только спеціалистамъ, но и просто образованнымъ людямъ; пр. Собѣстіанскій не пользовался ни «исторіей русской этнографіи», ни статьей объ успѣхахъ славяновѣдѣнія въ Россіи, ни даже критико-библіографическимъ очеркомъ о Гердерѣ (по поводу книги Гайма). Между тѣмъ здѣсь г. Собѣстіанскій

[1]) Исторія рус. народа. М. 1829. Т. I-й стр. 41—42 и 69.

нашелъ бы и нѣкоторыя небезъинтересныя для него фактическія указанія (напримѣръ, о пропущенныхъ имъ русскихъ славистахъ—Венелинѣ, Морошкинѣ и Савельевѣ, о славянофилахъ и т. п.), а главное увидѣлъ бы, что объяснять происхожденіе различныхъ ученій исключительно путемъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній невозможно, Нежеланіе знакомиться съ пособіями по разнымъ частнымъ вопросамъ у г. Собѣстіанскаго настолько велико, что онъ совершенно, напримѣръ, не пользуется литературой о славянофильствѣ (работами Соловьева, Бестужева-Рюмина, Кояловича и др.). Неудивительно, что его собственное изложеніе отличается односторонностью. Эта особенность книги пр. Собѣстіанскаго отмѣчена уже рецензентомъ «Вѣстника Европы». «Ограничиваясь только наиболѣе крупными фактами научной литературы и представляя мнѣнія писателя почти только голыми выписками, говоритъ г. А. В., авторъ не далъ достаточно вниманія общественнымъ, историко-литературнымъ и личнымъ условіямъ, которыя дѣйствовали на складъ мнѣній писателей; сужденія остаются слишкомъ общими, немного огульными—между тѣмъ болѣе детальная разработка этого ряда историческихъ системъ представила бы большой интересъ, между прочимъ рельефнѣе и точнѣе изобразила бы и самыя системы». (Вѣст. Европы, 1892, іюнь, стр. 847). Допуская столь существенные пробѣлы въ источникахъ и пособіяхъ, пр. Собѣстіанскій въ то же самое время не въ мѣру щедръ въ изложеніи общеизвѣстныхъ мало или совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу матеріаловъ. Его книга посвящена разбору ученій о *національныхъ особенностяхъ* древняго славянства, а теорію національныхъ особенностей проводили славянофилы (русскіе, польскіе, чешскіе); но г. Собѣстіанскій касается въ своемъ сочиненіи не однихъ славянофиловъ, а и просто славистовъ и историковъ—Иванишева, Макушева, Котляревскаго, Бобжинскаго и др. Вообще въ выборѣ ученій у пр. Собѣстіанскаго господствуетъ *случайность*, объясняемая тѣмъ, что онъ не уяснилъ ни себѣ, ни читателю понятія «о національныхъ особенностяхъ»; мы не знаемъ, какой смыслъ придаетъ ему пр. Собѣстіанскій—какія черты древне-славянскаго быта онъ признаетъ *коренными*, основными, какія—случайными, второстепенными; объ этомъ не говорится ни слова во всей книгѣ—ни въ изложеніи ученій, ни въ заключеніи, ни въ тезисахъ. Читатель неудомѣваетъ, какъ ему понимать «національныя особенности»; разумѣть ли подъ ними *всѣ* черты древне-славянскаго быта, указанныя въ изложеніи ученій, или *только нѣкоторыя*, и если нѣкоторыя, то какія именно; какъ, на-

примѣръ, смотрѣть на ихъ земледѣльческій бытъ? Коренная это черта или второстепенная? Прочитавъ всю книгу г. Собѣстіанскаго, нельзя установить себѣ опредѣленнаго взгляда на склонность ихъ къ земледѣлію. Пр. Собѣстіанскій, повидимому, отождествляетъ понятіе о національныхъ особенностяхъ съ понятіемъ о коренныхъ свойствахъ; но это далеко не одно и тоже; можно не быть націоналистомъ—и въ то-же время отмѣчать на основаніи источниковъ особенности быта, характеризующія тотъ или иной народъ въ разныя эпохи его историческаго существованія. Самъ г. Собѣстіанскій, возражая Гердеру, Шафарику и др., говоритъ, что воинственность, жестокость являются коренными свойствами славянскаго характера (стр. 208). Въ какомъ смыслѣ нужно здѣсь понимать слово «коренной»? Вѣроятно, въ такомъ, въ какомъ говорили о характеристическихъ чертахъ польскихъ и балтійскихъ славянъ Бобжинскій и Котляревскій? Но почему же г. Собѣстіанскій не провелъ разницы между строгими націоналистами, въ родѣ Гердера, Суровецкаго (которые, по его словамъ, уже a priori поднимали вопросъ объ особенностяхъ германизма и славянизма) и учеными историками и славистами, въ родѣ Котляревскаго или Бестужева-Рюмина, которые стремились изучать факты, чтобы на нихъ уже строить свои выводы? Книга г. Собѣстіанскаго представляетъ какой-то пестрый калейдоскопъ лицъ и теорій: здѣсь подъ часъ рядомъ стоятъ такія имена, между которыми нѣтъ ничего общаго. Какимъ образомъ въ группу нетрезвыхъ историковъ попали противникъ славянофиловъ С. М. Соловьевъ, на которомъ, якобы отразилось западнославянское (апріористическое) ученіе о кроткомъ, пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ, пр. Осокинъ, М. Н. Петровъ? (стр. 72). А попали они сюда только потому, что не раздѣляли усвоеннаго г. Собѣстіанскимъ мнѣнія о воинственности и жестокости, присущихъ древнимъ славянамъ, какъ первобытному народу. Но вѣдь Полевой былъ западникомъ, даже космополитомъ, философски смотрѣлъ на исторію, какъ на выраженіе міровыхъ законовъ жизни человѣчества, излагалъ постоянно русскую исторію параллельно съ западно-европейской—а между тѣмъ придерживался мнѣнія о кроткости Венедовъ. Это свидѣтельствуетъ только о томъ, что исторія вопроса о бытѣ и характерѣ древнихъ славянъ не совпадаетъ съ «исторіей ученій» пр. Собѣстіанскаго, который дѣлаетъ въ него случайные экскурсы, выходя изъ рамокъ собственной задачи и нарушая цѣльность своей книги. И все это объясняется тѣмъ, что г. Собѣстіанскій даже не сдѣлалъ попытки *теоретически* опредѣлить понятіе о національныхъ особен-

ностяхъ. Вотъ почему въ книгѣ, доказывающей, что у древнихъ славянъ не было никакихъ національныхъ особенностей, ни слова не говорится объ *языкѣ*, который по справедливости считается основою всякой національности.

Къ сожалѣнію, *невыясненность основныхъ понятій* характеризуетъ все сочиненіе проф. Собѣстіанскаго. Книга его посвящена вопросу о бытѣ «*древнихъ славянъ*»; такой терминъ мы находимъ даже въ заглавіи сочиненія; а между тѣмъ изъ книги г. Собѣстіанскаго не видно, что разумѣлъ авторъ подъ словомъ «древніе славяне» или, правильнѣе говоря, изъ книги читатель выводитъ различныя, противорѣчивыя представленія по этому вопросу: одинъ разъ разумѣются тутъ дѣйствительно древніе славяне до VI го вѣка по Р. Х. включительно; другой разъ рѣчь идетъ о славянахъ VI—IX в., третій разъ, наконецъ, говорится о славянскихъ племенахъ X, XI и XII вѣковъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ не случайное упоминаніе, а сущность дѣла: это та часть книги, которая посвящена спеціально «критическому анализу»; здѣсь авторъ опровергаетъ «господствующій» въ наукѣ взглядъ на кроткій характеръ славянъ, приводя свидѣтельства о нихъ X, XI и XII вв. Но въ это время различныя вѣтви нѣкогда единаго славянскаго племени успѣли уже обособиться и жили отдѣльною историческою жизнью. Мало того: подъ вліяніемъ мѣстныхъ естественныхъ условій и различія въ исторической судьбѣ, среди этихъ отдѣльныхъ племенъ выработались новыя бытовыя особенности. Общій ходъ жизни древняго славянства, какъ извѣстно, былъ таковъ: единый славянскій народъ распался мало по малу на отдѣльныя племена западныхъ, южныхъ и восточныхъ славянъ; тогда началось отдѣльное историческое существованіе русскихъ, поляковъ и т. д. Историческій процессъ шелъ путемъ дифференціаціи отъ простаго къ сложному, отъ единства — къ разнообразію. Такимъ образомъ, нельзя смѣшивать эпохъ въ исторіи развитія славянскаго народа, иначе получится полное несоотвѣтствіе съ исторической дѣйствительностью. Г. Собѣстіанскому невозможно было вторгаться въ XII-й вѣкъ, ибо въ это время дѣйствуетъ на исторической сценѣ не единое славянское племя и даже не племенныя этнографическія особи, а славянскія государства. Новыя условія жизни (центральная княжеская власть, а въ особенности христіанство) должны были сильно повліять (и дѣйствительно повліяли) на измѣненіе ихъ характера и юридическаго быта. Въ это время едвали возможно говорить о тождествѣ быта и характера балтійскихъ

славянъ, русскихъ, поляковъ, если и среди тѣхъ мелкихъ племенъ, на которыя они распались, мы замѣчаемъ разницу этнографическихъ чертъ. Возьмемъ, напримѣръ, ту черту, которой г. Собѣстіанскій придаетъ первенствующее значеніе,—воинственность. Всякій читавшій древнюю русскую лѣтопись укажетъ разницу въ этомъ отношеніи между воинственными, непокорными, свободолюбивыми древлянами и вятичами съ одной стороны и непредпріимчивыми въ военномъ отношеніи радимичами, которые, по насмѣшливому заявленію лѣтописца, «Волчія хвоста бѣгаютъ»; здѣсь, очевидно, находитъ себѣ оправданіе извѣстіе той же лѣтописи, что всякое племя имѣло свой нравъ и обычай.

Такую же невыясненность понятій мы увидимъ при разборѣ 2-й части сочиненія проф. Собѣстіанскаго, посвященной *общинѣ*.

Вмѣсто уясненія понятія «національныя особенности», проф. Собѣстіанскій расчленяетъ его на особенности характера и юридическаго быта и сообразно съ этимъ всю книгу дѣлитъ на 2 части. Но и это дѣленіе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается *невыдержаннымъ*. Въ I-й части, посвященной ученіямъ о характерѣ, говорится и о юридическомъ бытѣ, во 2-й, трактующей о юридическомъ бытѣ, говорится и о характерѣ. Такъ, на стр. 8-й, излагая ученіе Антона, г. Собѣстіанскій приводитъ и содержаніе 10-й главы его сочиненія, посвященной вопросу «о формахъ правленія, о сословіяхъ и законахъ». Такъ же точно поступаетъ онъ и съ изложеніемъ системы Суровецкаго: на стр. 30—31-й передаетъ воззрѣніе Суровецкаго на юридическій бытъ славянъ, отличавшійся, по мнѣнію этого писателя, вполнѣ демократическимъ характеромъ. Излагая воззрѣнія Карамзина, г. Собѣстіанскій приводитъ и его соображенія о ихъ политическомъ устройствѣ; это извѣстное классическое мѣсто: «славянскій народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думалъ, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка» (стр. 35—36). То же самое проф. Собѣстіанскій дѣлаетъ и съ Шафарикомъ (см. стр. 51-ю). Приводя статью Лебра (во 2-й части книги), г. Собѣстіанскій останавливается на его сужденіяхъ о національномъ характерѣ—о ихъ преданности земледѣлію, мирномъ, веселомъ нравѣ, любви къ музыкѣ и пѣнію, гостепріимствѣ (стр. 119—120). Благодаря такой системѣ изложенія, читатель не выноситъ вполнѣ отчетливаго представленія о тѣхъ писателяхъ, ученіе которыхъ излагается. А ме-

жду тѣмъ въ дѣйствительности нравы, обычаи и характеръ тѣсно связаны съ юридическимъ бытомъ. Историки касались юридическаго быта (напримѣръ, Лелевель, К. Аксаковъ), юристы—характера (напр. Мацѣёвскій). И вотъ проф. Собѣстіанскому приходится говорить о Воцелѣ и Мацѣёвскомъ и въ 1-й, и во 2-й части своей книги. Спрашивается, для чего же проф. Собѣстіанскій раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части, если этого дѣленія невозможно или неудобно было послѣдовательно держаться. Отмѣтивъ неполноту, невыясненность основныхъ понятій и невыдержанность дѣленія, обратимся къ детальному разсмотрѣнію критическихъ пріемовъ проф. Собѣстіанскаго отдѣльно въ 1-й и во 2-й части его сочиненія.

Критическія замѣчанія 1-й части разбросаны частью въ первыхъ 6 главахъ (при изложеніи ученій), но главнымъ образомъ сосредоточены въ 7-й главѣ сочиненія. Сущность всѣхъ критическихъ замѣчаній первыхъ 6 главъ сводится впрочемъ къ доказательству одного положенія — что «*господствующій нынѣ взглядъ* на характеръ древнихъ славянъ можно назвать сентиментально — поэтическимъ» (стр. 1-я), а не научнымъ и что единственнымъ виновникомъ этого является Гердеръ, создавшій фикцію о кроткомъ, пассивномъ характерѣ славянъ и тѣмъ повергшій въ заблужденіе почти всю славянскую научную литературу XIX в.; «трезвые» взгляды на этотъ предметъ высказывали историки XVIII вѣка, Карамзинъ, и изъ новыхъ—Дриновъ, Иловайскій, Забѣлинъ, Пыпинъ, и, наконецъ, самъ проф. Собѣстіанскій.

Но здѣсь прежде всего нужно устранить одно крупное недоразумѣніе; проф. Собѣстіанскій заявляетъ, что «нынѣ господствуетъ» сантиментально-поэтическій, а не научный взглядъ на характеръ древнихъ славянъ. Съ этимъ нельзя согласиться. Современная славянская исторіографія отличается трезвымъ научнымъ характеромъ; успѣхи научнаго европейскаго движенія не могли не коснуться и ея; отдѣльные ученые, конечно, подъ часъ увлекаются національными или политическими симпатіями или антипатіями; но общимъ лозунгомъ является все таки объективность. Прогрессъ въ этой области сравнительно съ началомъ XIX и особенно XVIII в. стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Въ польской исторической литературѣ произошелъ настоящій переворотъ и поворотъ въ сторону трезвости и объективности, отмѣченный уже русскимъ изслѣдователемъ, проф. Карѣевымъ. «Исторія Польши» Бобжинскаго по научному и объективному направленію своему далеко оставляетъ за собою прежніе труды. Бобжинскій самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ

апріорнаго построенія историческихъ теорій. Что касается современной русской исторической школы, то она устами своихъ самыхъ выдающихся представителей высказываетъ совершенно трезвые взгляды на характеръ древнихъ славянъ и съ точки зрѣнія самаго г. Собѣстіанскаго. Самыми важными общими трудами по русской исторіи являются «Исторія Россіи» Иловайскаго и «Исторія русской жизни» Забѣлина. И оба автора доказываютъ, что русскіе славяне были очень воинственны; такого же воззрѣнія придерживается и проф. В. О. Ключевскій. Мало того,—вглядъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе и въ учебникахъ, какъ это указалъ на диспутѣ проф. Остроумовъ. Спрашивается, неужели можно отдавать преимущество передъ этими трудами печатнымъ университетскимъ курсамъ проф. Петрова и Осокина, которые, конечно, по самой задачѣ, не могли претендовать на особую самостоятельность и отвели тамъ славянамъ вообще не много мѣста. Притомъ мнѣніе Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина, Петрова и Осокина вовсе уже не такъ ненаучны и сентиментальны, какъ утверждаетъ проф. Собѣстіанскій. Во всякомъ случаѣ, если говорить о современной русской исторической литературѣ, то нужно будетъ сказать, что въ ней *господствуетъ* не поэтическій, а трезвый научный взглядъ на характеръ славянъ. Не доказываетъ намъ проф. Собѣстіанскій господства сатиментально-поэтическаго направленія въ современной чешской исторической школѣ (70-хъ и 80-хъ годовъ).

Такимъ образомъ, проф. Собѣстіанскій ведетъ борьбу не съ *господствующимъ въ настоящее время* взглядомъ, а со старыми ученіями, вліяніе которыхъ въ наукѣ онъ старается всячески преувеличить. Въ особенности это нужно сказать относительно Гердера. Этотъ послѣдній, конечно, имѣлъ нѣкоторое вліяніе на славянскую исторіографію. И этого не скрывали сами слависты — они вводили въ текстъ своихъ сочиненій дословныя выдержки изъ Гердера, прямо ссылаясь на него. Но не слѣдуетъ преувеличивать этого вліянія, какъ дѣлаетъ это проф. Собѣстіанскій. «Небольшое изслѣдованіе Гердера о славянахъ, говоритъ проф. Собѣстіанскій, положило начало новому направленію — сентиментально - поэтическому, которое продолжаетъ господствовать и теперь въ славянской ученой литературѣ... Подъ вліяніемъ Гердеровскаго ученія славянская историческая наука вступила на ложный путь, мѣшавшій и мѣшающій теперь правильной постановкѣ и рѣшенію многихъ вопросовъ славянскихъ древностей; личныя чувства Гердера, симпатіи къ славянамъ заглушили въ немъ голосъ научной критики (стр. 18, 17). Намъ кажется, что

г. Собѣстіанскій здѣсь сильно увлекся, и это увлеченіе заглушило въ немъ самомъ голосъ научной критики. Въ самомъ дѣлѣ: что это за *изслѣдованіе* Гердера? (такое громкое названіе даетъ ему г. Собѣстіанскій). Это небольшая характеристика славянства, занимающая 4 небольшія странички въ «Ideen zur philosophie der geschichte der menschcheit». Г. Собѣстіанскій заявляетъ, что она не могла явиться «результатомъ изученія историческихъ памятниковъ или современной исторической литературы» (стр. 15). Но это не совсѣмъ вѣрно. Это на столько же философская апріорная, на сколько и историческая реальная характеристика. Вся она состоитъ изъ фактическихъ данныхъ, служащихъ подтвержденіемъ общихъ выводовъ и почерпнутыхъ изъ историческихъ пособій (въ числѣ коихъ было и столь богатое фактическими данными сочиненіе Антона). Автора ея можно упрекнуть только въ нѣкоторой односторонности; но со многими его положеніями и теперь нельзя не согласиться. Онъ, напримѣръ, вовсе не отказываетъ славянамъ въ храбрости. «Главное несчастіе этого народа, говоритъ онъ, заключалось въ томъ, что, при любви его къ мирной жизни и домашнимъ занятіямъ, онъ не былъ въ состояніи дать себѣ прочную военную организацію, хотя и выказывалъ достаточно храбрости, разъ бывалъ вовлеченъ въ борьбу. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду невыгоднаго его положенія среди другихъ народовъ: съ одной стороны онъ соприкасался съ германцами, а съ другой не былъ ничѣмъ защищенъ отъ вторженій восточно-татарскихъ ордъ, въ особенности монголовъ, причинившихъ ему немало горя». Мнѣнія Гердера вовсе уже не такъ далеко отстоятъ отъ воззрѣній славистовъ XVIII в., какъ это утверждаетъ г. Собѣстіанскій; между Антономъ съ одной стороны, и Гердеромъ съ другой, нѣтъ той пропасти, о которой говоритъ пр. Собѣстіанскій. У Антона Гердеръ могъ позаимствовать не только фактическія данныя, а и общее расположеніе къ славянству; не слѣдуетъ слишкомъ преувеличивать значенія его личныхъ симпатій къ славянству: не слѣдуетъ забывать, что въ Ригѣ онъ былъ прежде всего «балтійскій» патріотъ. Послѣдующіе слависты, въ родѣ Добровскаго, Копитара и (прибавимъ отъ себя) Шафарика, приводили въ своихъ сочиненіяхъ его характеристику *только потому, что она принадлежала нѣмцу*, а между тѣмъ не только не дышала ненавистью къ славянамъ и презрѣніемъ къ ихъ культурѣ, а наоборотъ выставляла на видъ, подчеркивала древность и самобытность этой культуры. Эта мысль о культурномъ бытѣ славянъ жила уже въ древнія времена и является самой основной, суще-

ственной во всей характеристикѣ Гердера; въ связи съ ней стояло его указаніе на мирную колонизацію; страсти къ господству надъ міромъ, къ разрушительнымъ набѣгамъ и хищничеству нѣкоторыхъ народовъ онъ противополагаетъ стремленіе славянъ къ мирному сельскому быту. Послѣдующая славянская исторіографія XIX в. все болѣе и болѣе развивала мнѣніе о культурности древнихъ славянъ— и шла по совершенно вѣрному пути. Значеніе нѣмецкихъ теорій о дикости и некультурности нашихъ предковъ все болѣе и болѣе падало. Много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Суровецкій; но особенныя услуги оказалъ своими «Славянскими древностями» Шафарикъ. Это былъ замѣчательнѣйшій *для своего времени* трудъ, не утратившій своего значенія и донынѣ. Хотя Шафарикъ и любилъ свою родину и все славянство, но это не помѣшало ему оставаться на вполнѣ научной почвѣ. И по вопросу о характерѣ древнихъ славянъ онъ высказывался на основаніи фактическихъ данныхъ, подвергнутыхъ притомъ критическому разбору. Мысль о культурности славянскаго народа получила у него твердое научное обоснованіе; онъ же подробнѣйшимъ образомъ изложилъ и исторію ихъ разселенія, подъ часъ мирнаго, а подъ часъ соединеннаго съ борьбою. Конечно, и у Шафарика были ошибки, увлеченія, но это естественное явленіе. Тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ, а Шафарикъ сдѣлалъ очень много. Къ сожалѣнію ему не удалось издать сочиненія, спеціально посвященнаго *быту* древнихъ славянъ; но и для этого вопроса въ «Славянскихъ древностяхъ» имѣется не мало данныхъ. Генетическая связь работъ Суровецкаго и Шафарика съ характеристикой Гердера не установлена г. Собѣстіанскимъ да и не могла быть доказана, потому что оба названные выше автора были не компиляторами и не философами исторіи, а самостоятельными историками, основывавшими свои выводы на источникахъ первой руки. Ни Суровецкій, ни Шафарикъ (въ своихъ «Славянскихъ древностяхъ») не ссылаются на Гердера и утверждать, чтобы мнѣнія ихъ о характерѣ древнихъ славянъ были позаимствованы у Гердера, нѣтъ никакихъ основаній. То же самое нужно сказать и о послѣдующихъ историкахъ. Пр. Собѣстіанскій совершенно голословно заявляетъ, что мнѣнія Воцеля, Мацѣёвскаго представляютъ варіаціи идей Гердера, Суровецкаго и Шафарика. Характеристика чеховъ, сдѣланная Воцелемъ и замѣтно отзывающаяся идеализаціей, основана не на идеяхъ Гердера, а на поэтическихъ картинахъ Краледворской и Зеленогорской рукописей, къ которымъ онъ относился съ полнымъ довѣріемъ. Въ

обширной характеристикѣ славянъ и германцевъ, сдѣланной Мацѣёвскимъ, опять таки рѣшительно не замѣтно вліянія идей Гердера. Точно также не доказано вліяніе ихъ на Бобжинскаго, Соловьева, Кавелина, Бестужева-Рюмина, Петрова и Осокина. Г. Собѣстіанскій впрочемъ и не даетъ никакихъ *серіезныхъ* доказательствъ, а просто приводитъ выписки изъ всѣхъ авторовъ и заявляетъ, что всѣ они представляютъ развитіе идей Гердера, Суровецкаго и Шафарика. Г. Собѣстіанскій отказывается отъ изслѣдованія тамъ, гдѣ оно необходимо. Вмѣсто того, чтобы дѣйствительно разбирать мнѣнія, сопоставлять ихъ другъ съ другомъ, опредѣлять основанія и источники ихъ, указывать вѣрныя мысли, заблужденія и преувеличенія, вліяніе личныхъ, общественныхъ и литературныхъ условій, онъ ограничивается тѣмъ, что вездѣ старается уловить вредное вліяніе Гердера. Благодаря этому, все его изложеніе напоминаетъ намъ не ученое объективное изслѣдованіе, а обвинительный актъ склоннаго къ увлеченіямъ и преувеличеніямъ прокурора... Но за обвинительнымъ актомъ идетъ еще судебное разбирательство, допросъ свидѣтелей, рѣчи— а тутъ нѣтъ ничего... кромѣ критики, обязанности которой оказываются вслѣдствіе этого очень сложными.

Мы разсмотрѣли критическіе пріемы проф. Собѣстіанскаго въ первыхъ 6 главахъ его сочиненія и пришли къ заключенію, что дѣйствительной критики тамъ нѣтъ и что мысль его о *полной* зависимости почти всей славянской исторіографіи XIX в. отъ Гердера представляетъ шаткую и недоказанную гипотезу. Обратимся теперь къ анализу 7-й главы сочиненія г. Собѣстіанскаго. Она отличается по-преимуществу критическимъ характеромъ. Здѣсь на *основаніи первоисточниковъ* авторъ пытается опредѣлить характеръ древнихъ славянъ. Но вглядываясь внимательнѣе въ критическіе пріемы автора, мы и здѣсь замѣчаемъ такіе же существенные недостатки, какъ и въ первыхъ 6 главахъ. Въ 7-й главѣ долженъ былъ бы быть разсмотрѣнъ на основаніи источниковъ матеріалъ, изложенный *во всѣхъ* предъидущихъ главахъ — тогда бы получилось *полное* соотвѣтствіе между изложеніемъ ученій и критическимъ обзоромъ ихъ. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Вся 7-я глава посвящена доказательству существованія у славянъ *одной* черты характера—воинственности и тѣсно связанной съ ней жестокости. Но что же думать читателю обо *всѣхъ остальныхъ* чертахъ, отмѣченныхъ самимъ г. Собѣстіанскимъ въ изложеніи ученій? Онѣ не опровергаются г. Собѣстіанскимъ. Авторъ «критическаго изслѣдованія» не только не подвергъ ихъ критическому раз-

смотрѣнію *по существу, но даже не сгруппировалъ ихъ*; эту послѣднюю работу долженъ продѣлывать самъ читатель. Но онъ не знаетъ, какъ, напримѣръ, ему смотрѣть на склонность славянъ къ земледѣлію, на ихъ гостепріимство, добродушіе, любовь къ музыкѣ и т. п.; были ли у нихъ эти черты или нѣтъ? Чтобы оріентироваться въ этомъ дѣлѣ, остается прибѣгнуть къ одному средству, которое открываетъ намъ самъ авторъ и которое повидимому отличается простотою и незатѣйливостью. Всѣхъ писателей-славистовъ проф. Собѣстіанскій дѣлитъ на 2 группы — трезвыхъ и нетрезвыхъ; первые вѣрно понимали славянскій характеръ, вторые подъ вліяніемъ Гердера впали въ заблужденіе при опредѣленіи его. Слѣдовательно, чтобы рѣшить вопросъ о какой нибудь чертѣ характера, нужно только навести справку—кто ее отмѣчаетъ: «трезвый» или «нетрезвый» историкъ; что можетъ быть проще этого? Но на самомъ дѣлѣ затрудненіе не рѣшается такъ просто. Дѣленіе на «трезвыхъ» и «нетрезвыхъ», какъ увидимъ далѣе, не выдерживаетъ критики: и трезвые, и нетрезвые отмѣчали очень часто одни и тѣ же черты у древнихъ славянъ—и книга г. Собѣстіанскаго этого вопроса не разрѣшаетъ.

Такимъ образомъ, намъ остается посмотрѣть, какъ на основаніи первоисточниковъ проф. Собѣстіанскій доказываетъ существованіе одной черты славянскаго характера—воинственности и жестокости. Въ доказательство приводится масса историческихъ свидѣтельствъ о нападеніяхъ славянъ на своихъ сосѣдей, начиная съ VI-го и оканчивая XII вѣкомъ. Вездѣ авторъ ссылается на источники первой руки и приводитъ въ примѣчаніяхъ подлинныя выписки изъ памятниковъ. Получается впечатлѣніе, что проф. Собѣстіанскій *самостоятельно* выбралъ эти свидѣтельства изъ первоисточниковъ и обнаружилъ огромную начитанность въ памятникахъ славянской исторіи. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: начитанность г. Собѣстіанскаго только кажущаяся... Фактическія данныя о походахъ и нападеніяхъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ славянъ *раньше его* были собраны уже другими историками, и онъ не пошелъ далѣе ихъ въ подыскиваніи матеріаловъ; для характеристики походовъ южныхъ славянъ онъ воспользовался богатыми указаніями, собранными въ сочиненіи пр. М. С. Дринова «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами», извѣстія о нападеніяхъ балтійскихъ славянъ онъ нашелъ въ книгахъ Гильфердинга (4-й томъ сочиненій) и Котляревскаго (Древности права балтійскихъ славянъ); наконецъ, многія свѣдѣнія о воинственности руссовъ онъ нашелъ у Д. И. Иловайскаго. Самостоя-

тельность проф. Собѣстіанскаго проявилась только въ томъ, что онъ разыскалъ и повыписывалъ мѣста изъ первоисточниковъ, указанныя въ названныхъ выше пособіяхъ. Мы не обвиняемъ, такимъ образомъ, г. Собѣстіанскаго въ какихъ либо негласныхъ заимствованіяхъ изъ пособій, а утверждаемъ только, что онъ не приводитъ почти никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя были уже въ научномъ обиходѣ. Мы не отрицаемъ даже и того, что пр. Собѣстіанскій имѣлъ формальное право ссылаться на первоисточники, а не на пособія, (хотя было бы лучше, если бы авторъ *вмѣстѣ съ тѣмъ* хотя однимъ словомъ обмолвился и о пособіяхъ, принесшихъ ему такую пользу; между тѣмъ онъ ни разу не цитируетъ здѣсь ни Гильфердинга, ни Котляревскаго); но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при такомъ несамостоятельномъ подборѣ извѣстій, какой мы видимъ у г. Собѣстіанскаго, многое—и при томъ весьма важное—могло ускользнуть отъ него. И М. С. Дриновъ, и Гильфердингъ, и Котляревскій приводили эти факты вовсе не съ тѣми цѣлями, какія поставилъ себѣ г. Собѣстіанскій; М. С. Дриновъ интересовался, напримѣръ, почти исключительно данными о заселеніи Балканскаго полуострова славянами и подбиралъ, конечно, только факты, относящіеся къ этому вопросу. Между тѣмъ проф. Собѣстіанскій, занимающійся изслѣдованіемъ древне славянскаго характера, относительно южныхъ славянъ пользуется *только* матеріаломъ, указаннымъ въ книгѣ М. С. Дринова; *новаю источника у него нѣтъ ни одного*; иногда онъ только беретъ изъ источниковъ, отмѣченныхъ пр. Дриновымъ, нѣсколько больше, чѣмъ самъ М. С. Дриновъ. (Это, напримѣръ, нужно сказать относительно Солунскаго лѣтописца). Но, вообще говоря, всѣ тѣ извѣстія, которыя приводитъ проф. Собѣстіанскій о нападеніяхъ южныхъ славянъ на Византію въ VI—VII вв. на 77—85 стр. своей книги, приведены были уже раньше на стр. 95, 97—101, 107—109, 111, 114—115, 118, 120—121, 131—133 сочиненія М. С. Дринова. Свидѣтельства Прокопія (77—80 стр. у г. Собѣстіанскаго) помѣщены у М. С. Дринова на 95, 97—100 стр. (но въ иномъ порядкѣ). На 80-й страницѣ своего сочиненія г. Собѣстіанскій говоритъ: если мы обратимся къ другимъ сочиненіямъ Прокопія, то найдемъ тамъ сильную поддержку этому предположенію (о другихъ нападеніяхъ); вслѣдъ затѣмъ приводится имъ цитата изъ Анекдотовъ. У М. С. Дринова это предположеніе и эта выдержка изъ Анекдотовъ находится на 97-й страницѣ. Такое же совпаденіе мы найдемъ и относительно Ѳеофана (80—81 стр. у г. Собѣстіанскаго, 101 стр. у проф. Дринова), Іоанна

Биклярскаго (81 стр. у г. Собѣстіанскаго, 107 стр. у проф. Дринова), Менандра и Іоанна Эфесскаго (81 стр. у г. Собѣстіанскаго и 107 у проф. Дринова), Солунскаго лѣтописца (81—82, 84—85 стр. у г. Собѣстіанскаго, 114—115, 132—133 стр. у пр. Дринова), Ѳеофилакта Симоказы (82 стр. у г. Собѣстіанскаго, 108—109, 111 стр. у проф. Дринова), посланія папы Григорія Вел. къ архіепископу Солунскому (83 стр. у г. Собѣстіанскаго и 118 стр. у пр. Дринова), Исидора Севильскаго (83 стр. у г. Собѣстіанскаго и 118 стр. у пр. Дринова), составителя 2-й части пасхальной хроники (83 стр. у г. Собѣстіанскаго и 120—121 стр. у пр. Дринова) и, наконецъ, Павла Діакона (83—84 стр. у г. Собѣстіанскаго и 131 стр. у пр. Дринова). Совпаденіе полное, рѣшительное и, конечно, не случайное. Настоящимъ руководителемъ проф. Собѣстіанскаго были не перечисленные выше источники, а книга проф. Дринова. Нашедши въ ней цѣлый рядъ фактовъ о нападеніяхъ славянъ, пр. Собѣстіанскій, очевидно, рѣшился немедленно утилизировать ихъ для доказательства своего мнѣнія о ихъ воинственности, но при этомъ не обратилъ должнаго вниманія на смыслъ и значеніе памятниковъ; онъ подыскалъ соотвѣтственные тексты и помѣстилъ ихъ въ примѣчаніяхъ; но эти примѣчанія и приложенія не находятся въ органической связи съ текстомъ, являются какимъ-то механическимъ придаткомъ и подъ часъ противорѣчатъ ему. Вотъ два примѣра, отмѣченныхъ уже на диспутѣ г. Вязигинымъ. На 77-й стр. проф. Собѣстіанскій говоритъ: въ 547 г. славяне вторглись въ Иллирію, проникли до Эпидамна, предаваясь ужаснымъ злодѣйствамъ: «они убивали жителей, молодыхъ обращали въ рабовъ и разграбили сокровища; они побрали тамъ много укрѣпленій, которыя до тѣхъ поръ казались неприступными, и рыскали повсюду безнаказанно». Въ примѣчаніи же 151-мъ (стр. 258) проф. Собѣстіанскій приводитъ подлинный греческій текстъ, который долженъ, конечно, вполнѣ соотвѣтствовать переводу автора; на самомъ же дѣлѣ между ними оказывается полное несоотвѣтствіе. Проф. Собѣстіанскій оставляетъ безъ перевода два слова греческаго подлинника — οὐδενὸς ἀμυνομένου — которыя совершенно измѣняютъ смыслъ фразы; греческій подлинникъ говоритъ, что славяне взяли неприступныя крѣпости, *потому что ихъ никто не защищалъ* (при чемъ же тутъ храбость славянъ?); а проф. Собѣстіанскій, умалчивая объ этомъ «потому что...» просто говоритъ, что славяне побрали много укрѣпленій, которыя дотолѣ казались неприступными». Мы не допускаемъ, чтобы проф. Собѣстіанскій не понималъ греческихъ текстовъ (слишкомъ много уже

ихъ разбросано въ его примѣчаніяхъ) или сознательно извращалъ ихъ, и объясняемъ его ошибку тѣмъ, что онъ положился тутъ in verba magistri, т. е. М. С. Дринова, у котораго также эти два слова оставлены безъ перевода. Но уважаемый М. С. Дриновъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, бралъ изъ первоисточниковъ только то, что ему было нужно для вопроса о времени и мѣстѣ появленія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; для г. же Собѣстіанскаго эти два слова имѣли рѣшающее значеніе; онъ привелъ и греческій подлинникъ, и буквальный переводъ его (въ кавычкахъ); у Марина же Степановича Дринова нѣтъ ни подлинной выписки, ни буквальнаго ея перевода (см. стр. 98). На стр. 81-й проф. Собѣстіанскій говоритъ: «около 100000 славянъ, читаемъ мы у Менандра, вторглись во Θракію и, *разграбивъ* ее, кинулись на сосѣднія съ нею области». Въ 161-мъ прим. опять приводится греческій подлинникъ, въ которомъ говорится: ἐν τῇ Θράκῃ ξυνηνέχθη τὸ Σκλαβηνῶν ἔθνος μέχρι που χιλιάδων ἑκατὸν Θράκην καὶ ἄλλα πολλὰ λῃσασθαι; тутъ неопредѣленное наклоненіе—съ *тѣмъ чтобы пограбить*—у проф. Собѣстіанскаго дѣепричастіе (*разграбивъ*), какъ и у М. С. Дринова. Но опять таки М. С. Дриновъ не приводитъ ни греческаго подлинника, ни буквальнаго перевода, а только *дѣлаетъ выводъ* изъ источника; и выводъ сдѣланъ вѣрный; онъ подтверждается и другими источниками, указанными М. С. Дриновымъ — извѣстіемъ Іоанна Биклярскаго и Іоанна Эфесскаго.

Къ сожалѣнію, дѣло не ограничивается отсутствіемъ должной осмотрительности въ текстахъ. Проф. Собѣстіанскій пользуется для доказательства своей излюбленной мысли о воинственности и жестокости славянъ и такими извѣстіями, недостовѣрность которыхъ была уже доказана и при этомъ рѣзко бросается въ глаза всякому. Разительный примѣръ этого мы видимъ въ тѣхъ же извѣстіяхъ о заселеніи Балканскаго полуострова славянами. На 78 и 79 стр. проф. Собѣстіанскій въ доказательство воинственности и жестокости славянъ приводитъ обширную выписку изъ Прокопія (на $1^1/_2$ стр.) и ни единымъ словомъ не выражаетъ сомнѣнія въ ея достовѣрности, не говоритъ даже, чтобы здѣсь были сгущены краски. Между тѣмъ извѣстіе это заключаетъ въ себѣ дѣйствительно невозможныя, невѣроятныя подробности: два маленькихъ отряда славянъ (одинъ въ 1800, другой въ 1200 челов.), дѣйствуя отдѣльно другъ отъ друга, разбиваютъ римскія войска, выгоняютъ изъ крѣпости многочисленный и храбрый отрядъ конницы, берутъ въ плѣнъ его военачальника Асбада,

грабятъ *всю Ѳракію и Иллирію*, берутъ осадою *много крѣпостей*, въ томъ числѣ приморскій и важнѣйшій городъ Топирисъ, *защищаемый гарнизономъ*, умерщвляютъ въ немъ *всѣхъ жителей мужеска пола числомъ 15000* и уводятъ *безчисленныя тысячи* невольниковъ съ собою домой; вся Ѳракія и Иллирія долгое время усѣяны были непогребенными трупами. Мы увѣрены, что ни одинъ читатель не повѣритъ этой небылицѣ—и совершенно необъяснимо, какъ повѣрилъ ей проф. Собѣстіанскій. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что проф. Собѣстіанскій не усумнился въ достовѣрности этого разсказа, не смотря на то, что уже М. С, Дриновъ обозвалъ его «сказкой», въ томъ самомъ сочиненіи, которое такъ внимательно изучалъ проф. Собѣстіанскій. Приведя вкратцѣ данныя о буйствахъ этихъ двухъ отрядовъ, М. С. Дриновъ замѣчаетъ: «эта *сказка* имѣетъ историческое значеніе для характеристики взгляда населенія Имперіи на славянъ, но Прокопій не сообщаетъ ее съ этой цѣлью: онъ принимаетъ содержаніе ея за сущую правду и излагаетъ ее тономъ человѣка, вполнѣ увѣреннаго въ дѣйствительности разсказываемыхъ имъ происшествій» (стр. 100). Далѣе почтенный знатокъ славянщины даетъ объясненіе этой сказки: «состоя при Велизаріи въ качествѣ его совѣтника и находясь безотлучно при немъ въ теченіе 20 почти лѣтъ, начиная съ 527 г., Прокопій жилъ постоянно вдали отъ тѣхъ областей, на которыя простиралось давленіе славянъ. Онъ не могъ знать непосредственно славянскаго міра и его отношеній къ Имперіи; не могъ имѣть объ этихъ отношеніяхъ и правительственныхъ свѣдѣній, ибо славянскія дѣла вѣдались не въ канцеляріи Велизарія, побѣдителя Персовъ, Вандаловъ и Готовъ. О славянскихъ дѣлахъ Прокопій могъ знать только по слухамъ, доносившимся до отдаленнаго стана Велизарія, слухамъ, къ которымъ, какъ извѣстно, онъ относился не критически, а съ непонятнымъ легковѣріемъ. Что дѣйствительно молва была главнымъ источникомъ его свѣдѣній о занимающихъ насъ отношеніяхъ и что *не критически* онъ относился къ этому, столь мало надежному источнику, это не трудно замѣтить при самомъ бѣгломъ чтеніи его повѣствованія о нихъ». Затѣмъ въ видѣ примѣра М. С. Дриновъ приводитъ пресловутый разсказъ о двухъ славянскихъ отрядахъ. (Заселен. Балкан. полуостр. славянами, стр. 99—100). Проф. Собѣстіанскій не замѣтилъ этой бьющей въ глаза невѣроятности, мало того — сознательно рѣшилъ игнорировать вѣскія убѣдительныя замѣчанія объ этомъ извѣстіи М. С. Дринова (которыя, конечно, не могли ему остаться неизвѣстными) и тѣмъ доказалъ отсутствіе у себя критическаго такта.

Доказательства въ пользу воинственности руссовъ также не отличаются ни самостоятельностью, ни критическимъ характеромъ (85—90 стр.) Все дѣло сводится тутъ къ нѣсколькимъ выдержкамъ изъ русской лѣтописи, Фотія, Льва Діакона, Масуди, о походахъ русскихъ славянъ на востокъ и въ Болгарію. Все это факты — общеизвѣстные; большая часть ихъ, напримѣръ, подробно изложена въ «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго. (Ч. I-я. Кіевскій періодъ. М. 1876 г.) [1]). Проф. Собѣстіанскій ссылается и тутъ только на первоисточники; но тщательнаго изученія ихъ мы у него не находимъ. Сказанія арабскихъ писателей дѣйствительно заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ о воинственныхъ нападеніяхъ руссовъ на Камскую Болгарію, Хозарію и прикаспійскія области. Нужно было бы собрать всѣ эти свѣдѣнія, рисующія воинственность русичей, и подвергнуть ихъ критическому анализу. Но проф. Собѣстіанскій ограничивается только извѣстіемъ Масуди о походѣ 913 г. и игнорируетъ нападенія 944 и 968 гг., о которыхъ сообщаютъ подробныя данныя арабы; между тѣмъ походъ 968 г. былъ самымъ выдающимся; тогда русичи разгромили Вел. Болгары, Итиль, Семендеръ, страну Буртасовъ; Хозарія послѣ этого окончательно пала. Проф. Собѣстіанскому впрочемъ и не нужно было самому трудиться надъ подборомъ и критикой извѣстій о походахъ Руси на востокъ; все это онъ могъ найти въ извѣстномъ сочиненіи Дорна «Каспій», которое къ сожалѣнію осталось ему неизвѣстнымъ. Но проф. Собѣстіанскій, вмѣсто того чтобы критически относиться къ источникамъ, дѣлаетъ изъ нихъ для себя тенденціозную выборку извѣстій. Чрезвычайно характерно въ этомъ случаѣ его отношеніе къ Фотію. «Бесѣды» патріарха Фотія представляютъ, какъ извѣстно, на половину историческій, на половину литературный матеріалъ; это проповѣди, ораторскія рѣчи, преслѣдовавшія главнымъ образомъ нравоучительныя цѣли. Подобнаго рода источникомъ нужно пользоваться осторожно. Но пр. Собѣстіанскій безъ всякихъ оговорокъ приводитъ цитаты изъ этого памятника, умалчивая при этомъ объ извѣстіяхъ, противорѣчащихъ его взглядамъ. Характеристика руссовъ у Фотія отличается, какъ всѣмъ извѣстно, двойственнымъ характеромъ: то онъ называетъ ихъ грозными и неодолимыми, то отзывается съ презрѣніемъ, какъ о ничтожномъ народѣ. «Какое воинство ругается надъ

[1]) Тутъ мы находимъ данныя о нашествіи руссовъ на Царьградъ въ 865 г. и 941 г., о нападеніи ихъ на Болгарію при Святославѣ, и въ 913 г. на каспійскія области.

тобою, обращается онъ къ Царьграду, какъ надъ рабою! Необученное и набранное изъ рабовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? *Слабый* и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей и хочетъ нажить себѣ славное имя... Народъ, *ничѣмъ не заявившій себя*, народъ непочетный, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, неименитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, не имѣющій стражи, неукоризненный, *безъ военнаго искусства* [1]). «Вотъ это то мѣсто и пропускаетъ проф. Собѣстіанскій. Мы не придаемъ ему значенія достовѣрности, а привели его, чтобы показать, какъ на историческомъ элементѣ въ бесѣдахъ Фотія отразился элементъ литературный, какъ замѣтна здѣсь риторика. Конечно, риторика эта должна была сказаться и въ тѣхъ картинахъ разоренія, которыя приводитъ проф. Собѣстіанскій. Не входимъ въ дальнѣйшія подробности, потому что о Фотіи и его произведеніяхъ есть цѣлая литература. Проф. Собѣстіанскій могъ, впрочемъ, найти критическій разборъ «бесѣдъ» и въ извѣстныхъ ему «разысканіяхъ о началѣ Руси» Д. И. Иловайскаго (М. 1876. стр. 195—199), гдѣ, между прочимъ, помѣщена и приведенная нами выписка изъ Фотія. Къ извѣстіямъ другихъ византійцевъ проф. Собѣстіанскій также относится безъ всякой критики; такъ, напримѣръ, онъ безъ всякой оговорки приводитъ свидѣтельство Льва Діакона о томъ, что Святославъ пересажалъ на колъ *20000 плѣнныхъ*, а другихъ *20000 бросилъ въ темницу* (стр. 88—89).

Извѣстія о военныхъ походахъ западныхъ славянъ (91—98 стр.) также не заключаютъ въ себѣ почти ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что раньше отмѣчено было Гильфердингомъ и Котляревскимъ. Мы убѣдились въ этомъ, сопоставивъ всѣ извѣстія, приведенныя проф. Собѣстіанскимъ на 92—98 стр. его сочиненія, съ данными Гильфердинга и Котляревскаго. Чтобъ не быть голословнымъ, я отмѣчу тѣ и другія систематически по страницамъ. Начнемъ съ 92-й страницы труда проф. Собѣстіанскаго. Извѣстіе Ад. Бременскаго приведено у Гильфердинга (4-й томъ собранія сочиненій) на 28-й стр.; Гербордъ—у Котляревскаго (на 28 стр.), Безъименный авторъ—у Котляревскаго (на 143 стр.), Оттонъ Бамбергскій у Котляревскаго (на

[1]) Четыре бесѣды Фотія. Спб. 1864 г., стр. 18—19.

78—79 стр.), Гербордъ—у Котляревскаго (на 68—69 стр.); 93-я страница: Гербордъ у Котляревскаго (на 47 стр.); онъ же у Котляревскаго (на 49 стр.); 94-я страница: Гельмольдъ — у Гильфердинга (37—35 стр.); 95-я страница: Гельмольдъ—у Гильфердинга (27—28 стр.), англичанинъ Ордерикъ Виталій и итальянецъ Рудольфъ Глаберъ—у него же (30 стр.); 96-я страница—Гербордъ—у Котляревскаго (21 стр.); извѣстіе Гельмольда о чехахъ и полякахъ (стр. 95—96) приведено было еще Макушевымъ (158 стр. его книги); наконецъ, выдержка изъ Ѳеофилакта Симокаты (97 стр.) является уже положительно locus communis. Самостоятельный трудъ проф. Собѣстіанскаго состоялъ только въ томъ, что онъ подыскалъ въ источникахъ мѣста, указанныя Гильфердингомъ и Котляревскимъ, а не обмолвился здѣсь о нихъ ни однимъ словомъ проф. Собѣстіанскій именно потому, что это были нетрезвые слависты. Такой же несправедливый пріемъ мы замѣчаемъ и въ критикѣ извѣстія Ѳеофилакта Симокаты. «*Вникая глубже* въ разсказъ Ѳеофилакта, говоритъ проф. Собѣстіанскій, мы усматриваемъ въ немъ внутреннее противорѣчіе, которое прямо указываетъ на историческую несостоятельность». Проф. Собѣстіанскому незачѣмъ было глубоко вникать въ разсказъ Ѳеофилакта, чтобы опровергнуть его несостоятельность, ибо она доказана была уже многими другими — Шафарикомъ, Добровскимъ, Гильфердингомъ[1]). Но любопытно, что проф. Собѣстіанскій ссылается въ текстѣ своей книги только на Добровскаго (стр. 98); а между тѣмъ мнѣніе его беретъ изъ книги Шафарика; очевидно онъ считаетъ предосудительнымъ ссылаться на «нетрезваго» слависта, хотя этотъ послѣдній приводитъ и отъ себя возраженія противъ достовѣрности этого извѣстія; вотъ эти возраженія: «показанія этихъ пословъ о невоинственности народа ихъ, говоритъ онъ, не слѣдуетъ принимать слишкомъ строго въ буквальномъ смыслѣ. По собственному признанію ихъ, поляне отказали аварамъ въ помощи не по причинѣ своей невоинственности и неопытности въ битвахъ, но по отдаленію и трудности пути. Хотя точно въ лугахъ не родится желѣзо, однакоже военное оружіе привозилось туда изъ другихъ краевъ и, разумѣется, не было недостатка въ немъ ляхамъ, изгнавшимъ недавно передъ тѣмъ изъ Над-одерскаго края нѣмцевъ и покорившимъ себѣ половину сѣверной Германіи. Вѣроятно, греческій лѣтописецъ

[1]) Поморскіе славяне, говоритъ Гильфердингъ, уже въ IV-мъ в. были народомъ сильнымъ и воинственнымъ: иначе съ какой стати было бы Аварскаму хану звать ихъ въ такую даль на помощь противъ грековъ? (Собр. соч., IV, стр. 21).

спугалъ разсказъ пословъ о себѣ съ разсказомъ о цѣломъ народѣ. Можетъ быть, эти послы, отправленные въ дѣлѣ мирномъ, были изъ среды тѣхъ славянскихъ вѣщихъ мудрецовъ, которые никогда не занимались оружіемъ, но одной лишь поэзіей и музыкой»[1]). Одну фразу проф. Собѣстіанскій, можно сказать, буквально заимствовалъ у Шафарика.

Мы разобрали шагъ за шагомъ, можно сказать, строчка за строчкой 7-ю главу сочиненія проф. Собѣстіанскаго и убѣдились, что въ ней такъ же мало критическаго элемента, какъ и въ остальныхъ 6 главахъ.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности, по недостатку мѣста, подвергнуть такому же тщательному анализу 2-й части сочиненія. Замѣтимъ только, что и 2-я часть построена по такому же точно плану, какъ и 1-я, и отличается такими же недостатками въ методологическомъ отношеніи. И здѣсь первенствующее мѣсто отведено изложенію ученій; но критическаго анализа основаній ихъ мы не находимъ. Въ 1-й части все сводится къ Гердеру, здѣсь къ Ж. Ж. Руссо. Онъ былъ, по мнѣнію проф. Собѣстіанскаго, истиннымъ виновникомъ ученія объ общинномъ бытѣ славянъ. Не только историки, въ родѣ Лелевеля, выработали свои теоріи общиннаго быта подъ прямымъ, непосредственнымъ вліяніемъ сочиненій Руссо, но даже изслѣдователь современной *земельной крестьянской русской общины*, извѣстный Гакстгаузенъ. «Мы полагаемъ, говоритъ проф. Собѣстіанскій, что разсужденія Гакстгаузена о славянскомъ общинномъ устройствѣ и *современной сельской общинѣ* были отголоскомъ западно славянскаго ученія», т. е. Лелевеля (стр. 161); а ученіе Лелевеля породило «разсужденія о государственномъ устройствѣ Польши» вмѣстѣ съ «общественнымъ договоромъ» и «началомъ неравенства между людьми» (стр. 113). Тутъ, очевидно, проф. Собѣстіанскій увлекся еще болѣе, чѣмъ въ 1-й части, въ изображеніи вліянія Гердера. Мы увѣрены, что доказательства проф. Собѣстіанскаго (если только можно назвать доказательствами рядъ случайныхъ сближеній) не въ состояніи убѣдить ни одного читателя въ томъ, что ученіе объ общинномъ бытѣ польской, чешской и русской исторической школы возникло подъ вліяніемъ апріорныхъ идей женевскаго философа. Руссо, несомнѣнно, оказывалъ вліяніе на поляковъ (это разъяснено раньше проф. Собѣстіанскаго); но въ свою очередь и поляки вліяли на фран-

[1]) Слав. древности, т. 2-й, кн. 2-я, стр. 143.

цузовъ и даже на самого Ж. Ж. Руссо. Затѣмъ *кромѣ* Руссо, несомнѣнно имѣлъ значеніе общій складъ идей того времени (конца XVIII в.). Что Лелевель сочувствовалъ демократическимъ принципамъ Руссо—это всѣмъ извѣстно; но чтобы и его теорія древнеславянскаго гминовладства была *исключительно* порождена сочиненіями Руссо, проф. Собѣстіанскимъ не доказано; да это и не вяжется съ утвержденіемъ его, что лекціи Мицкевича объ этомъ же гминовладствѣ были настоящимъ откровеніемъ и открытіемъ для французовъ. Едва ли возможно даже ставить въ *органическую* связь *историко-юридическія изслѣдованія* Лелевеля и *философско-публицистическія* творенія женевскаго философа; можно говорить только о вліяніи Руссо на образъ политическихъ мыслей Лелевеля; для созданія же исторической теоріи потребно кое-что и другое; во всякомъ случаѣ, нужны хотя какіе-нибудь кирпичи для постройки. И такіе кирпичи несомнѣнно существовали; вѣдь и теперь еще проф. Собѣстіанскій вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу разрушеніе *основаній* общинной теоріи (свидѣтельствъ Прокопія, Маврикія, Константина Богрянороднаго, Титмара и др.). Проф. Собѣстіанскій забываетъ, что не всякое сходство въ общихъ идеяхъ можетъ быть объяснено заимствованіемъ; мало того—онъ старается найти генетическую связь и тамъ, гдѣ самъ же отмѣчаетъ существенную разницу. «Ученіе Мацѣевскаго, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная теорія общиннаго быта Лелевеля». (стр. 133); а различіе заключается въ томъ, что одинъ говорилъ объ общинѣ, какъ объ исконной формѣ, а другой таковою же считалъ общинно-родовой бытъ (соединеніе чисто родоваго быта съ общиннымъ управленіемъ) (стр. 133). Но если относительно польской исторической школы можно еще ставить вопросъ о вліяніи Руссо, то въ отношеніи чешской и русской это является уже совсѣмъ неправдоподобнымъ. Вотъ почему источникомъ заблужденія чешскихъ историковъ и юристовъ выставляется «Любушинъ Судъ»—фальсификатъ Ганки. Совершенно законное желаніе Палацкаго, Иречка и Воцеля опредѣлить характерныя черты, особенности славянскаго права сравнительно съ нѣмецкимъ признается неправильнымъ въ основаніи, въ исходномъ пунктѣ. Если припомнить себѣ, какую огромную литературу *за* и *противъ* вызвали Зеленогорская и Краледворская рукописи, если обратить вниманіе на то, что въ числѣ защитниковъ подлинности были и очень авторитетные ученые, и что вопросъ о подложности ихъ безповоротно рѣшенъ только послѣднее время, то мы въ значительной сте-

пени должны будемъ оправдать и тѣхъ историковъ, которые пользовались ею. Во всякомъ случаѣ нельзя называть *апріорными* тѣхъ теорій, которыя опираются на первоисточники, представляющіеся авторамъ ихъ достовѣрными. Мало того: недостаточно доказать недостовѣрность одного изъ основаній теоріи; нужно опровергнуть и другія: только тогда она будетъ поколеблена окончательно; а соображенія Палацкаго, Иречка, Воцеля, Леонтовича, Бестужева-Рюмина опираются и на другія данныя. Еще менѣе состоятельна попытка проф. Собѣстіанскаго объяснить исключительно внѣшними вліяніями происхожденіе ученія объ общинѣ русскихъ славянофиловъ. Доказательства въ пользу этого мнѣнія чрезвычайно слабы и неубѣдительны. Кого можетъ убѣдить фактъ знакомства русскихъ ученыхъ съ Лелевелемъ въ генетической связи русскихъ славянофиловъ съ Лелевелевскимъ ученіемъ о гминовладствѣ, основанномъ, по словамъ самого же проф. Собѣстіанскаго, на ученіи Ж. Ж. Руссо объ общественномъ договорѣ? Ученіе И. Кирѣевскаго и К. Аксакова находится, по нашему мнѣнію, въ прямомъ противорѣчіи съ теоріей общественнаго договора Ж. Ж. Руссо. Въ томъ то и коренное отличіе русской исторіи отъ европейской, по ихъ мнѣнію, что на западѣ господствовала формальная правда, а у насъ внутренняя; на западѣ народъ и государство слились; у насъ земля призвала государство, власть, но никогда эти двѣ силы не смѣшивались другъ съ другомъ; тамъ и завованія, и злоупотребленія, и ограниченія власти; у насъ народъ никогда не стремился къ власти, и власть сама призывала его на совѣтъ. «Общественный договоръ, говоритъ, И. Кирѣевскій, есть изобрѣтеніе энциклопедистовъ, но дѣйствительный идеалъ, къ которому стремились безъ сознанія, а теперь стремятся съ сознаніемъ всѣ западныя общества. Онъ опредѣлялъ и опредѣляетъ весь частный и общественный бытъ запада въ противоположность Россіи». Это мѣсто привелъ самъ проф. Собѣстіанскій (стр. 175). Ученію К. Аксакова на столько самобытно и оригинально, что объяснить его происхожденіе вліяніемъ идей Лелевеля и Ж. Ж. Руссо болѣе чѣмъ странно. Точно также странно объяснять исключительно вліяніемъ Ганки мнѣнія проф. Иванишева объ особенностяхъ древне-славянскаго и древне-германскаго права. Иванишевъ не повторялъ чужой готовой мысли безъ всякихъ самостоятельныхъ доказательствъ, а писалъ спеціальныя изслѣдованія, основанныя на сравненіи памятниковъ тѣхъ и другихъ народовъ. А проф. Собѣстіанскій представляетъ своимъ читателямъ дѣло необычайно просто: явился Иванишевъ въ

Прагу—и «Ганка прежде всего постарался внушить ему, что древнеславянское и германское законодательства представляютъ двѣ противоположныя системы» (стр. 150); отсюда и пошли всѣ заблужденія Иванишева. Самъ проф. Собѣстіанскій считаетъ несомнѣннымъ отсутствіе національныхъ особенностей въ славянскомъ правѣ сравнительно съ германскимъ въ силу «универсальнаго характера права всѣхъ младенчествующихъ народовъ» (стр. 146). Эта послѣдняя мысль является въ его глазахъ какою-то аксіомой, которую не нужно и доказывать; наоборотъ онъ пользуется ею, какъ самымъ сильнымъ оружіемъ противъ всѣхъ опровергаемыхъ имъ теорій. Откуда проф. Собѣстіанскій взялъ это положеніе, не извѣстно. Судя по тому, что оно внесено было имъ въ тезисы на диспутѣ, можно предполагать, что это его самостоятельное открытіе; но такъ какъ онъ его не доказываетъ, то, быть можетъ, на него нужно смотрѣть, какъ на готовый выводъ науки сравнительной исторіи права. Какъ бы то ни было, необходимо признать, что проф. Собѣстіанскій, въ опроверженіи своихъ противниковъ, исходитъ изъ *апріорнаго* (для себя) предположенія объ отсутствіи національныхъ особенностей въ правѣ всѣхъ младенчествующихъ народовъ. Но это было бы еще ничего, если бы его мысль дѣйствительно представляла изъ себя готовый выводъ науки и притомъ была правильно примѣнена; къ сожалѣнію на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого. Сравнительное изученіе права открываетъ сходныя черты, но не отрицаетъ и различія въ юридическомъ быту и воззрѣніяхъ разныхъ первобытныхъ народовъ. Это разъ. А вовторыхъ,—и это главное—можно ли Славянъ *VI—XII-го вѣка* назвать первобытнымъ, младенчествующимъ народомъ? У нихъ, конечно, остались въ это время нѣкоторыя *архаическія* черты отъ праарійскаго періода, когда ни они, ни германцы не выдѣлились еще изъ общей вѣтви; но во всякомъ случаѣ многое успѣло уже появиться вновь и достичь значительнаго развитія.

Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать заключеніе о сходствѣ и разницѣ въ юридическомъ бытѣ древнихъ германцевъ и славянъ, пр. Собѣстіанскій долженъ былъ идти *не апріористическимъ* путемъ, а положительнымъ; ему нужно было опредѣлить на основаніи фактовъ важнѣйшія черты юридическаго быта древнихъ славянъ и сравнить съ ними такія же особенности быта германцевъ. Этимъ онъ долженъ былъ заняться въ 4-й главѣ 2-й части своего сочиненія, главѣ, спеціально посвященной «свидѣтельству источниковъ» (стр. 188—205). Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Каково содержаніе этой

«критической главы»? «Если юридическій бытъ народа, говоритъ пр. Собѣстіанскій, долженъ носить на себѣ отпечатокъ коренныхъ свойствъ его характера, то, доказавъ сходство древне-славянскаго и древне-германскаго характеровъ, мы *à priori* можемъ утверждать, что юридическій бытъ древнихъ славянъ весьма близко подходилъ къ быту германцевъ» (стр. 189). Ни въ первой, ни во 2-й части своего труда пр. Собѣстіанскій ничего не говорилъ намъ о древне-германскомъ характерѣ и юридическомъ бытѣ; а между тѣмъ оказывается, что онъ доказалъ ихъ сходство. Такимъ образомъ ему удалось разрѣшить неразрѣшимую задачу—произвести сравненіе двухъ предметовъ, характеризуя только одинъ изъ нихъ и не указывая признаковъ другого. Отсутствіе національныхъ особенностей славянскаго юридическаго быта онъ доказываетъ тѣмъ, что у нихъ исконн была княжеская власть, рабство и сильная отцовская власть въ семьѣ (стр. 205), другими словами, что у нихъ не было той свободы, равенства и братства о которыхъ говорятъ «писатели, противополагавшіе славянскій юридическій бытъ германскому» (стр. 189). Основное возраженіе пр. Собѣстіанскаго направлено противъ общины, которая осуществляла въ древне-славянской жизни, по его словамъ, начало внутренней свободы. Опровергаетъ же общину пр. Собѣстіанскій указаніемъ на исконное существованіе у славянъ княжеской власти. «Мы разсмотрѣли, говоритъ авторъ, цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ объ общественномъ устройствѣ древнихъ славянъ. Свидѣтельства эти не подтверждаютъ гипотезы о господствѣ у нихъ «общины». Они намъ, *напротивъ*, даютъ право утверждать, что княжеская власть была исконнымъ явленіемъ у славянъ...» (стр. 198). Нельзя не признать такого способа доказательствъ бездоказательнымъ. Княжеская власть и община вовсе не исключаютъ другъ друга. Яркимъ примѣромъ этого могутъ служить сѣверно-русскія общины—Новгородская и Псковская, гдѣ постоянно дѣйствовала княжеская власть вмѣстѣ съ общинными порядками, проникавшими весь ихъ бытъ. Доказательства пр. Собѣстіанскаго далеко не обнимаютъ предмета его возраженій. Здѣсь, во 2-й части, повторяется то, что мы видѣли уже въ 1-й—несоотвѣтствіе между главами, посвященными изложенію ученій и критическому разбору ихъ. Въ первыхъ 3-хъ главахъ говорится не объ одной «идеальной» общинѣ, разрѣшавшей соціальный вопросъ того времени и игравшей роль какого-то обширнаго фаланстера. Свести всѣ ученія націоналистовъ къ такому взгляду было бы и неправильно, и несправедливо. Пр. Собѣстіан-

скій опровергаетъ тутъ въ сущности не историковъ-общинниковъ, а публицистовъ—Мицкевича, Руссо, Лебра и, пожалуй, отчасти Лелевеля. Но его возраженія вовсе почти не касаются Иванишева, К. Аксакова, Гильфердинга и очень многихъ другихъ. Пр. Собѣстіанскій занимается только толкованіемъ извѣстій Прокопія, Маврикія, Константина Багрянороднаго и Дитмара, извѣстій, не имѣющихъ отношенія собственно къ Руси. Такимъ образомъ, взгляды К. Аксакова, Бѣляева, Лешкова на общинный бытъ древнихъ русичей остаются неопровергнутыми и даже неразсмотрѣнными [1]). Между тѣмъ пр. Собѣстіанскій въ приведенномъ нами выше мѣстѣ (стр. 198), заявляетъ, что онъ опровергъ гипотезу о существованіи общины (вообще общины) у древнихъ славянъ. Тутъ, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ такимъ же смѣшеніемъ понятій, какое характеризуетъ всю его книгу. Такой же неопредѣленный смыслъ придаетъ пр. Собѣстіанскій термину «община» и на страницахъ, посвященныхъ анализу словъ «демократія» и «анархія». Приведя извѣстное мѣсто изъ Прокопія, что славяне жили «при народномъ правленіи» (in populori imperio), пр. Собѣстіанскій заявляетъ: «по нашему мнѣнію, приведенное мѣсто изъ Прокопія... никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ господства *общины* у славянъ въ половинѣ VI столѣтія» (стр. 189). А общинный бытъ и здѣсь пр. Собѣстіанскій отождествляетъ съ отсутствіемъ княжеской власти и народовластіемъ (стр. 189). Понятно, что ему не трудно было доказать существова ніе княжеской власти (такъ какъ о ней раньше говорили другіе) и тѣмъ опровергнуть «общину». Но опровергнута, конечно, только та «идеальная» община, которая не признавала никакой власти и которая дѣйствительно можетъ быть названа анархіей, а не община русскихъ славянофиловъ и многихъ «трезвыхъ» историковъ и славистовъ. Но можно ли ученіе объ «идеальной» общинѣ, дающей полную внутреннюю свободу, считать господствующимъ и въ настоящее время? Стоило ли тратить усилія на опроверженіе того, несостоятельность чего рѣзко бросается въ глаза всякому, что отжило свой вѣкъ и давнымъ давно похоронено и осуждено? Пр. Собѣстіанскій, очевидно, во чтобы то ни стало хотѣлъ побѣды; но для того, чтобы

---

[1]) Правда, у пр. Собѣстіанскаго мы находимъ еще разборъ лѣтописнаго разсказа о призваніи варяговъ; здѣсь пр. Собѣстіанскій открываетъ на Руси князей до призванія Рюрика (всѣмъ прекрасно извѣстныхъ) и этимъ открытіемъ побѣдоносно разбиваетъ русскихъ славянофиловъ (стр. 197).

побѣда была почетнѣе, онъ преувеличиваетъ силы врага. Доказавъ, что древніе славяне не знали безусловной внутренней свободы, пр. Собѣстіанскій также побѣдоносно доказываетъ, что имъ «неизвѣстны были начала безусловнаго равенства и всеобщаго братства» (стр. 198), ибо у нихъ существовало рабство, многоженство, деспотизмъ отца. Кто въ настоящее время отрицаетъ у славянъ рабство и многоженство? Нужно ли было доказывать присутствіе ихъ въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту? Обо всемъ этомъ говорится не только въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, но и въ общихъ трудахъ по исторіи славянства, даже въ учебникахъ. Но, быть можетъ, пр. Собѣстіанскій представляетъ какіе-нибудь новые факты? Ничего новаго пр. Собѣстіанскій почти не прибавляетъ. И здѣсь мы видимъ то же, что и въ 7-й главѣ 1-й части: значительную часть его данныхъ мы находимъ, напримѣръ, у «нетрезвыхъ» славистовъ—Гильфердинга, Котляревскаго, Первольфа. Освѣщеніе всѣмъ этимъ матеріаламъ дается слишкомъ одностороннее, причемъ игнорируются ученыя объясненія предшественниковъ; критики первоисточниковъ нѣтъ никакой. Единственнымъ исключеніемъ нужно признать двѣ критическихъ замѣтки о Маврикіи, которыя находятся въ полномъ противорѣчіи одна съ другой. На стр. 192-й пр. Собѣстіанскій объ имп. Маврикіи выражается такъ: «*Маврикій, указаніямъ котораго мы придаемъ особенную важность въ виду того обстоятельства, что онъ писалъ о славянахъ по личнымъ наблюденіямъ*»; а на 202-й стр. пр. Собѣстіанскій уже не даетъ вѣры извѣстію Маврикія о кроткомъ обращеніи съ плѣнными и предпочитаетъ ему Прокопія, разсказы котораго «заставляютъ» пр. Собѣстіанскаго «*заподозрить Маврикія въ идеализаціи славянской жизни*». Чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго извѣстія, пр. Собѣстіанскій набросилъ тѣнь на писателя, котораго самъ же онъ раньше превозносилъ. При такой критикѣ источниковъ дѣло не обходится иногда и безъ курьезовъ. На стр. 202-й пр. Собѣстіанскій говоритъ: «Обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія христіанства». «Аще двѣ жены кто водитъ, говоритъ церковный уставъ кн. Ярослава, епископу 40 гривенъ, а которая подлегла, та поняти въ домъ церковный, а первую держати по закону». Пользуясь такимъ пріемомъ доказательствъ, можно утверждать, что и въ настоящее время у насъ въ Россіи, среди православныхъ, существуетъ многоженство, ибо въ сводѣ законовъ также предусмотрѣны случаи двоеженства и наказаній за него.

Спрашивается, можно ли послѣ всего сказаннаго назвать книгу пр. Собѣстіанскаго «критическимъ изслѣдованіемъ»? Мы затрудняемся дать ей соотвѣтственное названіе, но думаемъ, что она ближе подходитъ къ понятію компиляціи, чѣмъ строго критическаго изслѣдованія.

Д. И. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Мих. Чайковскаго (Садыкъ-паши).

Мы застали въ Ючевле артель изъ 80 козаковъ подъ начальствомъ зятя Ивана Солтана, который носилъ на лицѣ рубецъ отъ сабельнаго удара, полученнаго въ битвѣ подъ Кулевчей, назывался этотъ начальникъ ватажкомъ; при немъ были: эсаулъ, писарь, скарбникъ и два прикащика, остальные казаки были простыми рабочими. У артели было два воза и нѣсколько лошадей, верховыхъ и вьючныхъ. Всѣ рыбаки были вооружены. Тутъ же солили пойманную рыбу и приготовляли икру; о всякой продажѣ записывалось въ книгу, а деньги вносились въ кассу. При ватагѣ было два старика, которые надзирали за всѣмъ этимъ дѣломъ. Кромѣ того, козаки охотились здѣсь на кабановъ и водяныхъ птицъ, которыхъ на озерахъ было великое множество. Дичью кормились и солили ее въ огромныхъ бочкахъ, которыя отсылали въ Биневле для войска.

По берегамъ озеръ я видѣлъ огромные *баштаны*, на которыхъ, кромѣ арбузовъ и дынь, разводились огурцы и капуста. Огородниками были наемные болгары, такъ какъ обычай не дозволялъ ни одному некрасовцу, какъ члену военнаго товарищества, заниматься земледѣліемъ. Солили огурцы и квасили капусту еврейки, что напомнило мнѣ наши мѣста и обычаи.

Мы посѣтили развалины, или точнѣе груды кирпичей и ямы, оставшіяся отъ семи селеній. Села эти были, вѣроятно, многолюдны и богаты, что было видно по остаткамъ печей и обширныхъ фундаментовъ, но не было видно ни одного фрук-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1892 г. № 9.

товаго дерева. Я думалъ было, что деревья пересажены на новыя мѣста, но мнѣ объяснили, что садоводство такъ же противно обычаямъ, какъ и земледѣліе.

Проживши нѣсколько дней съ козаками—некрасовцами, охотясь съ ними и бесѣдуя, мы убѣдились, что они питаютъ сильную ненависть къ грекамъ, такъ какъ всякій разъ когда Саихъ, котораго они считали грекомъ, выпивалъ изъ какой-нибудь посуды воды или вина, посуду эту уничтожали. Съ нами, напротивъ, они не стѣснялись пить изъ одной посуды. Даже съ евреемъ-корчмаремъ пили вмѣстѣ, но никогда съ грекомъ или армяниномъ, которые были въ ихъ глазахъ нечистыми существами. Съ евреями они обращались такъ же, какъ и поляки: случится бѣда—сейчасъ къ еврею, а миновала бѣда—тѣснятъ еврея.

Мы собрали самыя точныя свѣдѣнія о Биневле, о старшинѣ, обо всемъ товариществѣ и выѣхали въ Мольгары, гдѣ находились конюшни прежнихъ сейменовъ, особаго рода кавалеріи, вербуемой и содержимой правительствомъ. Потомъ сеймены были обращены въ конныхъ жандармовъ и разосланы на службу по разнымъ санджакамъ. У этихъ сейменовъ были огромные табуны лошадей, доходившіе до 4,000 головъ. Изъ этихъ табуновъ выбирались кони для султанской кавалеріи. Мы еще застали нѣсколько сотъ лошадей, которыя продавались за безцѣнокъ. Намъ говорили, что султанъ Махмудъ послалъ было жеребцовъ—першероновъ, желая имѣть изъ этихъ стадъ лошадей для артиллеріи, но эти жеребцы были раскрадены. Огромныя конюшни теперь стояли пустыми и начали приходить въ разрушеніе.

Изъ Мольгары мы поѣхали въ „таликѣ“, родъ крытой повозки, запряженной тройкой лошадей съ привязанными хвостами, чтобы онѣ не могли отгонять мухъ и, побуждаемыя мухами, вмѣсто кнута, бѣжали быстро безъ понуканій лѣниваго возницы. Такимъ образомъ мы доѣхали до Эноса, плохого городка, построеннаго среди болотъ и славившагося своимъ нездоровымъ климатомъ, но въ то время извѣстнаго по торговлѣ. Здѣсь мы заѣхали къ родственнику Сайха, бывшему консуломъ трехъ или четырехъ европейскихъ державъ.

Въ Эносѣ я осмотрѣлъ старую крѣпость, какъ говорили, генуэзскую, взятую во время войны русскими уланами. Въ крѣпости мы застали того самаго коменданта, который допустилъ русскихъ взять ее. Это былъ старый турокъ, израненный во многихъ сраженіяхъ. Онъ разсказывалъ, что какъ только русскіе показались изъ-за болотъ, онъ тотчасъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, которыхъ у него было 6, но стрѣлять изъ нихъ можно было только поочереди, такъ какъ артиллеристовъ было всего 10 человѣкъ, и притомъ только одинъ изъ нихъ умѣлъ наводить пушки. Ядра не брали русскихъ, такъ какъ, по мнѣнію коменданта, русскіе были заговорены, а когда сами русскіе начали пальбу, то первымъ же ядромъ былъ убитъ единственный артиллеристъ, умѣвшій наводить. Тогда комендантъ велѣлъ палить изъ ружей, и хотя въ крѣпости было до 500 человѣкъ, но русскіе все шли да шли. Велѣлъ было онъ имамамъ бросать въ нихъ съ минаретовъ пескомъ, а войску кричать „гайде гитъ!“ (т. е. пошли прочь!), но и это не помогло. Между тѣмъ русскіе сошли съ коней и вступили въ крѣпость. Пришлось сдаться. Русскіе, продолжалъ разсказчикъ, вели себя хорошо, ничего не отнимали, въ мечети и въ гаремы не заходили, даже не выпороли никого.

III.

Дорога изъ Эноса въ Галиполи.—Арнаутскій бей.—Еврей изъ Бердичева—консулъ пяти державъ.—Прибытіе въ Биневле.—Нашъ пріемъ у козаковъ—некрасовцевъ.—Организація, нравы и обычаи некрасовцевъ.

Мы выѣхали изъ Эноса на почтовыхъ лошадяхъ. По дорогѣ къ намъ присоединился какой-то арнаутскій бей со свитой изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, на лошадяхъ, мулахъ, ослахъ и пѣшихъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что его зовутъ Арсланъ-бей, и что онъ ѣдетъ въ Стамбулъ хлопотать о серкердарствѣ. Арнаутъ бывалъ на Корфу, въ Тріестѣ и въ Венеціи и былъ очень пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Въ Галиполи мы остановились въ одномъ и томъ же ханѣ и вмѣстѣ отправились къ губернатору. Выходя отъ губернатора, я встрѣтилъ

запыхавшагося Саиха, который сказалъ мнѣ, что консулъ французскій, испанскій, португальскій и пр. пришелъ ко мнѣ съ поздравленіемъ и подарками, а Равскій засадилъ его ощипывать куръ, грозилъ ему нагайкой, и консулъ повиновался. Бѣдный Саихъ думалъ, что свѣтъ перевернулся вверхъ ногами, и въ его воображеніи уже рисовалось, какъ насъ будутъ четвертовать или сажать на колъ. Я побѣжалъ въ ханъ и что же засталъ? Консулъ столькихъ державъ оказался евреемъ изъ Бердичева, выѣхавшимъ оттуда уже послѣ 1831 года. Одѣтъ онъ былъ по еврейски въ лапсердакѣ, съ пейсами, въ шапкѣ изъ хорьковаго мѣха, но съ широкимъ галуномъ. Въ Бердичевѣ онъ былъ рабочимъ у купчихи Ривки и хорошо зналъ моихъ родныхъ и меня самого. Услышавъ въ конакѣ мою фамилію, онъ пришелъ съ подарками—головой сахару, шестью бутылками вина, бутылкой рому, окомъ кофе и нѣсколькими убитыми курами. Равскій былъ въ припадкѣ „высокой фантазіи“ и, увидѣвъ *нашего* жида, забралъ подарки и велѣлъ ему ощипывать куръ. Слуги консула, при видѣ грознаго усача съ ногайкой въ рукѣ, разбѣжались, а консулъ снялъ шапку съ галунами и сталъ исполнять приказаніе. Самъ же Равскій расхаживалъ по комнатѣ, насвистывалъ и похлопывалъ въ тактъ ногайкой по сапогамъ.

Я сдѣлалъ строгій выговоръ Равскому за его выходку и сталъ извиняться передъ консуломъ, который отнесся къ этой продѣлкѣ снисходительно и потомъ даже подружился съ Равскимъ.

Черезъ три дня мы переправились на азіатскій берегъ, а на разсвѣтѣ слѣдующаго затѣмъ дня пріѣхали въ Биневле. Голая степь простиралась до озеръ, которыя блестѣли, какъ зеркало, на коврѣ зелени, а за ними высились горы, сѣрыя отъ покрывавшихъ ихъ камней и безлистныхъ деревьевъ.

Село Биневле лежало въ пяти верстахъ вправо отъ большой дороги изъ Бандермы въ Михаличъ, тамъ жило козачье войско Игната Некрасова, какъ оно называлось оффиціально. На дорогѣ, которая вела въ селеніе, стояло трое вооруженныхъ конныхъ козаковъ. То была привиллегія этого войска—не допускать въ свое селеніе чужихъ людей. Мы сказали десятнику,

кто мы, и что ѣдемъ въ гости къ войску съ разрѣшенія султана, и показали подорожный фирманъ. Одинъ изъ козаковъ поскакалъ въ селеніе, а мы остались съ двумя другими. Посланный скоро возвратился съ двумя стариками и шестью молодыми козаками. Они пригласили насъ въ село. Когда мы разговаривали съ ними, на ихъ лицахъ выражалось недовѣріе и подозрительность. Мы подъѣхали къ хану, стоявшему въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ села. Здѣсь собралось человѣкъ 300 козаковъ, одни только мужчины, старшина и сельскій атаманъ, по фамиліи Бутиковъ. Они хотѣли насъ накормить, напоить и отпустить въ дальнѣйшій путь, какъ было у нихъ въ обычаѣ поступать съ беями, турецкими чиновниками и болѣе почетными проѣзжими. Послѣ того, какъ я сказалъ, что хочу посѣтить ихъ село, между ними начались толки. Одни принимали насъ за агентовъ русскаго правительства, другіе за запорожцевъ съ Азовскаго моря, которые пріѣхали высмотрѣть, нельзя ли выгнать ихъ отсюда, подобно тому какъ за нѣсколько лѣтъ предъ этимъ выгнали ихъ съ береговъ Дуная, наконецъ, нѣкоторые считали насъ за чиновниковъ Муката-бея, пріѣхавшихъ обревизовать ихъ благосостояніе съ цѣлью обложить ихъ, какъ и прочихъ турецкихъ христіанъ. Въ то время некрасовцы пользовались вольностями и правами, обезпеченными прежними договорами. Одни предлагали отправить насъ подъ конвоемъ въ Бандермы или въ Михалечъ, другіе утопить въ озерѣ. Это послѣднее предложеніе достигло ушей Равскаго, который со страхомъ прибѣжалъ предупредить меня. Саихъ тоже сказалъ мнѣ по французски, что противъ насъ злоумышляютъ, хотятъ утопить насъ въ озерѣ, почему и говорятъ между собою по турецки. Видя это, я тотчасъ праказалъ сируджи взять лошадей, возвратиться въ Бандермы, передать отъ насъ поклонъ губернатору и сказать, что мы остаемся на нѣсколько дней въ Биневле. Это приказаніе было такъ быстро исполнено, что козаки не успѣли опомниться и воспрепятствовать отъѣзду сируджи. Такимъ образомъ мы остались.

Насъ выручилъ козакъ Прокопъ изъ Погребищъ, дезертировавшій изъ русскихъ улановъ, перешедшій въ старообряд-

чество и принятый некрасовцами. Услышавъ мою фамилію, онъ сказалъ, что знаетъ, кто я и откуда, что я польскій шляхтичъ, панъ, который повелъ своихъ козаковъ на войну съ Россіей и довоевался до того, что теперь принужденъ скитаться, какъ и сами некрасовцы.

Шепотъ и разговоры затихли и атаманъ Бутиковъ пригласилъ насъ въ свой домъ.

Село состояло изъ хатъ, очень исправныхъ, похожихъ на наши. Въ каждомъ дворѣ было по двѣ хаты и конюшня, но, кромѣ конюшни, не было ни одного сарая, не было также ни огорода, ни одного дерева, ни изгородей, ни канавъ, отдѣляющихъ одну усадьбу отъ другой. Обычай не дозволялъ войску заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ. Хлѣбъ, овощи, мясо, даже молоко покупалось въ сосѣднихъ греческихъ селахъ, тамъ же снимали въ аренду винокурни, на которыхъ курили для своихъ надобностей водку. Скота не держали, за исключеніемъ лошадей, и то только верховыхъ, хорошей анатолійской породы, красивыхъ и хорошо выѣзженныхъ. Въ селѣ было 4 церкви, но ни одного священника. Для совершенія требъ привозили священниковъ изъ сосѣднихъ селъ и тотчасъ отвозили ихъ обратно. Въ селѣ было 4 дьячка и два старообрядческихъ монаха, которые заботились о церквахъ и отправляли нѣкоторыя церковныя службы. Въ одной изъ церквей хранились знамена и оружіе, въ томъ числѣ вооруженіе атамана Некрасова. Въ другой церкви находился козацкій архивъ: именные списки козаковъ со времени перехода въ Турцію, фирманы съ выраженіемъ благодарности султановъ за военную службу, числомъ 98, переписка атамановъ и войска, книга привиллегій войска, заключавшихся въ свободѣ отъ всякихъ податей и пошлинъ на товары и продукты для удовлетворенія потребностей войска и правѣ свободнаго выбора атамана и старшины. За эти привиллегіи козаки были обязаны выходить на войну на своихъ коняхъ и въ собственномъ вооруженіи, впрочемъ каждый козакъ получалъ 1,000 піастровъ „на подковы“, а во время войны они получали жалованье, провіантъ для себя и фуражъ для лошадей; по окончаніи войны они расходились по домамъ, если же война затяги-

валась надолго, то козаки могли смѣняться. Въ этой же церкви хранилась булава и печать Некрасова и другія булавы, золотыя и серебряныя, осыпанныя драгоцѣнными камнями,—дары султановъ разнымъ атаманамъ; между этими булавами самая богатая дана была султаномъ Махмудомъ атаману Ивану Солтану за войну 1827—28 гг., она была изъ литаго золота; тамъ же хранились печати атамановъ и большая войсковая печать и столъ желѣзный сундукъ съ войсковой казной. По возвращеніи съ рыбной ловли или съ ловли пьявокъ сюда складывали вырученныя деньги вмѣстѣ съ отчетами. Тотчасъ старшина подъ предсѣдательствомъ сельскаго атамана приступала къ распредѣленію денегъ. По уплатѣ суммъ, полученныхъ изъ кассы или занятыхъ для найма озеръ и болотъ, съ процентами, если таковые приходилось платить, и по выплатѣ жалованья и наградъ бывшимъ на работахъ чистый доходъ дѣлился на три части: одна поступала въ кассу на военныя надобности—на вооруженіе и на покупку лошадей; вторая на школы, содержаніе церквей и расходы по отправленію духовныхъ требъ; третья дѣлалась между вдовами, сиротами, ранеными, больными и убогими. Каждый козакъ, торгующій на территоріи ли войска, или внѣ ея, хотя бы въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ, былъ обязанъ вносить $^1/_{20}$ чистой прибыли въ войсковую казну; эти деньги шли на мѣстныя потребности: на уплату жалованья должностнымъ лицамъ, на покупку пожарныхъ инструментовъ, содержаніе богадѣльни и на расходы по сношеніямъ съ турецкимъ правительствомъ. Маніовское озеро было пожаловано войску султаномъ; рыба, которую въ немъ ловили, шла на продовольствіе жителей и не поступала въ продажу.

При третьей церкви была школа, находившаяся въ завѣдываніи монаховъ и дьячковъ. Каждый козаченокъ, отъ 8 до 12 лѣтъ, посѣщалъ ее и обучался чтенію, письму и счету, а также изучалъ Священное писаніе. Съ 12 до 18 лѣтъ учились военному дѣлу подъ руководствомъ опытнѣйшихъ козаковъ. Въ 18 лѣтъ юноша становился козакомъ и могъ идти на войну, съ 30 лѣтъ козаки допускались къ занятію военныхъ должностей, а

въ 50 лѣтъ козакъ становился „старикомъ“ и могъ быть выбранъ въ старшины и въ атаманы, сельскіе или войсковые.

Въ четвертой церкви только отправлялось богослуженіе. При всѣхъ церквахъ были колокольни съ огромными колоколами, въ которые звонили ежедневно утромъ и вечеромъ, а въ праздники весь день, въ случаѣ тревоги также звонили въ колокола и стрѣляли изъ пушекъ.

Въ числѣ правъ некрасовцевъ было право казнить смертью, не сносясь съ турецкими властями, въ трехъ случаяхъ: за преступленія противъ вѣры топили въ озерѣ, привязавъ къ шеѣ камень, за измѣну войску—разстрѣливали, за изнасилованіе женщины, если виновный отказывался загладить свой проступокъ, преступника привязывали обнаженнаго къ столбу и били палками до смерти. Судили старшины, которые исполняли обязанности присяжныхъ.

Постоянныхъ должностныхъ лицъ въ мирное время у некрасовцевъ было немного: сельскій атаманъ и есаулъ. Остальныя обязанности, какъ судебныя, такъ и административныя исполняла старшина. Атаманъ выбирался большинствомъ голосовъ; онъ предлагалъ трехъ кандидатовъ въ есаулы; старшина выбирала одного изъ нихъ тоже по большинству голосовъ. Старикомъ считался каждый, достигшій 50-лѣтняго возраста, если онъ былъ безупреченъ въ домашней и общественной жизни. Когда кто-нибудь изъ козаковъ достигалъ возраста, опредѣленнаго для вступленія въ число стариковъ, то происходило голосованіе, причемъ, если противъ кандидата ставились какія либо обвиненія, онъ обязанъ было опровергнуть ихъ, въ противномъ случаѣ его не зачисляли въ старики, хотя впослѣдствіи за услуги, оказанныя войску на войнѣ или въ мирное время, онъ могъ возстановить свое право на полученіе званія старика и вступить въ ряды старшины. Старики могли отлучаться по собственнымъ дѣламъ, но всегда при войскѣ оставалось 12, по очереди, которые и составляли „раду“ (?).

На случай войны старшина назначала войскового атамана, причемъ принимались во вниманіе военныя заслуги и способности. Войсковой атаманъ сохранялъ свое званіе и въ мирное

время до самой смерти. Такимъ же образомъ назначались: есаулъ, нѣчто въ родѣ адъютанта, писарь—начальникъ штаба, обозный—интендантъ, хорунжій, сотники—т. е. капитаны или ротмистры, терджуманъ, т. е. переводчикъ на турецкій языкъ, и, кромѣ послѣдняго, всѣ они сохраняли свои званія пожизненно и въ случаѣ новой войны, если не совершили никакихъ проступковъ, вступали въ исправленіе своихъ должностей безъ выбора старшины.

При каждомъ отрядѣ некрасовцевъ во время войны было трое стариковъ, которые наблюдали за исполненіемъ обычаевъ и обязанностей и составляли военный судъ. Когда требовалось призвать некрасовцевъ на войну, то опредѣлялось султанскимъ фирманомъ количество пѣхоты и конницы, которое они должны были выставить. По полученіи фирмана всѣ козаки созывались на кругъ, на площади передъ арсеналомъ. Атаманъ и старики сидѣли на скамьяхъ; каждый козакъ, по очереди, подходилъ, кланялся атаману и старикамъ и клалъ у ногъ атамана свою шапку, къ которой была прикрѣплена карточка съ его именемъ. Когда всѣ сложили свои шапки, старики перемѣшивали ихъ палками, съ которыми всегда ходили, и есаулъ, по приказанію атамана, отбиралъ извѣстное количество шапокъ, соотвѣтственно числу козаковъ, указанному въ фирманѣ; потомъ читались имена, составлялся списокъ и вручался войсковому атаману; послѣдній вызывалъ внесенныхъ въ списокъ козаковъ одного за другимъ и отдавалъ каждому его шапку, козакъ кланялся и уходилъ.

Черезъ нѣсколько дней на той же самой площади всѣ, вооруженные и на коняхъ, по одиночкѣ проѣзжали передъ стариками и сельскимъ атаманомъ и каждый спрашивалъ:

— Нѣтъ ли милосердаго человѣка, который взялъ бы на себя попеченіе предъ Богомъ о моей грѣшной душѣ?

Если спрашивающій былъ хорошаго поведенія, то одинъ изъ стариковъ отвѣчалъ:

— Я (имя и прозваніе) беру попеченіе о твоей душѣ передъ Богомъ, буду молиться, чтобы Богъ сохранилъ тебя для покаянія въ грѣхахъ, а ты привези за то намъ военную честь и доброе козацкое имя.

Если козакъ былъ дурного поведенія, то ему отвѣчали молчаніемъ и онъ отъѣзжалъ смущенный, а всѣ были увѣрены, что ему не сносить головы на войнѣ, такъ какъ у него нѣтъ поручителя и богомольца между стариками.

Послѣ этой церемоніи войско съ музыкою, подъ предводительствомъ войскового атамана, выступало въ походъ. Сельскій атаманъ со стариками отправлялся впередъ на границу земли войска, а толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей провожали отправляющихся на войну до границы. На границѣ козаки дефилировали предъ атаманомъ и стариками и продолжали путь далѣе. У некрасовцевъ былъ обычай посылать на караулы, на разъѣзды и пр. всегда трехъ человѣкъ; это дѣлалось на томъ основаніи, что одинъ можетъ погибнуть, двое могутъ сговориться между собою, а съ тремя не случится ничего подобнаго. Всѣ козаки были очень искусны въ джигитовкѣ, стрѣльбѣ, распознаваніи мѣстности днемъ и ночью и во всемъ, что необходимо хорошему солдату въ военное время. Нельзя было выставлять вмѣсто себя въ походъ замѣстителей, а тѣмъ болѣе наемниковъ; всѣ, и богатые и бѣдные, должны были нести службу. Между некрасовцами никогда не встрѣчалось ненекрасовцевъ, и потому на нихъ можно было полагаться, какъ на самихъ себя. Потому то и турки относились къ нимъ съ уваженіемъ.

Субординація и почтеніе къ старшимъ доходили у нихъ до фанатизма, и каждое ихъ нарушеніе считалось измѣной войску и каралось смертью. О дезертирствѣ между некрасовцами не было и слышно, какъ не было слышно, чтобы кто нибудь утаилъ войсковыя деньги или не уплатилъ того, что слѣдовало въ войсковую кассу, хотя у нихъ не было никакого контроля кромѣ собственной добросовѣстности.

Не было между некрасовцами зависти, интригъ и доносовъ, какъ въ другихъ обществахъ. У нихъ господствовала полная солидарность: каждый отвѣчалъ за всѣхъ и всѣ за каждаго. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда въ Биневле, козацкая дѣвушка, возвращаясь одна изъ Бандермы въ Биневле, подверглась нападенію одного изъ беевъ, владѣльца хутора, лежавшаго по дорогѣ. Она была приведена на хуторъ и изнасило-

вана. Возвратившись домой, она принесла жалобу сельскому атаману и старикамъ. Тотчасъ атаманъ и 40 стариковъ сѣли на коней и отправились на хуторъ, нашли тамъ бея, и удостовѣрясь въ его виновности, застрѣлили; каждый изъ нихъ всадилъ въ бея свою пулю. Затѣмъ они поѣхали въ Бандермы къ губернатору и заявили ему, что убили свинью, такъ какъ застрѣлили бея, поступившаго подобно свиньѣ, что убили его всѣ 41 и что 41 пулю можно найти въ его трупѣ и, если очищеніе края и общества отъ такихъ свиней есть преступленіе, то они отдаются въ распоряженіе султанскихъ властей. Губернаторъ отпустилъ ихъ и только донесъ о случившемся сераскиру, подъ непосредственнымъ начальствомъ котораго состояли козаки. Сераскиромъ былъ тогда Риза-паша. Дѣло было замято. По причинѣ такой солидарности некрасовцы пользовались вездѣ уваженіемъ. Ѣздили они всегда вооруженными, какъ солдаты султана.

Женились некрасовцы только на своихъ женщинахъ. Иногда они принимали въ свое общество и въ свою вѣру и другихъ козаковъ, но для этого требовалось много времени или особенная случайность, гдѣ бы неофитъ доказалъ отвагу, честность и пользу, которую онъ могъ бы принести войску. Иногда они принимали и женщинъ изъ Добруджи, съ Дону и съ Украйны, но всегда только козачекъ.

Некрасовцы были всѣ старообрядцы, но духовенство у нихъ, въ противоположность старообрядцамъ Добруджи, не пользовалось никакимъ вліяніемъ.

На пирушкахъ, на которыя насъ, во все время пребыванія нашего въ Биневле, всегда приглашали, присутствовали всѣ, достигшіе тридцатилѣтняго возраста, безъ различія званій; молодые люди прислуживали. Предъ началомъ пиршества есаулъ громко провозглашалъ, что нельзя хулить Бога и Его святую вѣру и позорить честь женщинъ. Послѣ этого усаживались за столы. Угощеніе уже было на столѣ. Оно состояло изъ супа съ рыбой и съ клецками, изъ рыбы жареной и соленой съ разными приправами, икры, варениковъ съ сыромъ, пшенной каши на молокѣ, а иногда изъ жаренаго мяса и печеній съ сахаромъ

или медомъ, часто съ приправой изъ мака и молока. Наѣдались досыта, запивая водкой или виномъ изъ огромной общей кружки, стеклянной или жестяной; по случаю нашего пріѣзда достали изъ войскового сундука серебряный кубокъ. Начиналъ пить сельскій атаманъ и затѣмъ кубокъ, переходя изъ рукъ въ руки, обходилъ столъ, опоражнивался и снова наполнялся, такъ какъ каждому предоставлялось пить сколько угодно, пока не доходилъ опять до атамана; тогда начиналась снова круговая. Во время нашего пребыванія атаманъ уступилъ мнѣ честь начинать круговую, и я долженъ былъ отпивать изъ каждаго кубка. Мы были свидѣтелями, какъ одинъ козакъ за употребленіе неприличнаго ругательства былъ выведенъ есауломъ за воротъ изъ-за стола и передъ дверями получилъ 30 палочныхъ ударовъ. Если наказанный не унимался, то число ударовъ удвоивалось, а послѣ третьяго проступка его оставляли на дворѣ закованнымъ на всю ночь. Послѣ каждаго наказанія онъ долженъ былъ благодарить атамана и стариковъ. На этихъ пиршествахъ просиживали большую часть дня и ночи; одни приходили, другіе уходили. Водки и вина выпивалось безъ мѣры. Есаулъ не садился за столъ, а прохаживался вокругъ него съ палкой и наблюдалъ за порядкомъ.

Тѣлесныя наказанія примѣнялись довольно часто и къ мужчинамъ и къ женщинамъ, употреблялись кромѣ того кандалы. Неисправимыхъ развратныхъ женщинъ привязывали за одну ногу къ колодѣ и били батогами съ крикомъ: „вью, вью!“ до тѣхъ поръ, пока привязанная или стаскивала колоду съ мѣста, или падала въ изнеможеніи; тогда прекращали наказаніе и отпускали преступницу на волю.

Женщинъ не запирали и не скрывали, но не допускали на пирушки, гдѣ присутствовали только мужчины. Но если женщинамъ приходилось бывать при попойкахъ, то онѣ пили какъ слѣдуетъ. Въ корчмѣ онѣ могли пить и танцовать вмѣстѣ съ мужчинами.

Одна вещь очень удивила насъ въ Биневле. Тамъ не было ни одного еврея, хотя была корчма, гдѣ вино и водка лились потоками, и некрасовцы не чувствовали такого презрѣнія къ

евреямъ, какъ къ грекамъ и армянамъ. Корчмаремъ и торговцемъ въ Биневле были два брата волоха, которые много зарабатывали, но много и терпѣли и отъ отдѣльныхъ лицъ, и отъ начальства.

Военнымъ упражненіямъ молодежи очень способствовало сосѣдство съ черкесами, поселенія которыхъ находились въ горахъ, такъ называемыхъ Маніовскихъ, къ сѣверо-востоку отъ озера. Черкесы, какъ народъ безпокойный и прирожденные воры, причиняли много вреда козакамъ, козаки ихъ строго наказывали; дѣло доходило до схватокъ, экспедицій въ горы и нападеній на черкесскіе аулы; люди гибли и съ одной и съ другой стороны. Власти смотрѣли на это сквозь пальцы: пусть де учатся военному дѣлу—будутъ готовые солдаты. При насъ, съ цѣлью показать намъ и это зрѣлище, 60 молодцовъ подъ предводительствомъ молодого козака, по прозвищу Чижика, отправилось, по ихъ выраженію, „на погулянку"; не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ мы услышали выстрѣлы. Даже невооруженнымъ глазомъ, а еще лучше въ бинокль, видны были черкесы на горахъ, поросшихъ кустарникомъ и покрытыхъ камнями, видѣнъ былъ и дымъ отъ выстрѣловъ. Вечеромъ козаки возвратились; четверо было убито, а восемь ранено; возвратившіеся утверждали, что 16 черкесовъ пали въ бою и дѣйствительно они привели 16 лошадей. Убитыхъ похоронили, объ экспедиціи поговорили на вечерней пирушкѣ, а на другой день о ней уже и не вспоминали. Не было никакого протеста со стороны властей, никакого слѣдствія: козаки и черкесы не были ни турками, ни райею, платящею подати и десятину, значитъ для правительства не было никакого ущерба—пусть ихъ дерутся, сколько угодно.

Прозванія у некрасовцевъ, какъ и на Дону, великорусскія—Бутиковъ, Мазановъ, Ефремовъ, Евсеевъ и т. п. Называютъ другъ друга они всегда по имени и отечеству. Вмѣсто гербовъ они употребляютъ печати съ вырѣзанными по турецки именемъ и фамиліей; эти печати нужны имъ для торговыхъ договоровъ и при сношеніяхъ съ правительствомъ; они носятъ печати всегда при себѣ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ широкихъ шароваръ, кафтана и барашковой шапки съ золотымъ галуномъ, а иногда и съ золотой кисточкой. Женщины одѣваются такъ же, какъ и на Дону: на головахъ носятъ русскіе кокошники, любятъ яркіе цвѣта, блестящія украшенія, кораллы и драгоцѣнные камни. Во всѣхъ домахъ большое количество ковровъ, въ нѣкоторыхъ домахъ есть и перины. Въ каждомъ домѣ есть особая комната для гостей, убранная по турецки и уставленная софами. Въ домахъ множество образовъ въ серебряныхъ и золоченныхъ ризахъ, большею частью кіевской работы. Эти образа покрываютъ всю переднюю стѣну и каждый приходящій дѣлаетъ предъ ними три поклона. Крестятся некрасовцы постоянно— передъ и послѣ ѣды и питья, при входѣ и при выходѣ. Если въ домѣ находятся люди, которыхъ считаютъ нечистыми, то образа закрываютъ полотенцами или платками. Въ нашемъ присутствіи этого не дѣлали, что было лучшимъ доказательствомъ дружелюбнаго къ намъ отношенія.

Однимъ словомъ, некрасовцы остались тѣми же, какими вышли нѣкогда съ Дону. Они нисколько не измѣнили обычаевъ своихъ предковъ, и если бы кто нибудь изъ товарищей Некрасова могъ проснуться на берегахъ Маніовскаго озера, онъ не нашелъ бы никакихъ перемѣнъ, кромѣ новой мѣстности. Это славянское племя сохранило все и не утратило ничего изъ наслѣдія предковъ. Ни одинъ фаланстеръ не могъ дойти до такой степени единенія и согласія всѣхъ. Это единеніе и эта общественная связь были ихъ силой. Поэтому то и въ изгнаніи они не перестали быть козаками, были въ чести у всѣхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, извѣстія и замѣтки.

На родинѣ Кармалюка. О знаменитомъ разбойникѣ Кармалюкѣ циркулируетъ въ народѣ множество преданій. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ «Кіевской Старинѣ», равно какъ и пѣсни о немъ [1]); кромѣ того, въ этомъ же журналѣ помѣщенъ въ переводѣ разсказъ о Кармалюкѣ польскаго писателя Ролле [2]), составленный по архивнымъ матеріаламъ.

Кармалюкъ—уроженецъ с. Головчинцы литинскаго у. подольской г. Намъ доставлены свѣдѣнія о его потомствѣ, разсказы о немъ и варіантъ извѣстной и раньше пѣсни о Кармалюкѣ, собранныя и записанныя въ самыхъ Головчинцахъ; варіантъ пѣсни отличается нѣкоторыми любопытными подробностями; преданія же отражаютъ въ себѣ отношеніе народа къ популярному разбойнику и рисуютъ его личность со стороны семейныхъ его чувствъ, которыя выражены также и въ извѣстной пѣснѣ. При веей своей краткости, о которой стоитъ пожалѣть, предлагаемое сообщеніе, полагаемъ, не будетъ лишено интереса именно вслѣдствіе того, что оно происходитъ изъ с. Головчинцы и потому стоитъ ближе къ источнику истины.

Хата Кармалюка, которую самъ онъ построилъ, цѣла и до сихъ поръ; она стоитъ посреди двора и окружена густымъ садомъ. Въ Головчинцахъ живутъ его внуки, которые чаще прозываются Кармаланами—прозвищемъ, вѣроятно, представляющимъ собою сокращеніе и осмысленіе фамиліи Кармалюкъ, хотя мѣстными жителями считается древнѣйшимъ по сравненію съ послѣднею. Всѣ они видные, высокаго роста, брюнеты, смотрятъ исподлобья; всѣ они люди очень бо-

---

[1]) 1882 г. № 10, 1883 г. № 2 и 6, 1884 г. № 4, 1886 г. № 6 и 7, 1887 г. № 11.

[2]) 1886 г. № 3.

гатые, но пользуются среди односельчанъ дурной репутаціей; одного изъ сыновей разбойника крестьяне убили за какія то предосудительныя продѣлки.

Самъ разбойникъ Кармалюкъ отличался видной и красивой наружностью. Онъ служилъ у тогдашняго владѣльца Головчинецъ, пана Пигловскаго, который его бралъ съ собою въ Галицію.

Своимъ всегда неожиданнымъ появленіемъ у богатыхъ мужиковъ и помѣщиковъ онъ наводилъ паническій страхъ; «хто его зна—говорятъ про него—скризь и двери заперты, а винъ пройде». Онъ прямо опредѣлялъ сумму денегъ, какую хотѣлъ получить, и, если ихъ выдавали безпрекословно, благодарилъ и уходилъ, а если нѣтъ, то прибѣгалъ къ убійству или поджогу. Тѣмъ не менѣе, крестьяне благоговѣйно хранятъ его память. «Его самъ Богъославъ для бидныхъ людей, говорила старуха Явдоха Рижнычка: бувало, принесе торбинку грошей, покладе на викни бидному и уйде, и хто его зна—якъ, нихто и не побачить. Люде кажуть, замѣчала она, що винъ по вулыци не ходывъ, а перелазывъ черезъ хаты. А то де котри и бачили его, якъ винъ кладе на викно гроши».

Жилъ онъ постоянно въ лѣсахъ, большею частію на вершинахъ деревьевъ и оттуда внезапно и быстро, какъ орелъ, налеталъ то на одно, то на другое село.

Жена его съ дочерью жили въ Головчинцахъ. Въ день свадьбы дочери, когда въ хату набралось много народа и «весилья» было въ полномъ разгарѣ, вдругъ является Кармалюкъ. Всѣ были страшно смущены, потому что отъ полиціи данъ былъ строгій приказъ ловить его. Кармалюкъ поздоровался со всѣми, поцѣловалъ жену, дочь и зятя, взялъ штофъ водки и началъ угощать присутствующихъ. Потомъ вынулъ изъ кармана свертокъ, высыпалъ изъ него на столъ червонцы и сказалъ дочери: «це тоби на хазяйство, дай Боже, щобъ ты була щастлыва; я знаю, шо куды я не прійду, скризь одъ мене люде тикають, а я ихъ люблю; я нещастный; дай Боже, дочко, шобъ ты була щастливійшъ за мене»,—вытеръ рукавомъ слезы и вышелъ. Сидѣвшіе въ хатѣ видѣли, какъ онъ вышелъ въ двери, но изъ бывшихъ во дворѣ никто его не видѣлъ.

Извѣстная пѣсня о Кармалюкѣ въ Головчинцахъ поется такъ:

Служивъ це я въ Галиціи
Въ казенной палати,
Розсердився панъ на мене,
Та й виддавъ въ солдаты.

„Кармалюку, вражій сыну,
Шо зъ тобою буде,
Я тебе оддавъ въ солдаты,
Служи, такъ якъ люде“.

А въ солдатахъ служба тяжка,
Мушу привыкаты,
А самъ таку думку маю,
Шо треба втикаты.
Иду степомъ-дорогою,
Самъ собі гадаю,
Шо я зъ Москвы у Варшаву
Дороги не знаю.
А Кармалюкъ гарный хлопець
Де по свиту ходыть,
Не одную дивчиноньку
Изъ розуму зводыть.
Не одную дивчиноньку,
Не одную вдову,
Щасливую, вродливую
Та ще й чорноброву.
Кажуть люде и говорять,
Шо я розбиваю,
Я жъ никого не вбиваю,
Бо самъ душу маю.
Богатого обдираю,
А бидному даю,
Идно зъ другимъ пощитаты—
То й гриха не маю.
Маю жинку, маю диты,
Та я ихъ не бачу,
Якъ згадаю про ихъ життя,
Самъ гирко заплачу.
Маю хлопцивъ я хорошихъ,
Та що кому зъ того,
Засядаю край дороги,
Жду подорожнего.
Чи хто иде, чи не иде,
Мусимъ дожидаты,
Якъ немае запасного,
Треба пропадаты.
На Сибири сонце сходыть,
Хлопци, (не)зивайте,
А на мене, Кармалюка
Всю надію майте.
Пишовъ бы я рано въ городъ,
Боюсь станового,
Бо тамъ соцки та десяцки,
Посланы видъ него,
Препоганый звычай мають,
По базари шляцця.
Про ихъ люде добре знають,
Якъ чортивъ бояцця.
Тянуть мене за рукава,
Сажають за грати
На тимъ мисци выпускають,
Абы мавъ що даты.
На допросахъ гроши беруть,
Ажъ кишенямъ тисно,
А Кармалюкъ—добрый хлопець,
Всему свиту звисно.
Оце писня Кармалюцька!
А хто хоче знаты.
Нехай прійме силько горя,
Та й буде спиваты.

Сообщилъ **В. Я.**

Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. Ни Бант.-Каменскій, ни Маркевичъ не упоминаютъ объ этомъ участіи, а между тѣмъ изъ «аттестатовъ», выпрошенныхъ у разнаго начальства участвовавшими въ этомъ походѣ малороссіянами[1]) видно, что въ составъ войскъ, посланныхъ

[1]) Малороссіяне втор. пол. XVIII в. постоянно выпрашивали такіе аттестаты, у разныхъ великорусскихъ начальниковъ отрядовъ, въ составъ которыхъ попадали просители, чтобы затѣмъ представлять эти документы—или при просьбахъ о повышеніи чинами (во время управленія Румянцева) или—въ доказательство „благороднаго“ своего происхожденія, при хлопотахъ о дворянствѣ.

«для истребленія злодѣя и самозванца Пугачева и его толпъ», входилъ и «тысячный отрядъ» малороссійскихъ козаковъ подъ начальствомъ прилуцкаго полковника Якубовича. Малороссійскій отрядъ составленъ былъ изъ разныхъ полковъ, причемъ и старшинами были назначены въ этотъ отрядъ урядники разныхъ полковъ; такъ, обознымъ былъ—стародубскій обозный Кондратъ Лайкевичъ, хорунжимъ—нѣжинскій хорунжій Прокофій Адасовскій и др. Отрядъ этотъ былъ посланъ на востокъ въ январѣ 1774 г. и оставался тамъ, въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, до лѣта 1781 г., т. е. болѣе семи лѣтъ. Послѣ усмиренія бунта, малороссійскіе козаки, повидимому, были расквартированы по оренбургскимъ крѣпостямъ, въ помощь тамошнимъ гарнизонамъ; такъ можно заключить, читая, напр., слѣдующій аттестатъ: «Атестатъ... данъ сей отъ секундъ-маіора и черноръчецкой крѣпости коменданта Соболевича находившемуся въ оной крѣпости малороссійскаго войска лубенского полку сотенному атаману Емельяну Трамку о томъ, что будучи онъ въ оной крѣпости чрезъ двое лѣтъ на винтеръ-квартирахъ, содержалъ себе и команду порядочно...» (май, 1781 г.).

А. Л.

Къ исторіи Владиміро-Волынскаго базиліанскаго училища.

Въ связи съ помѣщенными въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «К. Старины» воспоминаніями священника о. Никифора Хмѣлевскаго о базиліанскомъ училищѣ въ г. Умани, считаемъ умѣстнымъ передать здѣсь слышанныя нами отъ недавно умершаго священника Васильевской церкви въ г. Владимірѣ-Волынскомъ о. Даніила Левицкаго воспоминанія о его пребываніи во Владиміро-Волынскомъ базиліанскомъ училищѣ. Исторія этого училища изложена, между прочимъ, въ VI главѣ недавно изданнаго нами «Историческаго Описанія Владиміро-Волынскаго Успенскаго (Мстиславова) храма», воспоминанія же о. Даніила Левицкаго относятся къ послѣднимъ годамъ (1829—30) существованія этой нѣкогда знаменитой школы. Онъ учился здѣсь всего лишь $1^1/_2$ года въ I классѣ, и этимъ объясняется нѣкоторая скудость его воспоминаній.

Владимірское базиліанское училище состояло изъ 5-ти классовъ; первые четыре класса по программамъ почти соотвѣтствовали курсу бывшихъ уѣздныхъ училищъ. Классы были однолѣтніе. Послѣднимъ ректоромъ былъ настоятель Христорождественскаго монастыря (при

которомъ находилось училище) Игнатій Башнянскій. Профессорами были: математики и нѣмецкаго языка Народославскій (свѣтскій); французскаго языка Миллеръ (тоже свѣтскій); физику преподавалъ іеромонахъ Правосудовичъ, воспитанникъ Виленскаго университета; латинскій языкъ—іеромонахъ Юліанъ Левицкій, воспитанникъ того же университета; географію и каллиграфію — монахъ Заваличъ; русскій и славянскій языкъ—полякъ Сильвестръ Шумакевичъ (свѣтскій); Законъ Божій (уніатскій)—священникъ Іоанникій Козачевскій, знаменитый въ свое время проповѣдникъ, впослѣдствіи перешедшій въ православіе. Конечно, преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ происходило на польскомъ языкѣ.

При монастырѣ существовалъ конвиктъ, въ которомъ въ 1830 году жило всего лишь 7 учениковъ; остальные помѣщались на частныхъ квартирахъ. Въ числѣ ихъ были дѣти помѣщиковъ, духовенства и мѣщанъ. Хотя въ школѣ всѣ должны были говорить по польски, но въ частныхъ отношеніяхъ между собою большинство учащихся употребляло родной языкъ — малороссійскій, и только помѣщичьи дѣти считали неприличнымъ говорить «по хлопски», по поводу чего между учащимися нерѣдко возникали сословно-національныя распри.

По вѣроисповѣданію ученики раздѣлялись на уніатовъ (большинство) и католиковъ (меньшиство), православныхъ же совсѣмъ не было. Тѣмъ не менѣе и католики должны были присутствовать при богослуженіяхъ въ монастырской (уніатской) церкви и даже участвовать въ пѣніи на клиросахъ. Органа въ церкви не было, но въ торжественныхъ случаяхъ хоръ студентовъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ струнныхъ и духовыхъ инструментовъ.

Въ большой училищной залѣ устроена была сцена, на которой студенты разыгрывали пьесы. Свидѣтель не могъ припомнить, чтобы при немъ происходили сценическія представленія, но слыхалъ, что передъ его поступленіемъ часто играли пьесу «Донъ-Жуанъ».

Въ февралѣ 1830 года, по случаю холеры, училище было временно закрыто; но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ польскій мятежъ, то оно никогда и не было болѣе открываемо, и лишь въ 1869 году во Владимірѣ учреждено было городское двухклассное училище, существующее и въ настоящее время.

О. Л.

Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину [1]). Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Алексѣй Иракліевичъ!

Смѣлость моя прибѣгнуть къ Вашей благосклонности, можетъ быть, вовсе неумѣстна; но я рѣшился позволить себѣ оную единственно изъ надежды на Ваше добродушіе и память. Осмѣливаясь думать, что, можетъ быть, фамилія Срезневскаго, покойнаго родителя моего, не забыта Вашимъ Превосходительствомъ, я льщу себя надеждою, что и нынѣ буду осчастливленъ отъ Васъ тѣми ласками, коими пользовался въ дѣтствѣ.

Могу ли надѣяться, что Вы, по великодушію своему, простите дерзость мою, и удостоите милостивымъ вниманіемъ мою покорнѣйшую просьбу.

Уже семь лѣтъ я занимаюсь Исторіей Украины и Запорожья, сколько могъ прилежнѣе собиралъ для оной матерьялы доселѣ еще никому по большей части неизвѣстные, исключая памяти народной и немногихъ любителей старинныхъ рукописей,—собиралъ, сводилъ, свѣрялъ, съ цѣлью принести впослѣдствіи времени хотя нѣсколько лептовъ въ пользу той страны, которой обязанъ всѣмъ, кромѣ жизни. Я рѣшился наконецъ начать свой трудъ—и предпринялъ изданіе *Запорожской старины*, которая, знакомя читателей съ нравственно-политическимъ бытомъ войска Запорожскаго—этой души всей Украины въ XVI и XVII вѣкахъ, должна вмѣстѣ съ симъ пояснить Исторію Украины, развернуть ее съ другой, можетъ быть, обширнѣйшей стороны, раскрыть оную въ гораздо большемъ объемѣ.—Все изданіе должно составить девять частей и около 20 дополнительныхъ тетрадей. Я начинаю первыми тремя, въ коихъ раскрываю состояніе Украины и Запорожья до Богдана Хмельницкаго.

---

[1]) Настоящее письмо Изм. Ив. Срезневскаго писано къ А. И. Левшину въ бытность послѣдняго градоначальникомъ города Одессы. Сообщено намъ *Николаемъ Григорьевичемъ Тройницкимъ*, старымъ одесскимъ литераторомъ, бывшимъ когда-то (вмѣстѣ съ братомъ своимъ А. Г. Тройницкимъ) редакторомъ *Одесскаго Вѣстника*. А. И. Левшинъ передалъ письмо Изм. Ив. Срезневскаго Н. И. Тройницкому для напечатанія объявленія о *Запорожской старинѣ* въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*. Къ письму Срезневскаго приложенъ былъ печатный *билетъ* на полученіе 1, 2, и 3 кн. *Зап. старины* и выписанное на билетѣ собственноручно Срезневскимъ содержаніе этихъ книжекъ.—Ал. Ир. Левшинъ (род. 1796 г.) умеръ въ 1879 г. 16-го сент. членомъ Государст. Совѣта; передъ этимъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.—Изм. Ив. Срезневскій академикъ, проф. Спб. Унив. (род. 1812 г. умеръ 9 февр. 1880 г.).

Желая сдѣлать изданіе книгъ моихъ хотя нѣсколько достойнымъ предмета оныхъ, и между тѣмъ по ограниченности состоянія не имѣя возможности пожертвовать на это большими издержками, я рѣшился открыть подписку.

Ваше Превосходительство, можетъ быть, угадываете, въ чемъ состоитъ просьба моя,—просьба человѣка, который на своей сторонѣ имѣетъ одно только глубокое уваженіе къ особѣ Вашей, и надежду, что Вы, какъ сами Литераторъ [1]), и какъ покровитель Наукъ и Литературы, и какъ Украинецъ, можетъ быть, удостоите и мой трудъ хотя слабымъ вниманіемъ, и еще одну надежду—надежду, что Вы, по крайней мѣрѣ извините дерзость мою.

Прилагая при семъ одинъ билетъ на первую подписку Запорожской старины, осмѣливаюсь покорнѣйше просить милостиваго распоряженія Вашего Превосходительства по управляемой Вами части объ изданіи моемъ, на счетъ объявленія объ оном. Если будутъ желающіе подписаться на мое изданіе,—то да благоволятъ адресоваться на имя кандидата Срезневскаго въ Харьковѣ. Я не осмѣлился приложить какого бы то ни было количества билетовъ при семъ письмѣ, боясь Васъ обезпокоить слишкомъ, и не вполнѣ будучи увѣренъ, буду ли удостоенъ Вашего вниманія; а потому рѣшился ожидать на это Вашего приказанія.

Счастливъ, если Ваше Превосходительство не оставите безъ благосклонности того, который, свидѣтельствуя Вашему Превосходительству свое глубочайшее почтеніе, имѣетъ честь быть

Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою
Измаилъ Срезневскій.

Сообщилъ **Левъ Мацѣевичъ**.

Харьковъ.
1833 г. сентября 2 дня.

О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. Въ бывшей Вишневецкой картинной галлереѣ вниманіе посѣтителя обращала на себя большихъ размѣровъ картина, изображавшая бунтъ 1606 г. подъ Сандомиромъ и озаглавленная: «*Rokosz, albo facies reipublicae sub regimini Sigismundi III, anno 1606, pod Sandomirszem*». Кар-

[1]) Первой изданной А. И. Левшинымъ книгой были: „Письма изъ Малороссіи". Харьковъ. 1816 г.

тина представляетъ рядъ отдѣльныхъ аллегорическихъ изображеній, расположенныхъ неправильными поясами въ такомъ порядкѣ.

I. Съ лѣвой отъ зрителя стороны:

1) Вверху слишкомъ потертое мѣсто позволяетъ разобрать группу поляковъ, среди которыхъ выдѣляются двѣ фигуры—магната и бискупа (въ облаченіи, съ жезломъ въ рукахъ). Магнатъ держитъ знамя и цѣпь. Подъ изображеніемъ стертая надпись: . . . . . «*is conatus*».

2) Цѣпь спускается внизъ и обхватываетъ повозку (польскую бричку), запряженную парою лошадей. Лошади путаются, бричка, повидимому, низвергается внизъ. Въ ней сидитъ другая группа людей. Надъ ихъ головами надпись «*res nostrae labentes!*»

3) Ниже повозки—два тигра. Одинъ въ полулежачемъ положеніи съ человѣческимъ лицомъ; надъ нимъ надпись: «*tigride velocius*». Другой (тигръ-ли?) въ стоячемъ,—подпись: «*voraco, sive ruina perditionis*».

II. Въ срединѣ.

4) Вверху. На двухъ лавкахъ сидятъ другъ противъ друга съ одной стороны—семеро духовныхъ лицъ въ тіарахъ, изъ нихъ трое съ жезлами, съ другой—семеро свѣтскихъ. У тѣхъ и другихъ глаза закрыты. Собраніе спитъ. Впереди—изображеніе стоящаго поляка, держащаго въ рукѣ надпись: «*deliberatio senatorum somnolenta*».

5) За спящими сенаторами книжки, поставленныя въ рядъ, возлѣ книгъ лисица, надъ нею: «*simulata amititia*».

6) Ниже лисицы волкъ (?), надъ нимъ надпись: «*praetextus. boni effectus*»....

7) Въ самомъ низу—погребальный катафалкъ, на немъ—трупъ епископа въ тіарѣ, надъ нимъ вверху евангеліе. Между катафалкомъ и евангеліемъ надпись; «*Zbyszek mortuus, veritatis imago*».

III. Съ правой отъ зрителя стороны.

8) Вверху—группа всадниковъ, солдатъ съ распущенными четырьмя знаменами.—На знаменахъ надписи: a) «*licentia*», b) «*contemptus regis*», c) «*abusus legis*», d) «*confusio fratrum*». Подъ всадниками: «*res nostrae discordia ad meliorem statum tendentes testudine tardius*».

9) Подъ всадниками—черепаха и возъ. Въ возъ впряжены двѣ лошади, но онѣ тянутъ въ различныя стороны; на возу царскія регаліи и надпись: «*pecatum*».

10) Внизу подъ всадниками и возомъ разбита палатка, возлѣ нея войска съ оружіемъ и музыкою. Впереди козакъ съ булавою. На

развѣвающемся знамени надпись: «*rocosz*». У входа палатки крестъ и орелъ на древкѣ. Надпись: «*ovanam, sive viribus iram*».

Надъ всѣмъ этимъ въ самомъ верху картины, посрединѣ, изображенъ столъ. На немъ—крестъ, чаша, корона и скипетръ. За столомъ сидятъ магнаты; средній изъ нихъ держитъ мечь. Къ столу подходитъ бискупъ съ жезломъ въ одной рукѣ и ключемъ въ другой. Передъ столомъ—козакъ съ протянутой рукой, надъ столомъ надпись: «*ira Dei*».

Другая картина, стоявшая не вдалекѣ отъ первой, представляла «*campus electorialis, in quo exhibetur audientia nuntii Sedis Apostolicae ex occasione electionis serenissimi Stanislavi Augusti Regis Poloniae, ducis Lituaniae, anno 1764*».

Кромѣ изображеній сеймовъ, разныхъ аудіенцій и элекцій, въ вишневецкомъ замкѣ хранилось множество портретовъ польскихъ королей, начиная съ древнѣйшихъ временъ существованія Польши. Этими портретами былъ уставленъ одинъ изъ обширныхъ залъ замка. Здѣсь были воспроизведены въ лицахъ династіи еще языческой Польши Лешковъ и Поппелей (VI и VII в.), начиная отъ родоначальника этихъ династій Леска перваго, брата герцога богемскаго. Подъ изображеніемъ Леска III подпись: «*ex privato ad principatum ellectus est, guia fraudem Lesconis secundi detexit*»—Леска IV: «*filius Lesc. III, princeps bellicosus ac varius expeditionibus, clarus, contra Carolum magnum Silesitis, assistit et bellum cessit. Occubuit 815, regnavit ann. 9*». Тамъ-же находился портретъ съ подписью: «*Vismirius, nepos Lechi Primi... Plurima bella cessit cum Daniis Vismiriam urbem condidit. Regnavit anno 30*».

Рядъ христіанскихъ королей начинался Мечиславомъ I, представленнымъ на картинѣ въ вѣнцемъ на головѣ и крестомъ въ рукахъ; а оканчивается послѣднимъ польскимъ королемъ.

Кромѣ лицъ царствовавшихъ династій, здѣсь было много картинъ разныхъ историческихъ героевъ Польши какъ древняго, такъ и новаго времени. Одинъ изъ типичныхъ и выразительныхъ портретовъ—это портретъ Анны Ходкевичъ Мнишекъ, воеводины волынской: небольшой портретъ, писанный въ недавнее время, замѣчателенъ своей художественной отдѣлкой и психической экспрессіей лица.

Съ 1888 года, когда намъ довелось осматривать достопримѣчательности вишневецкаго замка, произошло не мало перемѣнъ. Вишневецкое имѣніе, находившееся долгое время въ спорѣ, перешло отъ Плятера къ Толли, а отъ Толли къ кн. Кочубею. По газетнымъ

слухамъ, картины вишневецкаго замка предназначались въ одинъ изъ кіевскихъ музеевъ. По другимъ слухамъ, много картинъ и древностей было продано съ публичнаго торга, и еще больше, должно думать, расхищено, благодаря нестрогому надзору за ними дворецкаго. Съ своей стороны, мы лично можемъ удостовѣрить крайне небрежный надзоръ за историческими цѣнностями вишневецкаго замка. Намъ приходилось видѣть въ 1888 году не мало картинъ историческаго содержанія, полинялыхъ, выцвѣтшихъ отъ времени, сваленныхъ въ какомъ нибудь углу и предоставленныхъ гніенію. Желательно, чтобы, по крайней мѣрѣ, уцѣлѣвшая часть вишневецкихъ картинъ попала въ надежныя руки [1]).

Ѳ. Кудринскій.

Мои воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября сего года Исидорѣ, митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ.

Въ Бозѣ почившій митрополитъ Исидоръ состоялъ на кіевской каѳедрѣ два года, три мѣсяца и шесть дней. Назначеніе его изъ экзарховъ Грузіи на кіевскую митрополію послѣдовало 31 марта 1858 года, а перемѣщеніе на петербургскую каѳедру состоялось 6 іюля 1860 года. Не смотря на кратковременное управленіе кіевскою паствою, онъ оставилъ въ ней весьма добрую память о себѣ. Я принимаю на себя трудъ написать объ этомъ святителѣ только то, о чемъ не писано въ кіевскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Имя митрополита Исидора должно быть записано золотыми буквами въ лѣтопись Кіево-Кирилловской Св.-Троицкой церкви, состоящей при богоугодныхъ заведеніяхъ кіевскаго приказа Общественнаго призрѣнія. По усиленнымъ просьбамъ бывшаго настоятеля сей церкви о. Петра Орловскаго, Министръ Внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковъ ассигновалъ изъ суммъ упомянутаго Приказа деньги на ремонтировку ея. Къ ремонтировкѣ храма Божія было приступлено въ концѣ мая 1859 года. Когда штукатуры скребалками своими начали очищать отъ побѣлки стѣны внутри храма, на нихъ показались довольно отчетливо сохранившіеся фрески, имѣвшіе, по характеру иконописи, весьма значительное сходство съ фресками Кіево-Софійскаго собора. Отецъ Орловскій, по долгу своему, словесно доложилъ объ этомъ возвратившемуся въ Кіевъ, послѣ обо-

---

[1]) Въ настоящее время часть ихъ находится въ распоряженіи Кіевской Городской Думы.—Ред.

зрѣнія епархіи, преосвященному Исидору и просилъ его спасти дорогое открытіе, которое скребалками невѣжественныхъ штукатуровъ дня чрезъ два-три могло быть совершенно испорчено. Выслушавши такой докладъ, архипастырь послалъ о. Орловскаго къ генералъ-губернатору князю Васильчикову съ просьбою, отъ его имени, немедленно пріостановить внутреннія работы въ храмѣ Божіемъ до надлежащаго осмотра показавшихся фресковъ, а къ протоіерею Скворцову и священнику Жолтоножскому съ порученіемъ тотъ же часъ произвести обстоятельный осмотръ оныхъ и о послѣдствіяхъ сего осмотра дать свой отзывъ. Чиновникъ особыхъ порученій, по приказанію князя Васильчикова, въ тотъ же день пріостановилъ работы—и фрески были осмотрѣны. Вечеромъ того же дня оо. Скворцовъ и Жолтоножскій сдѣлали докладъ Владыкѣ Исидору о возложенномъ на нихъ порученіи. На другой день и самъ митрополитъ Исидоръ обстоятельно осматривалъ фрески и, оставляя Кіево-Кирилловскій храмъ, обѣщалъ сдѣлать зависящее отъ него распоряженіе не только о сохраненіи, но и о возобновленіи фресковъ. Обѣщаніе приснопамятнаго святителя о сохраненіи фресковъ не заставило ожидать себя, но возобновленіе ихъ состоялось только спустя 20 лѣтъ на суммы, ассигнованныя Его Величествомъ благополучно нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ.

Митрополитъ Исидоръ только однажды обозрѣвалъ кіевскую епархію съ 7 мая по 10 іюня 1859 года. Предмѣстникъ его преосвященный Филаретъ, втеченіе послѣдняго десятилѣтія своей жизни, самъ не обозрѣвалъ епархіи, а поручалъ ежегодно это дѣло своему викарію, епископу Аполлинарію, который слишкомъ строго относился къ сельскому духовенству, если замѣчалъ даже незначительныя неисправности и упущенія по службѣ его. Строгость преосвященнаго Аполлинарія, бывшаго кіевскимъ викаріемъ болѣе десяти лѣтъ, слишкомъ памятна была духовенству. Получивши формальное извѣстіе, что епархію будетъ обозрѣвать самъ митрополитъ Исидоръ, и наслышавшись, что онъ весьма суровъ, даже по внѣшнему виду своему, сельское духовенство сильно встревожилось, опасаясь, что новый Владыка безпощадно отнесется къ нему, если замѣтитъ какую либо неисправность. Но опасеніе это было напраснымъ. Подъ суровою оболочкою архипастыря Исидора скрывалась душа съ мягкимъ, добрымъ сердцемъ, душа снисходительная къ незначительнымъ неисправностямъ своихъ подчиненныхъ и любив-

шая не только словесно благодарить, но и вознаграждать пастырей усердныхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Изъ всѣхъ предшествующихъ архипастырскихъ обозрѣній кіевской епархіи ни одно не сопровождалось такимъ обиліемъ архипастырскихъ милостей и наградъ, какъ обозрѣніе митрополита Исидора. При предмѣстникахъ его рядовые сельскіе священники не получали никакихъ наградъ даже за пятидесятилѣтнюю безпорочную службу. Случалось нерѣдко, что даже священники, сряду прослужившіе въ должности благочиннаго болѣе 20 и 30 лѣтъ, не удостаивались награжденія даже набедренникомъ. Не такъ отнесся къ заслугамъ сельскихъ священниковъ митрополитъ Исидоръ,—онъ удостоилъ наградъ за добрую службу не только пожилыхъ изъ нихъ, но даже очень молодыхъ. Многіе изъ нихъ, во время обозрѣнія епархіи, получили набедренники, другіе представлены въ Св. Синодъ къ награжденію скуфіями и камилавками, а нѣкоторые къ наперснымъ крестамъ. До митрополита Исидора не было примѣра по кіевской епархіи, чтобы сельскій благочинный за безпорочную 12-лѣтнюю службу былъ представленъ къ ордену св. Анны 3 степени. Митрополитъ Исидоръ первый началъ представлять благочинныхъ къ этому ордену. Ему же принадлежитъ и починъ объ исходатайствованіи священникамъ за безпорочную пятидесятилѣтнюю службу ордена св. Владиміра 4 степени.

Насколько сельское духовенство трепетало встрѣчи съ митрополитомъ Исидоромъ и насколько онъ былъ ласковъ къ нему, считаю нужнымъ припомнить слѣдующій фактъ. Въ м. Городищѣ черкасскаго уѣзда при церкви сахарнаго завода, построенной К. Яхненко, священствовалъ глубокій старецъ о. Аѳанасій П. Прослуживши въ селѣ Черенинѣ болѣе сорока лѣтъ, онъ, со дня рукоположенія своего, ни однажды не встрѣчался съ кіевскимъ митрополитомъ. Этому старцу, на закатѣ дней своихъ, пришлось въ прописанной церкви встрѣчать Владыку Исидора, о суровости и строгости котораго и до него дошла молва. Когда наступила встрѣча, когда о. Аѳанасій подносилъ Владыкѣ, при встрѣчѣ, св. крестъ, съ нимъ отъ страха и ужаса произошелъ какъ бы сильный лихорадочный пароксизмъ, вслѣдствіе котораго онъ едва держался на ногахъ и едва не уронилъ креста съ церковнаго подноса. На такой страхъ преосвященный Исидоръ обратилъ свое вниманіе и, по выходѣ изъ церкви, во время вечерняго чая въ домѣ К. Яхненка

посадилъ около себя трепетавшаго о. Аѳанасія и своею ласкою, своею любвеобильною бесѣдою такъ ободрилъ его, что онъ къ концу чаепитія совершенно успокоился и затѣмъ, по отъѣздѣ митрополита Исидора любилъ до самой смерти говорить всѣмъ, что такихъ добрыхъ митрополитовъ, какъ Исидоръ, не слѣдуетъ бояться.

18 Сентября 1892 года.

Библіографія.

Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть седьмая, томъ II. Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи. Кіевъ. 1890. Стр. II + 210 + 644. Ц. 2 р.

Въ свое время въ «Кіевской Старинѣ» былъ помѣщенъ отчетъ о первомъ томѣ начатаго мѣстной Археографической Коммиссіей изданія «Актовъ о заселеніи юго-западной Россіи». Задуманное проф. В. Б. Антоновичемъ, который собралъ и приготовилъ къ печати акты для перваго тома, оно было продолжено проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, написавшимъ къ этому тому предисловіе. Въ 1890 г. вышелъ въ свѣтъ второй томъ, составленный уже исключительно проф. Владимірскимъ-Будановымъ, который собралъ для него матеріалы и снабдилъ ихъ обширнымъ предисловіемъ. Нижеслѣдующія строки и будутъ посвящены нами ознакомленію читателей съ этимъ вторымъ томомъ.

Вошедшіе въ него акты, охватывая собою время съ конца 15-го вѣка по 1664 годъ, въ значительномъ большинствѣ своемъ представляютъ люстраціи и тарифы украинскихъ воеводствъ, затѣмъ инвентари отдѣльныхъ имѣній, рѣже—межевые акты и жалованныя грамоты и наконецъ нѣсколько—очень немного впрочемъ—судебныхъ слѣдствій и рѣшеній по жалобамъ городовъ и частныхъ лицъ. Предисловіе, написанное г. Будановымъ къ изданнымъ актамъ, не заходитъ однако такъ далеко, какъ эти послѣдніе; авторъ его останавливаетъ свое изложеніе на моментѣ Люблинской уніи, 1569 годѣ, и только въ весьма рѣдкихъ частныхъ случаяхъ переходитъ за эту хронологическую грань. Предисловіе это, подъ общимъ заглавіемъ «Населеніе юго-западной Россіи отъ второй половины XV вѣка до

Люблинской уніи», раздѣлено авторомъ на четыре главы. Въ первой главѣ онъ разсматриваетъ «внѣшнюю историческую судьбу населенія ю. Руси» за данный періодъ времени или, точнѣе говоря, борьбу этого населенія съ татарами и турками и сопровождавшія ее политическія условія; во второй—онъ даетъ характеристику главнѣйшихъ своихъ источниковъ для дальнѣйшаго изложенія—люстрацій и тарифовъ, дѣлаетъ географическій обзоръ украинныхъ повѣтовъ и сообщаетъ свѣдѣнія объ ихъ заселеніи за избранное время; въ третьей главѣ помѣщается разборъ и оцѣнка способовъ колонизаціи, которую авторъ дѣлитъ на правительственную, городскую, землевладѣльческую и козацкую; наконецъ, четвертая глава посвящена изслѣдованію направленія колонизаціи и этнографическаго состава населенія. Таковъ въ общихъ своихъ чертахъ изданный г. Будановымъ матеріалъ и планъ основаннаго на немъ изслѣдованія. Въ своемъ разборѣ мы намѣрены коснуться только этого послѣдняго, такъ какъ самостоятельное обслѣдованіе матеріала, для него послужившаго, повело бы насъ далеко за предѣлы обычной журнальной рецензіи; мы ограничимся такимъ образомъ передачей и разборомъ положеній, выставленныхъ авторомъ, обращаясь къ матеріаламъ лишь для ихъ повѣрки. Прежде, чѣмъ приступить однако къ этому, скажемъ два слова о самомъ изданіи.

Съ внѣшней стороны настоящее изданіе безукоризненно и даже, подобно большинству изданій кіевской коммиссіи, обставлено нѣкоторой роскошью, составляющей довольно рѣзкое исключеніе по отношенію къ массѣ нашихъ ученыхъ изданій, располагающихъ весьма скудными средствами и не имѣющихъ возможности заботиться черезчуръ много о внѣшней красотѣ: въ изданномъ г. Будановымъ томѣ одинъ географическій указатель, напечатанный жирнымъ шрифтомъ въ одинъ столбецъ, занимаетъ пять печатныхъ листовъ. Что касается внутренней стороны изданія, то здѣсь приходится отмѣтить нѣкоторую неточность, иногда впрочемъ заходящую за предѣлы этого слова. Сравнительно еще не такъ важно, когда она ограничивается неправильнымъ названіемъ документовъ, хотя и это можетъ ввести иногда читателя въ заблужденіе и заставить его или искать въ документѣ то, чего въ немъ не имѣется, или напротивъ пропустить безъ вниманія важный для его цѣлей актъ. Такъ, напримѣръ, документъ, помѣщенный подъ № VI (стр. 12 актовъ), названъ у издателя «опредѣленіе границъ староства Винницкаго», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ немъ заключается описаніе границъ земель мѣщанъ г. Винницы въ грамотѣ 1530 г., и издатель, очевидно, былъ введенъ въ за-

блужденіе началомъ акта (позднѣйшаго, 1718 г.), гдѣ упоминается староство. Точно также документы, помѣщенные подъ № IX (стр. 35 актовъ), неправильно названы «актами объ опредѣленіи границъ г. Кременца и сосѣднихъ владѣльцевъ»: здѣсь тоже только въ началѣ позднѣйшаго подтвердительнаго акта идетъ рѣчь о городскихъ земляхъ, а акты, имъ подтверждаемые, содержатъ въ себѣ разграниченіе земель частнаго владѣльца, пана Лудвискаго, отъ сосѣдей, въ томъ числѣ и отъ г. Кременца. Къ сожалѣнію, неточности въ изданіи не ограничиваются одними названіями документовъ, но переходятъ порою и въ самое содержаніе ихъ; такъ напр., въ люстраціи каменецкаго староства 1565 г. въ опредѣленіи повинностей одной изъ деревень читаемъ: «*drew po piac i wozow* przywiescz do zamku każdi powinien» (стр. 176 актовъ); эта фраза, не дающая никакого смысла, есть несомнѣнно результатъ неправильнаго чтенія, и ее, очевидно, слѣдуетъ читать такъ: «drew po piącіu wozow и т. д. или, можетъ быть, соображаясь съ орѳографіей даннаго акта: «drew po piący» и т. д., но ни въ какомъ случаѣ не такъ, какъ она напечатана. Въ иномъ случаѣ правильное чтеніе документа сохранено издателемъ, но поставлено такъ, что способно ввести читателя, незнакомаго съ дѣломъ, въ еще бо́льшее недоумѣніе. Именно, въ грамотѣ Евстафія Дашковича, означающей границы входовъ Никольскаго Пустыннаго монастыря (№ IV, стр. 11 актовъ), одно мѣсто въ печатномъ изданіи читается слѣдующимъ образомъ: «штожъ которые входы даны пива (?) и Белобереже бобровые гоны»... Здѣсь издатель, введенный въ недоумѣніе словомъ «Пива», совершенно напрасно создаетъ недоумѣніе и для другихъ своимъ вопросительнымъ знакомъ. Все дѣло въ томъ, что «пива» означаетъ здѣсь не напитокъ, причемъ фраза теряла бы весь смыслъ, а мѣстность, и сообразно этому должно быть напечатано съ большой буквы. Такая ошибка тѣмъ болѣе неожиданна, что Пива не въ первый разъ уже является и въ печати: издатель могъ встрѣтить ее въ тѣхъ самыхъ актахъ Западной Россіи, на которые онъ ссылается въ своемъ предисловіи, могъ найти Пивскій монастырь въ географическомъ указателѣ Новицкаго къ изданіямъ Коммиссіи, да, наконецъ, и самъ онъ упоминаетъ эту мѣстность на стр. 49 своего предисловія, правда, подъ невѣрнымъ именемъ Пивова. Равнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ того же акта, послѣ слова «што», совершенно излишенъ вопросительный знакъ, такъ какъ смыслъ вполнѣ ясенъ: «пакъ не велѣлъ есми вступатися у тые входы и што по старины и къ тымъ входамъ тягло и прислухало... (пропускъ; вѣроятно:

не вступатися же) ни черкасцомъ, ни козакомъ на веки». Мы ограничиваемся только примѣрами неточностей въ изданіи актовъ, не приводя за недостаткомъ мѣста всѣхъ ихъ, хотя и должны оговориться, что другаго случая обращенія мѣстности въ напитокъ въ напечатанныхъ документахъ не встрѣчается. Нельзя не пожалѣть во всякомъ случаѣ, что почтенный издатель допустилъ такіе недосмотры, и не пожелать нѣсколько болѣе осторожности въ изданіи актовъ на будущее время.

Переходя теперь уже къ изслѣдованію пр. Буданова, мы прежде всего прослѣдимъ общій ходъ разсужденій автора, что дастъ намъ возможность отмѣтить и наиболѣе существенныя его положенія.

Въ первой главѣ г. Будановъ опредѣляетъ объектъ своего изслѣдованія. Это не вся ю. Русь въ ея цѣломъ, а «украинные» повѣты или повѣты, граничившіе со степями. Такими авторъ признаетъ: кіевскій, житомирскій, каневскій, черкасскій, винницкій, браславскій, хмѣльницкій, барскій, каменецкій и летичевскій. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи авторъ ставитъ и разсматриваетъ вопросъ, были ли благопріятны для колонизація этого края съ конца 15 вѣка до половины 16-го внѣшнія политическія условія страны, и даетъ на него безусловно отрицательный отвѣтъ. Уничтоженіе кіевскаго княжества, полное подчиненіе южно-русскихъ земель Литвѣ и Польшѣ и союзъ этихъ двухъ государствъ между собою принесли только вредъ ю. Руси, уменьшили, а не увеличили оборонительныя средства страны противъ хищниковъ, нападавшихъ на нее съ юга. Въ борьбѣ съ ними южно-руссы были предоставлены собственнымъ силамъ, такъ какъ «для государства Литовскаго... южно-русскія дѣла являлись почти чужими» (стр. 3), а «Польша иногда принимала участіе въ защитѣ *собственныхъ предѣловъ* (курсивъ автора), т. е. тогда, когда татары нападали на части Подоліи и Волыни, принадлежавшія Польшѣ» (стр. 7), но «въ обыкновенномъ теченіи дѣлъ вся тяжесть борьбы падала на одну южную Русь съ нѣкоторымъ участіемъ Литвы или безъ этого участія» и «большею частію страна была безнаказанно опустошаема» татарами и турками (стр. 8—9). Въ доказательство этихъ положеній авторъ передаетъ рядъ лѣтописныхъ разсказовъ о набѣгахъ татаръ и походахъ турокъ на Украину, во время которыхъ они встрѣчали очень малое сопротивленіе и то преимущественно со стороны мѣстнаго населенія. Татарскіе набѣги становятся особенно сильными и частыми со времени признанія крымскими татарами верховной власти турецкаго султана въ 1478 г.; набѣги этого періода

со стороны татаръ и турокъ отличаются, по словамъ автора, «систематичностью, постоянствомъ и такъ сказать безотвязностью». Въ результатѣ ихъ является сильное опустошеніе ю. Руси, знаменующееся исчезновеніемъ цѣлаго ряда поселеній, и уменьшеніемъ населенія. Польско-литовское правительство, отказавшись отъ надежды возымѣть успѣхъ въ этой борьбѣ, стало уже ограничиваться заключеніемъ мира съ татарской ордой, хотя бы этотъ миръ приходилось покупать дорогой цѣной уплаты позорной дани, что давало поводъ крымскимъ ханамъ объявлять все Литовское государство, и въ частности южную Русь, своимъ владѣніемъ. Лишь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI-го вѣка нападенія татаръ становятся рѣже, но этотъ фактъ авторъ только отчасти ставитъ въ зависимость отъ болѣе энергическихъ мѣръ правительства; не менѣе зависѣлъ онъ, по его мнѣнію, отъ «ослабленія могущества хановъ послѣ Менгли-Гирея при его лѣнивыхъ преемникахъ», а «главнѣйшей причиной» такого явленія онъ ставитъ «усиленіе козачины въ приднѣпровскихъ и прибужскихъ степяхъ». Такимъ образомъ г. Будановъ рѣшительно отрицаетъ пользу союза Литвы съ Польшей для взаимной защиты отъ варваровъ. Польза эта, еслибы она существовала, должна была бы, по его мнѣнію, окончательно выразиться послѣ Люблинской уніи 1569 года, но тотъ фактъ, что въ 1575 г. татары совершили громадный набѣгъ на Волынь и Подолію и увели съ собою, по словамъ Стрыйковскаго, 55,340 человѣкъ, 150,000 лошадей, 500,000 скота и 200,000 овецъ, замѣняетъ всякіе итоги на счетъ гипотезы о пользѣ такого союза и ясно показываетъ, «сколько пользы получили русскіе и литовцы въ замѣнъ потери ими своей политической самостоятельности въ 1569 году» (стр. 19—20). Въ общемъ не только польское, но и литовское правительство въ дѣлѣ защиты своихъ южныхъ границъ отъ татаръ далеко уступало правительству Московскаго государства (стр. 74). и это даже возбуждало въ послѣднемъ желаніе «взять въ свои руки дѣло защиты и заселенія днѣпровскихъ пустынь» (стр. 85). Факты, свидѣтельствующіе о таковомъ желаніи, авторъ видитъ въ постройкѣ кн. Дм. Вишневецкимъ укрѣпленія на о. Хортицѣ и въ упоминаніи кор. Сигизмунда-Августа въ письмѣ къ Вишневецкому «объ умыслѣ вел. князя московскаго строить города на нашемъ грунтѣ» (стр. 84).

Не все въ этомъ построеніи представляется безспорнымъ; отдѣльные пункты его способны вызвать нѣкоторое сомнѣніе, еще усиливающееся при сопоставленіи отдѣльныхъ положеній автора. Въ самомъ дѣлѣ, заявляя, что вся тяжесть борьбы съ татарами и тур-

ками падала на одно южно-русское населеніе, онъ признаетъ однако же нѣкоторое участіе въ этой борьбѣ и Литвы и Польши. Послѣдняя, по его мнѣнію, защищала только «собственные предѣлы», но вѣдь въ эти предѣлы входила часть ю. Руси; при томъ же условіи, что Польша и Литва въ данное время составляли отдѣльныя государства, связанныя только союзомъ, защита однѣхъ своихъ границъ каждымъ изъ этихъ государствъ отъ набѣговъ является дѣломъ вполнѣ естественнымъ; совмѣстныя же дѣйствія союзниковъ проявлялись по преимуществу въ попыткахъ наступательнаго движенія на югъ, попыткахъ, существованія которыхъ не отрицаетъ и г. Будановъ. Фактъ опустошенія Украйны и малой интензивности въ защитѣ ея остается, конечно, на лицо, но мало знать фактъ, надо знать и его причины, и объ этихъ причинахъ упоминаетъ иногда и самъ авторъ, хотя только мелькомъ, какъ бы случайно проговариваясь объ нихъ. Указывая на причины малой успѣшности въ дѣйствіяхъ Литовскаго государства по защитѣ южныхъ границъ, г. Будановъ вспоминаетъ и о томъ, что, подчиняясь чужимъ интересамъ, оно истощало свои силы въ борьбѣ съ Московскимъ государствомъ, также отчасти вызванной уніею Литвы съ Польшей» (стр. 3); говоря о времени Сигизмунда, онъ замѣчаетъ, что «все вниманіе вел. князя и всѣ силы государства были обращены на борьбу съ Москвою» (стр. 14), но затѣмъ онъ и забываетъ объ этомъ фактѣ. А между тѣмъ въ немъ скрывается не малая важность для разрѣшенія поставленнаго г. Будановымъ вопроса. Другое дѣло, каковы были причины борьбы Литвы съ Москвою, хотя врядъ ли эти причины можно сводить на подчиненіе Литвы чужимъ интересамъ и тѣмъ менѣе на унію Литвы съ Польшей: борьба началась раньше заключенія этой уніи и, слѣдовательно, послѣдняя никакъ не могла вызвать ее, хотя бы отчасти, а скорѣе сама была произведеніемъ этой борьбы и, въ дальнѣйшемъ, однимъ изъ условій, ее сопровождавшихъ. Во всякомъ случаѣ борьба эта существовала и должна была отвлекать средства государства въ другую сторону. Мы не можемъ не усумниться и въ желаніи защищать Украину, которое г. Будановъ приписываетъ Московскому правительству. Едвали Московское правительство, которому втеченіе долгаго времени приходилось вести борьбу съ Литвой въ союзѣ съ татарами, могло желать защищать отъ этихъ же татаръ территорію принадлежавшую Литвѣ и Польшѣ. Прежде чѣмъ стремиться «взять въ свои руки дѣло защиты и заселенія Днѣпровскихъ пустынь», ему надо было взять въ свои руки са-

мую страну и, конечно, только въ этомъ смыслѣ можно толковать приведенные почтеннымъ авторомъ факты. Наконецъ, и то обстоятельство, что татарскіе набѣги продолжались и послѣ 1569 г., а въ 1575 г. такой набѣгъ былъ произведенъ въ особенно широкихъ размѣрахъ (при чемъ цифры Стрыйковскаго можно отбросить), кажется намъ не особенно убѣдительнымъ для выставленнаго г. Будановымъ положенія. Единичные факты, сами по себѣ взятые, вообще говорятъ очень мало и на основаніи ихъ трудно придти къ какому-нибудь прочному выводу. Самъ авторъ справедливо приписываетъ Московскому государству преимущество надъ Литвой и Польшей въ дѣлѣ защиты отъ татаръ, и однако Москва въ 1571 г. была сожжена послѣдними. Значитъ ли это однако, что области, объединенныя Москвою, ничего не выиграли въ смыслѣ обезпеченія своей безопасности? Быть можетъ, было бы лучше, еслибы г. Будановъ, вмѣсто ссылки на отдѣльный фактъ, дѣйствительно подвелъ итоги своихъ возраженій противъ опровергаемой имъ гипотезы. Мы съ своей стороны, въ виду высказанныхъ выше соображеній, склонны думать, что такіе итоги не уполномочили бы автора ни на тѣ рѣшительные выводы, которые онъ высказываетъ, утверждая, что «династическое соединеніе Литвы съ Польшею не дало никакихъ благихъ результатовъ для защиты юго-восточныхъ окраинъ обоихъ государствъ» (стр. 209), ни на тотъ рѣзкій тонъ какъ бы сбвиненія, въ которомъ написана эта часть его труда.

Мы остановились на первой главѣ предисловія, быть можетъ, нѣсколько дольше, чѣмъ этого требовалъ ея небольшой объемъ и самый вопросъ, въ ней затронутый, но насъ побудило къ этому то соображеніе, что здѣсь особенно ярко выступаютъ какъ общая точка зрѣнія автора, такъ и пріемы его работы. Въ дальнѣйшемъ то и другое уяснится намъ еще болѣе.

Вторая глава изслѣдованія г. Буданова посвящена уже самой колонизаціи, трактуя именно вопросъ объ общемъ ея ходѣ и степени успѣшности. Разсмотрѣнію этого вопроса авторъ предпосылаетъ однако краткую характеристику тѣхъ источниковъ, на которыхъ основываются его заключенія, т. е. люстрацій и тарифовъ. Между этими двумя родами переписей имѣется коренное различіе: люстраціи описываютъ только коронныя имѣнія и ихъ населеніе, тарифы перечисляютъ населеніе всѣхъ городовъ и селъ, какъ коронныхъ, такъ и владѣльческихъ. Такимъ образомъ люстраціи не даютъ еще возможности представить себѣ полную картину населенія, хотя бы даже приблизитель-

но, такъ какъ нельзя вывести коэффиціентъ той поправки, какую надо внести въ ихъ цифры, чтобы получить дѣйствительныя, распространяющіяся на всю мѣстность. Какъ далеко можетъ иногда заходить эта разница, показываетъ хотя бы слѣдующій примѣръ: по люстраціямъ 1565 г. въ каменецкомъ повѣтѣ было 44 села и 5 пустыхъ селищъ, по тарифамъ 1530 г. въ немъ же числилось 153 сельскихъ поселенія, а по тарифамъ 1542 г.—179 (с. 34). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ дѣйствительное число поселеній оказывается въ $3^1/_2$—4 раза больше занесеннаго въ люстраціи, но ничто не можетъ ручаться за то, что въ иныхъ случаяхъ разница достигаетъ еще болѣе значительной величины. Понятно, какъ мало можно при такихъ условіяхъ питать надежду на самое приблизительное опредѣленіе количества населенія въ его цѣломъ по люстраціямъ. Между тѣмъ для повѣтовъ литовскихъ имѣются только однѣ люстраціи, по которымъ въ 6 повѣтахъ оказывается 208 поселеній, въ числѣ которыхъ и 80 пустыхъ селищъ; въ поселеніяхъ этихъ числится 3399 домовъ или до 17.000 душъ населенія обоего пола (с. 33). Г. Будановъ самъ отказывается признать это количество цифрой дѣйствительнаго населенія, въ силу какъ указанной неполноты свѣдѣній люстрацій о населеніи, такъ и существованія въ Украйнѣ бродячаго населенія, не попадавшаго въ перепись. Къ этимъ двумъ соображеніямъ, изъ которыхъ второе распространяется уже и на тарифы, можно прибавить еще третье, равнымъ образомъ общее для обоихъ этихъ видовъ переписей и заключающееся въ томъ, что владѣльцы, по показаніямъ которыхъ составлялись онѣ, могли умышленно скрывать дѣйствительное число своихъ крестьянъ и сообщать люстраторамъ невѣрныя свѣдѣнія, руководясь въ этомъ случаѣ личными своими выгодами. Подобные примѣры мы находимъ въ этихъ же самыхъ люстраціяхъ: такъ, напримѣръ, при люстраціи браславскаго повѣта, по показаніямъ владѣльцевъ, крестьянъ во всемъ повѣтѣ не оказалось; этому не повѣрилъ люстраторъ, имѣемъ всѣ основанія не вѣрить и мы. Источники въ силу своихъ свойствъ даютъ слѣдовательно весьма шаткій базисъ для статистическихъ вычисленій и эта шаткость его еще увеличится въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе еще на одну ихъ сторону. Въ источникахъ мы имѣемъ обыкновенно дѣло не съ цифрой населенія, а съ цифрой обработываемыхъ участковъ—«плуговъ» или «лановъ». Обыкновенно «ланъ» или «плугъ» принимаютъ равнымъ двумъ крестьянскимъ хозяйствамъ, но уже г. Яблоновскій отмѣтилъ, что такое соотвѣтствіе не всегда имѣетъ мѣсто, и въ изданныхъ имъ до-

кументахъ дѣйствительно встрѣчаются случаи, когда на плугъ считается 1 крестьянинъ, 3 и даже 30 крестьянъ (Źródła Dziejowe, XIX, s. 194 — 5, 192). Это замѣчаніе подтверждаетъ въ свою очередь и г. Будановъ, путемъ сличенія люстрацій 1565 г., въ которыхъ перечислены жители поименно, съ тарифами того же года, гдѣ показано количество плуговъ, и приходитъ къ тому же выводу относительно отсутствія строгаго соотвѣтствія между числомъ плуговъ и хозяевъ (с. 70), хотя въ его примѣрахъ и не имѣется такихъ рѣзкихъ колебаній.

Таковы свойства люстрацій и тарифовъ, поскольку они представляютъ изъ себя источники для статистики населенія. Какъ мы видимъ, эти свойства или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ не укрылась отъ вниманія г. Буданова, и это обстоятельство побудило его впредь ограничить свои выводы, основанные на такомъ матеріалѣ. По его собственнымъ словамъ, общія цифры, добытыя изъ люстрацій литовскихъ повѣтовъ, «не даютъ полнаго представленія о населеніи Украйны» (с. 33), а «населенность Подолья не можетъ быть выведена съ полною точностью..., ибо нельзя установить точнаго метода для вычисленія» (с 69). Казалось бы, этимъ самымъ устанавливается тотъ фактъ, что всякіе итоги, полученные изъ цифровыхъ данныхъ источниковъ, могутъ имѣть очень приблизительное значеніе и во всякомъ случаѣ уже не даютъ опоры для сколько-нибудь широкихъ выводовъ. На дѣлѣ однако оказывается не такъ: десятки страницъ авторъ посвящаетъ опредѣленію количества населенія Украйны, опредѣляетъ это количество въ 17.000 душъ для литовскихъ повѣтовъ, хотя тутъ же и прибавляетъ, что эта цифра не можетъ быть принята, разсматриваетъ населенность отдѣльныхъ повѣтовъ и сравниваетъ ихъ между собою, стараясь опредѣлить причины различія въ степени населенности ихъ, точно также опредѣляетъ количество душъ въ повѣтахъ и городахъ польскаго Подолья и, наконецъ, указываетъ въ цифрахъ постепенное движеніе успѣховъ заселенія Подолья за 100 лѣтъ, съ 1493 по 1588 годъ. Эти послѣднія цифры приводятъ автора къ тому выводу, что за данный промежутокъ времени «какъ число селеній, такъ и обработанныхъ участковъ возросло почти въ два раза» (стр. 72). Цѣнность всѣхъ этихъ вычисленій и выводовъ обусловливается, конечно, сдѣланными оговорками, но авторъ не ограничивается ими и опираетъ на своихъ выкладкахъ гипотезы, не имѣющія ничего общаго со статистикой. Замѣтивъ именно, что въ южной и восточной части Подолья имѣется весьма значи-

чительное количество мелкихъ шляхетскихъ владѣній, располагающихъ всего двумя—однимъ плугами, а то и совсѣмъ остающихся безъ крестьянъ, авторъ замѣчаетъ объ ихъ владѣльцахъ—польскихъ шляхтичахъ: «всѣ они однако (изъ цѣлей политическихъ болѣе, чѣмъ культурныхъ) получили участки земли для заселенія и поневолѣ держатся на мѣстахъ, не имѣя другаго выхода» (с. 69). Въ такомъ видѣ фраза эта представляетъ не болѣе, какъ гипотезу, ни на чемъ еще не обоснованную, но авторъ старается найти ей доказательство въ статистикѣ населенія. Въ 1493 г. въ польскомъ Подольѣ было, по его вычисленію, 216 селъ и въ нихъ 2354 дымовъ, а въ 1530—1542 гг. онъ насчитываетъ 374 села и въ нихъ 1030 плуговъ. Отсюда онъ заключаетъ, «что увеличеніе числа селеній не всегда сопровождается увеличеніемъ числа населенія, чѣмъ и подтверждается наша мысль объ извѣстномъ увеличеніи поселковъ чрезъ раздачу земель польскимъ шляхтичамъ» (с. 72). Такое заключеніе было бы правильно лишь въ томъ случаѣ, еслибы возможно было принять постоянную величину плуга въ два хозяйства или дыма, противъ чего ратовалъ г. Будановъ на 70 стр. своего предисловія. Разъ же отношеніе плуга къ числу жителей съ точностью намъ неизвѣстно, разъ плугъ представляетъ «шаткое основаніе для счисленія населенія», то нельзя дѣлать и подобныхъ заключеній, рискуя иначе попасть въ положеніе человѣка, рѣшающаго задачу однимъ уравненіемъ съ двумя неизвѣстными. Не совсѣмъ понятной представляется намъ и высказанная г. Будановымъ мысль объ «искусственномъ увеличеніи поселковъ». Нужно ли это понимать такъ, что польское правительство хотѣло отвести глаза будущимъ изслѣдователямъ колонизаціи? Если же не такъ, то почему это увеличеніе искусственное, когда даже въ тѣхъ селахъ, гдѣ крестьянъ не было, владѣлецъ обрабатывалъ землю самъ или съ помощью челяди, или, наконецъ, отдавалъ ее въ аренду прихожимъ людямъ? Во всѣхъ этихъ случаяхъ заселеніе очевидно происходило. Послѣдній выводъ автора по отношенію къ успѣхамъ колонизаціи таковъ: «успѣхи колонизаціи въ XVI в. менѣе замѣтны, чѣмъ въ XIV и XV вв. Польское правительство удѣляетъ болѣе вниманія колонизаціи Подолья, но исключительно землевладѣльческой и только съ цѣлями политическими, т. е. для полонизаціи края. Оттого результаты этихъ усилій далеки отъ желаемой высоты». (с. 209). Послѣ всего сказаннаго уже по этому поводу, пожалуй, даже лишнее повторять, что мы не считаемъ возможнымъ вполнѣ согласиться въ данномъ случаѣ съ авторомъ. Первая часть его вывода основана на данныхъ сли-

шкомъ приблизительныхъ, для того, чтобы могла быть принята, а вторая не имѣетъ, на нашъ взглядъ, подъ собою никакихъ основаній.

Раньше, чѣмъ перейти теперь къ дальнѣйшему изложенію взглядовъ г. Буданова на колонизацію, мы должны упомянуть еще объ одной подробности, входящей въ содержаніе второй главы его предисловія и заключающейся именно въ географическомъ описаніи отдѣльныхъ повѣтовъ. Описаніе это ограничивается однако въ большинствѣ перечисленіемъ селъ повѣта, упомянутыхъ въ источникахъ, и самымъ общимъ опредѣленіемъ границъ его, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ идущимъ дальше указанія другихъ пограничныхъ съ нимъ повѣтовъ. Г. Будановъ самъ заявляетъ, что «до появленія карты г. Яблоновскаго онъ не берется опредѣлять границы повѣтовъ съ точностію» (с. 59), и въ виду этого эта часть его труда не можетъ имѣть особаго значенія.

Разъ признавъ, какъ фактъ, уменьшеніе успѣховъ колонизаціи, ихъ недостаточность, г. Будановъ отыскиваетъ причину этого и находитъ ее въ способахъ колонизаціи. Уже въ первыхъ строкахъ третьей главы своего труда онъ указываетъ искомую причину слѣдующимъ образомъ: «недостаточность успѣховъ колонизаціи объясняется несоотвѣтствіемъ мѣръ и способовъ колонизаціи со степенью опустошеній. Что касается до литовской Украйны, то со времени уничтоженія кіевскаго княжества здѣсь ослабляются правительственныя мѣры для защиты страны (разумѣемъ постройку и исправное содержаніе замковъ); ослабляются городскія общины чрезъ разложеніе ихъ личныхъ и имущественныхъ средствъ; искусственно развивается земледѣльческій классъ въ ущербъ городскихъ общинъ и государственныхъ средствъ; наконецъ, сюда надо присоединить невниманіе къ частной свободной колонизаціи, такъ называемой козацкой». (стр. 73). Вся третья глава и представляетъ изъ себя развитіе и документированіе выставленныхъ положеній, не всегда, на нашъ взглядъ, удачное и довольно часто переходящее въ преувеличеніе. Чтобы не распространяться черезчуръ подробно, мы остановимся только на наиболѣе важныхъ и яркихъ пунктахъ несогласій нашихъ съ уважаемымъ авторомъ.

Правительственныя мѣры по отношенію къ колонизаціи выражались въ трехъ формахъ: постройкой и содержаніемъ замковъ, назначеніемъ старостъ и содержаніемъ людей для защиты замка и окружающей его мѣстности. Всѣ эти, мѣры, по мнѣнію г. Буданова, въ рукахъ польскаго и литовскаго правительствъ оказывались неудач-

ными и не достигали своей цѣли: «правительство строило и содержало украинные замки очень небрежно» (стр. 209); старосты представляли изъ себя не только орудіе государственной власти, сколько «кормленщиковъ-правителей», и мало способствовали установленію государственнаго порядка въ управленіи, а, слѣдовательно, и успѣхамъ колонизаціи; наконецъ, призывъ служилаго населенія въ украйны, выразившійся главнымъ образомъ въ назначеніи гарнизоновъ въ замки, «ограничился весьма незначительными размѣрами, а въ національномъ отношеніи приносилъ вредъ, вводя безъ нужды въ украинное населеніе чужеземный элементъ». (стр. 101). Уже первое изъ этихъ положеній подвергается существенному ограниченію на основаніи фактовъ, сообщаемыхъ самимъ же авторомъ. Въ трехъ повѣтахъ польскаго Подолья мы встрѣчаемъ три сильныхъ и хорошо укрѣпленныхъ замка: Каменецъ, Баръ и Хмельникъ. Что касается повѣтовъ литовскихъ, то люстраціи представляютъ дѣйствительно здѣшніе замки довольно часто въ печальномъ видѣ, но эти же люстраціи указываютъ и примѣры успѣшныхъ заботъ правительства по постройкѣ и исправленію замковъ (стр. 85—7, 77, 81, 83). Равнымъ образомъ и среди старостъ самъ г. Будановъ отмѣчаетъ нѣсколькихъ лицъ, которые умѣло вели дѣло защиты ю. Руси отъ татарскихъ и турецкихъ набѣговъ; такими въ его изложеніи являются Евстафій Дашкевичъ и кн. Дмитрій Вишневецкій—въ Черкасахъ, Предславъ Ляндскоронскій, староста Хмельницкій, и Бернаръ Претвичъ, староста барскій. Дѣятельности этихъ лицъ авторъ находитъ однако особое объясненіе, заключающееся въ томъ, что они «не справлялись съ тогдашними видами политики виленскаго и краковскаго правительства», а «ходили въ козаки» (стр. 92), дѣйствовали вмѣстѣ съ козаками и какъ эти послѣдніе, иные же, вродѣ кн. Дм. Вишневецкаго, представляли собою «чистый типъ козака» (стр. 94). О взглядахъ автора на козачество намъ придется еще говорить ниже, пока же замѣтимъ только, что такая подстановка причинъ дѣятельности названныхъ старостъ кажется намъ нѣсколько произвольною и, прежде чѣмъ производить ее, слѣдовало бы, можетъ быть, не только сказать, но и доказать, что эти лица имѣли дѣйствительно внутреннюю органическую связь съ козачествомъ и являлись представителями его, а не польскаго государственнаго организма.

Нѣсколько сложнѣе уже представляется вопросъ о служилыхъ людяхъ въ украинныхъ повѣтахъ. Такіе служилые люди были двухъ

разрядовъ: во первыхъ, инородцы, присылаемые правительствомъ въ качествѣ гарнизона замка—поляки, нѣмцы и чехи, во вторыхъ, мѣстные уроженцы, изъ которыхъ по преимуществу составлялся классъ «слугъ» и «служекъ». По отношенію къ первымъ авторъ замѣчаетъ, что они вносили въ мѣстное населеніе чуждый элементъ и тѣмъ были вредны. Не отрицая возможности такой точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ замѣтить однако, что самъ авторъ не всегда выдерживаетъ ее, замѣчая, напр., по поводу барскаго старосты Претвича, силезца родомъ: «вмѣсто благодарности за его дѣйствительные подвиги по защитѣ границъ, польское дворянство преслѣдовало его и настаивало на удаленіи, какъ чужеземца» (стр. 95); въ этомъ случаѣ польское дворянство стояло на той же точкѣ зрѣнія, какую занимаетъ г. Будановъ по отношенію къ польскимъ гарнизонамъ, и притомъ тѣмъ болѣе понятной, что староста по обычаю назначался изъ мѣстныхъ жителей, такъ что приведенное обвиненіе странно звучитъ въ устахъ автора. «Слуги» въ литовскихъ повѣтахъ и «служки» въ польскомъ Подольѣ представляли собою классъ людей, получавшихъ земельные участки отъ государства съ обязательствомъ нести военную службу. Г. Будановъ склоненъ усматривать реальную разницу между двумя этими названіями: слуги и служки. «Обязанность ихъ, говоритъ онъ про послѣднихъ, служить замку «конемъ», но уже не столько на войнѣ, какъ при разныхъ послугахъ замку, напр. ѣздить съ письмами и проч.» (стр. 99). Показанія документовъ врядъ ли однако уполномочиваютъ на такое заключеніе: уже въ тѣхъ двухъ примѣрахъ, которые приводитъ авторъ въ подтвержденіе своей мысли, обязанности служекъ опредѣляются въ одномъ, какъ «замковыя службы», а въ другомъ точнѣе—держать сторожу на границѣ и ѣхать, куда прикажетъ подстароста. Въ документахъ же можно найти и болѣе яркія указанія: такъ, въ д. Должекѣ каменецкаго староства люстрація 1565 г. называетъ 5 служекъ и опредѣляетъ ихъ повинности слѣд. образомъ: «служки, которые ничего не даютъ, только ѣздятъ съ письмами, куда прикажутъ, и стерегутъ на границахъ» (стр. 175 актовъ). Охрана границъ уже сама по себѣ представляетъ, конечно, военную службу, но ею не ограничивались еще обязанности служекъ. По крайней мѣрѣ вотъ что читаемъ мы въ люстраціи Кременца 1565 г. о повинностяхъ служекъ д. Осниковъ: «они должны служить путную службу каждый отдѣльно конемъ съ тѣхъ ихъ земель, которыми они владѣютъ по прежнему распредѣленію, и должны ѣздить съ пись-

мами его корол. милости и съ письмами и посланниками правительственными по очереди, когда имъ прикажетъ управленіе, а во время опасности отъ непріятеля его корол. милости быть въ замкѣ и при замковомъ старостѣ или его подстаростѣ выѣзжать изъ замка противъ непріятеля его корол. милости и держать стражу отъ людей непріятельскихъ тамъ, гдѣ и прежде стерегли и гдѣ имъ приказано будетъ отъ старосты или его чиновника... А на войну замковое управленіе его корол. милости посылать ихъ не должно и никакихъ другихъ службъ и повинностей не должно на нихъ накладывать сверхъ этого нынѣшняго постановленія»... (стр. 118—119 актовъ). Приведенный текстъ съ достаточной ясностью обрисовываетъ положеніе служекъ: это своего рода мѣстная милиція, въ мирное время стерегущая границы и исполняющая порученія мѣстныхъ властей, главнымъ образомъ въ дѣлѣ пересылки писемъ, а въ военное—служащая при замкѣ въ качествѣ его гарнизона, но не посылаемая въ дальніе походы. То обстоятельство, что такое опредѣленіе обязанностей служекъ мы находимъ не въ границахъ отдѣленныхъ г. Будановымъ украинныхъ повѣтовъ, врядъ ли имѣетъ особое значеніе, такъ какъ нѣтъ основаній предполагать, чтобы эти отношенія складывались различнымъ образомъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Никакой существенной разницы между повинностями слугъ и служекъ такимъ образомъ не оказывается, тѣмъ болѣе, что повинности слугъ опредѣляются иногда такъ же только перевозкой писемъ. Такъ, въ описаніи кременецкаго замка въ люстраціи 1552 г. читаемъ: «з росказанья королевое ее милости обобрано мужиковъ тяглыхъ 24 и вчинено ихъ слугами для посыланья и доведанья вестей и для ношенья листовъ где жъ кольвекъ» (стр. 29 актовъ). Точно также трудно было бы намъ согласиться и съ другимъ различіемъ, которое, хотя и не такъ уже прямо, проводитъ между слугами и служками г. Будановъ. На стр. 28 его предисловія мы узнаемъ отъ него, что слуги XV вѣка «не требовали никакихъ сословныхъ привилегій и даже нѣкоторые изъ нихъ временно давали подымщину», а на 99 стр. онъ называетъ служекъ XVI вѣка «классомъ, открывавшимъ дорогу къ привилегированному положенію», а нѣсколькими строками ниже мы узнаемъ, что и служки иногда бывали «не вполнѣ освобождены отъ податей, именно: должны давать подымное и пушкаровщину». Въ виду такого, до послѣднихъ мелочей одинаковаго, положенія и повинностей слугъ и служекъ врядъ ли удобно выдѣлять ихъ въ особые разряды и придавать имъ столь

различные опредѣляющіе термины. На нашъ взглядъ слуги и служки, отличаясь одни отъ другихъ только названіями, составляли одинъ разрядъ населенія. Авторъ ставитъ еще въ виду государству уменьшеніе количества слугъ въ XVI вѣкѣ, но самъ же замѣчаетъ, что «слуги могли превращаться въ бояръ, а бояре въ земянъ». (стр. 99).

Въ тѣсной связи съ этимъ находится взглядъ автора на городскую и землевладѣльческую колонизацію. Рисуя распаденіе общиннаго городскаго землевладѣнія въ XVI в., послѣдовавшее отсюда обѣднѣніе городовъ и потерю ими значенія для колонизаціи, авторъ видитъ вину этого въ правительствѣ, искусственно развившемъ частное землевладѣніе изъ цѣлей, имѣвшихъ мало общаго съ колонизаціей страны. Для Литвы такою цѣлью было образованіе большой подвижной арміи, необходимой въ борьбѣ съ Московскимъ государствомъ, для Польши—«главнымъ было, очевидно, побужденіе политическое, т. е. полонизація края». Послѣдній выводъ авторъ дѣлаетъ на основаніи того факта, что въ люстраціи хмельницкаго повѣта 1565 г. отмѣчено, что нѣсколько селъ «розданы королемъ нѣкоторымъ панамъ и шляхтичамъ польскимъ». Не отрицая всецѣло у польскаго правительства «колонизаціоннаго мотива», отводя ему даже «видное мѣсто», такъ какъ онъ очень часто проявляется въ актахъ при пожалованіи напр. имѣній подъ условіемъ заселенія, г. Будановъ думаетъ однако въ то же время, что «указанные мотивы (стремленія къ заселенію страны) могли быть и здѣсь только второстепенными». Шаткость и произвольность подобныхъ построеній, всецѣло основанныхъ на предположеніяхъ, слишкомъ очевидна, чтобы ее надобно было еще доказывать. Силы частныхъ владѣльцевъ, къ которымъ обратилось государство, также не принесли пользы дѣлу колонизаціи ю. Руси. Раздача общинныхъ земель частнымъ лицамъ имѣла «отрицательные результаты для колонизаціи», говоритъ г. Будановъ на стр. 128. «Государственная общинно-городская земля, повторяетъ онъ на стр. 136, переходила въ частныя руки безъ видимой пользы для колонизаціи». Между тѣмъ самъ же онъ приводитъ факты, противорѣчащіе этому общему положенію: такъ, онъ сообщаетъ, что Гуляльники были отданы воеводой кіевскимъ кн. Острожскимъ въ 1560 г. нѣкоему Мотовидлу «на осадство» и заселены имъ въ дѣйствительности, причемъ получили и новое имя Мотовиловки (стр. 130); что владѣніе, образовавшееся изъ пожалованныхъ боярину Ѳедору Тышѣ селищъ Ходоркова и Кривaго, «разрослось впослѣдствіи на всю окрестность», причемъ въ

Ходорковѣ былъ построенъ замокъ и около него «кристаллизовалась мѣстная колонизація»; что кн. Збаражскій-Верещинскій устроилъ въ своихъ владѣніяхъ, именно въ Фастовѣ и Черногородкѣ, замки и въ 1593 г. отразилъ нападеніе крымской орды, которою предводительствовалъ самъ ханъ, (стр. 131) и т. д. Эти факты далеко не соотвѣтствуютъ тому рѣшительному общему положенію, которое мы привели выше, и такое противорѣчіе не устраняется ни попыткой автора свести общіе итоги крестьянской колонизаціи съ помощью частныхъ владѣльцевъ, такъ какъ значеніе этихъ цифръ уже указано нами выше, ни указаніемъ на стремленіе землевладѣльцевъ нѣкоторыхъ мѣстностей (точнѣе—винницкаго повѣта) къ установленію прикрѣпленія крестьянъ. Вполнѣ полагаясь на заявленіе пановъ люстратору въ 1545 г., что они не имѣютъ никакой выгоды отъ крестьянъ при существованіи свободнаго перехода, г. Будановъ заключаетъ отсюда, что слѣдовательно имъ незачѣмъ было заботиться и о привлеченіи колонистовъ. (стр. 145). Между тѣмъ болѣе внимательное отношеніе къ опредѣленіямъ повинностей крестьянъ въ люстраціяхъ могло бы вывести его изъ этого заблужденія. Довѣріе г. Буданова къ показаніямъ его источниковъ въ томъ случаѣ, когда они указываютъ на невыгодное положеніе населенія, доходитъ даже до того, что на основаніи упоминанія о взаимныхъ грабежахъ на границахъ литовскихъ и польскихъ владѣній онъ считаетъ возможнымъ говорить о «постоянной партизанской (? sic) войнѣ» между пограничнымъ населеніемъ двухъ украйнъ. (стр. 148).

Какъ мы видимъ, взгляды автора на счетъ недостатковъ правительственной, городской и частновладѣльческой колонизаціи далеко не такъ прочно обоснованы, чтобы могли безъ ущерба выдержать критику. Авторъ однако убѣжденъ въ ихъ справедливости и видитъ болѣе успѣшный способъ колонизаціи только въ движеніи самихъ народныхъ массъ, въ колонизаціи козацкой. Когда правительство, города и частные владѣльцы оказались безсильны въ своихъ попыткахъ произвести заселеніе южныхъ окраинъ, тогда, по мнѣнію г. Буданова, явились «усилія народныхъ массъ колонизовать южныя пустыни самостоятельно, на собственный рискъ» (стр. 160); эти усилія выразились козацкимъ движеніемъ въ степи и повели впередъ то дѣло, отъ котораго отступились другія правительственныя и общественныя силы. Козачество и козацкая колонизація являются такимъ образомъ кульминаціоннымъ пунктомъ въ изложеніи г. Будановымъ хода колонизаціи, завершаютъ собою зданіе его научныхъ

построеній по этому поводу. Въ виду этого мы попытаемся пристальнѣе приглядѣться къ этой части его изслѣдованія и провѣрить тщательнѣе заключающіеся въ ней выводы.

Прежде всего, что такое козакъ, какъ членъ гражданскаго общества, какое мѣсто занималъ онъ въ послѣднемъ въ данную эпоху? «Козакъ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Будановъ, и здѣсь, какъ на сѣверѣ (напр. въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря)—батракъ, человѣкъ бездомный, бобыль» (стр. 47). «Козакомъ вообще назывался, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, бездомный и безсемейный пришелецъ» (стр. 160). Въ этихъ двухъ опредѣленіяхъ уже есть нѣкоторое, хотя и не особенно чувствительное, различіе, но посмотримъ, на сколько то и другое изъ нихъ оправдывается свидѣтельствомъ источниковъ. Въ грамотѣ Сигизмунда I Василію Тышкевичу, передающей жалобы черкасскихъ мѣщанъ и козаковъ на Евстафія Дашкевича и отмѣняющей учрежденныя послѣднимъ насилія, между прочимъ, передается и такая жалоба: «pan Ostafiey dey z kożdoho z nich y z naymitow ich y z kozakow po kunicy abo po lisicy biral...» (стр. 368 актовъ). Въ этомъ случаѣ козакъ и наймитъ поставлены рядомъ, какъ понятія, взаимно другъ друга исключающія и ни въ какомъ случаѣ уже не тожественныя. Съ другой стороны и понятіе неосѣдлости вовсе не соединяется неразлучно съ именемъ козака: въ люстраціи хмельницкаго староства 1565 г. въ д. Летникѣ мы встрѣчаемъ корчмаря козака (стр. 155 актовъ), въ с. Лысогорцахъ крестьянина—козака (стр. 161 ib.), въ слободкѣ Селищѣ—тоже (стр. 222 ib.). Авторъ, правда, объясняетъ эти послѣдніе факты такимъ образомъ, что часть главной бродячей массы примкнула въ этомъ случаѣ къ крестьянскимъ общинамъ (стр. 162), но это не болѣе, какъ предположеніе, не уничтожающее того факта, что съ козачествомъ не соединяется неизбѣжно бродяжничество. Въ другомъ случаѣ, впрочемъ, самъ авторъ далеко отходитъ отъ этого своего положенія, признавая т. н. «подлѣйшихъ бояръ» актовъ «особымъ видомъ козаковъ» (стр. 56) и создавая даже особый терминъ «козаковъ-пановъ» и «козацко-панскаго землевладѣнія» (стр. 120), но и здѣсь остаются не выясненными основанія такой сложной терминологіи. Въ этихъ разнородныхъ опредѣленіяхъ трудно найти какой-нибудь точный и постоянный признакъ, который бы дѣйствительно былъ основанъ на показаніяхъ источниковъ и позволялъ выдѣлить козаковъ въ особый классъ. Г. Будановъ какъ будто пытается еще указать такой признакъ, говоря о «козацкой, т. е. об-

щинно-военной службѣ» (стр. 162), но за полнымъ отсутствіемъ у него всякихъ ближайшихъ опредѣленій этого несовсѣмъ яснаго термина мы не можемъ принять и этого признака. Между тѣмъ акты позволяютъ, намъ кажется, опредѣлить роль и общественное положеніе козаковъ если и не вполнѣ точно, то по крайней мѣрѣ съ бо́льшею точностью, чѣмъ это дѣлаетъ г. Будановъ. Ни батрачество, ни бродяжничество, ни даже военная служба сами по себѣ еще не являются достаточными признаками для опредѣленія козака: козакъ можетъ служить въ наймитахъ и не служить, не имѣть осѣдлости или имѣть ее, можетъ и не ходить на войну, оставаясь козакомъ (въ люстраціи каневскаго повѣта упоминаются такіе козаки, не ходящіе въ козацтво); роль, въ которой козаки являются въ актахъ постоянно, есть роль промышленниковъ: они владѣютъ уходами, пасѣками, бобровыми гонами, занимаются охотой; занятія этими промыслами въ опасной пограничной странѣ неизбѣжно соединены съ готовностью къ самооборонѣ и самыя промышленныя предпріятія легко обращаются въ военные походы. Таковъ общій характеръ козачества, но онъ не исключаетъ, конечно, возможности для отдѣльныхъ лицъ этого класса переходить въ наймиты и даже въ тяглые крестьяне. Само собою разумѣется, и такое опредѣленіе есть лишь гипотеза, и притомъ не совсѣмъ и новая, но мы только и хотѣли указать, что факты, заключающіеся въ изданныхъ г. Будановымъ документахъ, способны подтвердить подобное предположеніе.

У г. Буданова мы встрѣчаемъ и указанія на тѣ мѣстности, откуда, по его мнѣнію, вышло козачество, но эти географическія указанія еще гораздо болѣе неопредѣленны и неясны, чѣмъ опредѣленіе соціальнаго положенія козаковъ. Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія онъ отмѣчаетъ случай названія козаковъ въ Прибужьѣ «Болоховцами» и немедленно заявляетъ, что это имя было «особеннымъ спеціальнымъ названіемъ козаковъ въ этихъ мѣстахъ». Этимъ именемъ, прибавляетъ авторъ, обозначаются тѣ украинники, предшественники козаковъ, которыхъ поселенія извѣстны были подъ именемъ Болоховской земли въ до-татарское время» (стр. 59). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы узнаемъ со словъ г. Буданова, что «въ при-бужской украйнѣ сохранились и мелкія древне-русскія этнографическія особи, каковы Болоховцы, впрочемъ, въ значеніи не столько племенномъ, сколько сословномъ» (стр. 189). Эти выводы слишкомъ уже широки для того отдѣльнаго факта—упоминанія имени Боло-

ковцевъ,--изъ котораго они дѣлаются, тѣмъ болѣе, что Болоховцы и древней Руси не представляются ясно опредѣленной этнографической особью, а какой смыслъ имѣетъ эта послѣдняя въ сословномъ значеніи—остается совершенно неяснымъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ называетъ г. Баръ «исконнымъ гнѣздомъ козачины», но не поясняетъ, въ силу чего онъ употребляетъ такое названіе.

Наконецъ, третьимъ пунктомъ, съ котораго г. Будановъ пытается опредѣлить козачество, является нравственное или идейное содержаніе послѣдняго. Авторъ указываетъ его прежде всего путемъ сравненія козаковъ съ татарами. «Тѣ и другіе, говоритъ онъ, были бездомные удальцы и луговые пираты; глубокая разница заключалась не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ націяхъ, изъ которыхъ они вышли и по характеру которыхъ опредѣлялись цѣли и значеніе дѣятельности козаковъ обѣихъ странъ: татарскіе козаки были только хищники, русскіе совершали свои набѣги съ двойною цѣлію: изъ видовъ личнаго грабежа и постояннаго стремленія раздвинуть русскіе предѣлы на счетъ «поганства» (стр. 166—7). Если отбросить даже всю неловкость этой фигуральной и немного запутанной фразы, то остается еще неясность понятій. Дѣйствительно ли татары были «только хищники»? Врядъ ли такъ и мы позволимъ себѣ напомнить г. Буданову положенія, высказанныя имъ по этому поводу въ первой главѣ его труда. «Вообще, говоритъ онъ тамъ, въ дѣйствіяхъ Менгли-Гирея виденъ уже государственный смыслъ и цѣли, очевидно подсказанныя изъ Константинополя»; и еще: съ конца XV вѣка крымскіе татары «совершали свои привычные походы на южную Русь уже для двойной цѣли: ради временной добычи и въ угоду турецкому султану" (стр. 3). Указывая далѣе на то, что въ походахъ на татаръ съ козаками участвовали и люди, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ тогдашняго общества, авторъ говоритъ: «козаковали и сами старосты; не стыдились князья вести жизнь бродниковъ [1]) и изъ этого заключаетъ: «очевидно, тогдашнее лучшее русское общество видѣло въ козакованьѣ не презрѣнный промыселъ разбоя, а богатырство—піонера національнаго движенія на югъ--къ Черному морю» (стр. 167). Такой способъ доказатель-

[1]) Къ слову сказать, для насъ не совсѣмъ ясно, зачѣмъ авторъ, говоря о козакахъ, употребляетъ такую массу фигуральныхъ и описательныхъ выраженій: „луговые пираты", „бродники", „степовики", „лугари" и т. д. Все это выраженія, можетъ быть, и очень красивыя, но мало относящіяся къ тому вопросу, съ какимъ мы имѣемъ дѣло, искорѣе способныя внести въ него фантастическія представленія.

ства не особенно удаченъ, что и подтверждается фактами. Мы видѣли уже, что г. Будановъ всѣхъ храбрыхъ и энергичныхъ украинскихъ старостъ зачислялъ въ козаки; изъ нихъ особенную симпатію онъ чувствуетъ къ кн. Дм. Вишневецкому, котораго и не называетъ иначе, какъ «князь-козакъ» (стр. 84, 93, 94); Вишневецкій, по его словамъ, «чистый типъ козака» (стр. 94), «истинный козакъ по натурѣ» (стр. 169), и однако этотъ самый Вишневецкій служилъ татарамъ, что довольно трудно согласить съ «богатырствомъ піонера національнаго движенія на югъ». Авторъ однако какъ будто и не замѣчаетъ опутывающихъ его противорѣчій и въ послѣднемъ своемъ выводѣ, окончательно отбрасывая первую половину выставленнаго первоначально положенія, заявляетъ, что «вся заслуга послѣдующей колонизаціи степей козачиною безраздѣльно принадлежитъ самимъ народнымъ массамъ, которыхъ влекли сюда не жажда бродяжничества и разбоя, а глубокій и здравый историческій смыслъ» (стр. 176). Четырьмя страницами раньше жажда разбоя числилась у г. Буданова въ числѣ факторовъ, толкавшихъ козаковъ въ степь, а теперь она уже вычеркнута безвозвратно. Изъ такихъ неполныхъ и противорѣчивыхъ опредѣленій трудно вынести сколько-нибудь ясное понятіе о характерѣ козачества, какъ соціальнаго ли класса или какъ представителя идейныхъ стремленій народа.

Слѣдомъ за вопросомъ о характерѣ козачества г. Будановъ рѣшаетъ и другой вопросъ, объ его организаціи. Рѣшительно отрицая предположеніе объ организаціи городовыхъ козаковъ еще Евстафіемъ Дашкевичемъ, онъ приписываетъ начало организаціи козачества никому иному, какъ царю Ивану Грозному. «Первое основаніе сплоченью бродячихъ козацкихъ силъ въ Запорожьѣ, говоритъ онъ, положено царемъ Іоанномъ Грознымъ: идя подъ Очаковъ, дьякъ Ржевскій въ 1556 г. соединилъ подъ своимъ начальствомъ днѣпровскихъ козаковъ, которыми предводительствовали отаманы Млинскій и Михаилъ Есковичъ» (стр. 168). Къ сожалѣнію, мы и въ этомъ пунктѣ не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ: разъ у козаковъ были уже въ это время отаманы, то слѣдовательно была и организація, а стало быть, не царь Грозный положилъ ей начало.

Что касается общаго взгляда г. Буданова на значеніе и успѣшность козацкой колонизаціи, то съ нимъ мы уже познакомились. Отмѣтимъ здѣсь только одну частность, которая поможетъ намъ лучше понять его возникновеніе, а слѣдовательно и оцѣнить его важность. Говоря о положеніи каневскихъ козаковъ, какъ его ри-

суютъ люстраціи, авторъ замѣчаетъ: часть козаковъ остается уже на постоянномъ жительствѣ въ городѣ въ качествѣ слугъ у мѣщанъ и бояръ; остальные, продолжающіе лѣтомъ ходить «въ козацтво», уже должны нести нѣкоторую службу начальству замка. Такъ, неожиданно заключаетъ авторъ, уже здѣсь вольная колонизація стремилась примкнуть къ городской» (стр. 164). Въ первую минуту такой выводъ можетъ показаться просто результатомъ неудачной терминологіи, такъ какъ сразу ясно, что тутъ дѣло не въ стремленіи козаковъ примкнуть къ городу, а въ притягиваніи ихъ къ послѣднему правительствомъ. Вглядѣвшись поближе, не трудно однако видѣть, что приведенное мѣсто находится въ согласіи со всѣмъ остальнымъ текстомъ автора и что терминъ поставленъ имъ въ данномъ случаѣ, если и ошибочно, то не случайно. При условіи подобныхъ пріемовъ авторъ и пришелъ къ тому своему главному выводу, о которомъ мы упомянули выше. .

Намъ осталось теперь разобрать еще четвертую главу труда г. Буданова, посвященную опредѣленію направленія колонизаціи и этнографическаго состава населенія южной Руси. Источники не даютъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ прямыхъ указаній ни на то, ни на другое, и въ виду этого авторъ прибѣгъ къ особымъ пріемамъ, чтобы добыть изъ нихъ нужныя ему свѣдѣнія. Такихъ пріемовъ у него два: одинъ заключается въ разсмотрѣніи прозвищъ поселенцевъ, причемъ прозвище, заключающее въ себѣ названіе какой-нибудь мѣстности, принимается за указаніе родины носящаго его человѣка, другой представляетъ собою филологическій разборъ именъ и фамилій съ цѣлью опредѣленія національности. Авторъ увѣренъ, что съ помощью этихъ пріемовъ онъ можетъ «безошибочно» опредѣлить направленіе колонизаціи (стр. 173) и «довести точность этнографическихъ наблюденій до крайней степени» (стр. 183). Мы однако не совсѣмъ раздѣляемъ это убѣжденіе, и вотъ почему: прозваніе по мѣстности далеко не всегда заключаетъ въ себѣ указаніе на мѣсто родины; оно можетъ быть дано по имени той мѣстности, гдѣ человѣкъ жилъ передъ послѣднимъ переходомъ своимъ, можетъ зависѣть и отъ многихъ другихъ причинъ. Стоитъ взять любую опись, въ которой имѣются отмѣтки о мѣстѣ родины, чтобы убѣдиться въ этомъ. Беремъ на удачу два примѣра изъ Румянцовской описи: въ с. Великомъ Хуторѣ золотоношской сотни названъ посполитый Федоръ Мошенецъ; судя по имени, онъ долженъ быть уроженцемъ Мошенъ, а на самомъ дѣлѣ въ описи отмѣчено: «родимецъ мѣстечка

Гелмязова» (Библіотека кіев. университета, Румянц. опись, золотоношская сотня, ч. 11, с. Великій Хуторъ, бѣловая опись, л. 30 об.). Или: въ слободкѣ Дуниновской имѣется семья посполитыхъ Жорноклевскихъ; родомъ они однако не изъ села Жорноклей, какъ слѣдовало бы ожидать по фамиліи, а изъ с. Нехаекъ (Ibid., сл. Дуниновская, бѣловая опись, л. 3 об.). Въ послѣднемъ примѣрѣ мы имѣемъ двѣ очень близкія мѣстности, но дѣло не въ томъ: примѣровъ болѣе рѣзкихъ можно найти массу въ той же Румянцовской описи, а разъ нѣтъ строгаго соотвѣтствія между прозвищемъ поселенца и его родиной, то какъ установить приблизительное значеніе перваго? Еще болѣе затрудненій представляетъ второй пріемъ. Въ одномъ случаѣ самъ авторъ, пользующійся имъ съ цѣлью «довести точность этнографическихъ наблюденій до крайней степени», встрѣтилъ въ этомъ затрудненіе. Въ Кіевѣ, именно по люстраціи 1552 г., оказалось 6 армянскихъ домовъ, но въ то же время нашлись армянскій попъ и армянскіе шпитали, и въ виду этого авторъ находитъ, что «вѣроятно, армянъ было нѣсколько больше и они скрываются уже подъ фамиліями русскими» (стр. 185). Ему однако не приходитъ соображеніе, что то же самое могло быть и съ другими національностями и, находя въ томъ же Кіевѣ католическую церковь, онъ рѣшительно утверждаетъ, что прихожанами ея могли быть только жолнеры гарнизона (стр. 186). Правда и то, что, встрѣтивъ въ кіевскомъ повѣтѣ какого-то Зигмунта, авторъ замѣчаетъ: «можетъ быть это только прозвище» (стр. 175). Врядъ ли это можетъ быть: Зигмундтъ или Сигизмундъ есть польское имя, а не прозвище. Можетъ возникнуть еще сомнѣніе насчетъ правильности этнографическихъ выводовъ за все населеніе по даннымъ люстрацій, охватывающимъ только часть его, но авторъ устраняетъ это сомнѣніе слѣд. заявленіемъ: «думаемъ, что процентныя отношенія, выведенныя изъ люстрацій, имѣютъ одинаковое значеніе для всего населенія», не приводя однако никакихъ доказательствъ, почему можно такъ думать, кромѣ того соображенія, будто «нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ тѣхъ частяхъ территоріи, которыхъ люстраціи не касаются, національныя отношенія имѣли почему-либо иной характеръ» (стр. 201); нѣтъ никакихъ основаній однако предполагать и обратное. Затѣмъ, убѣдившись уже окончательно въ достоинствѣ своего метода, авторъ оперируетъ съ нимъ надъ источниками и съ точностью до одной цѣлой опредѣляетъ процентное отношеніе различныхъ національностей, вошедшихъ въ составъ населенія украин-

ныхъ повѣтовъ, причемъ на долю русской народности въ повѣтахъ литовскаго государства приходится 96%, польской—2%, восточныхъ инородцевъ—1% и т. д. Къ сожалѣнію, мы должны повторить, что мы не можемъ относиться съ такимъ довѣріемъ, какъ г. Будановъ, къ этому методу. Дѣло въ томъ, что имена очень легко вообще поддаются акклиматизаціи и такимъ образомъ критерій различія ускользаетъ изъ рукъ. Это нетрудно и доказать. Въ той же Румянцовской описи, примѣры изъ которой мы уже приводили, въ с. Вознесенскомъ золотоношской сотни переяславскаго полка въ числѣ посполитыхъ Дм. Бѣлухи записанъ м. пр. Степанъ Степанчукъ; по имени и фамиліи всѣ, и, конечно, и самъ г. Будановъ, приняли бы его за малоросса, но въ отмѣткѣ о мѣстѣ рожденія читаемъ: «родимецъ польской области, с перехристовъ» (Р. О. переясл. п. золотон. с., ч. 12). Въ этомъ случаѣ исчезло хотя вѣроисповѣдное различіе, но можно привести примѣры еще болѣе рѣзкіе и притомъ болѣе близкіе. Въ изданной г. Будановымъ люстраціи Кременца 1563 г. мы находимъ въ числѣ именъ жителей и такія: «Bogdan żyd, Marko żyd»; (стр. 46 актовъ); если отбросить здѣсь это опредѣляющее національность слово, то, пользуясь методомъ г. Буданова, надо будетъ и этихъ евреевъ отчислить къ малороссіянамъ. Все сказанное даетъ намъ, повидимому, право утверждать, что орудіе, употребленное г. Будановымъ, слишкомъ грубо и примитивно для тѣхъ точныхъ выводовъ, которые онъ хотѣлъ произвести съ его помощью, благодаря чему и самые выводы лишаются въ значительной степени своей достовѣрности.

Это замѣчаніе сохраняетъ свою силу и для выводовъ г. Буданова по отношенію къ украинскимъ польскимъ повѣтамъ, избавляя насъ отъ обязанности разбирать заключенія, дѣлаемыя здѣсь авторомъ. Вмѣсто того мы остановимся на полемикѣ, какую ведетъ г. Будановъ съ г. Яблоновскимъ по вопросу о числѣ и условіяхъ существованія православнаго духовенства на Подольѣ. Происхожденіе ея таково: г. Яблоновскій обнародовалъ въ XIXтомѣ Zródla dzijeowe тарифы 1530—1542 гг. Изъ сводки и сличенія заключающихся въ нихъ данныхъ о числѣ православнаго духовенства оказалось, что на Подольѣ 1 попъ приходится на 4 села, а на Волыни 1 попъ—на 5 селъ; при этомъ наименьшее количество православнаго духовенства на Волыни приходилось на имѣнія кн. Острожскихъ, а наибольшее на имѣнія католическихъ епископовъ. По этому поводу г. Яблоновскій замѣчаетъ: «показаніе случайное, но выразительное,

что въ религіозномъ отношеніи лучше было (для православныхъ) подъ непосредственной властью Короны». Отвѣтъ пр. Буданова на это замѣчаніе такъ характеренъ, что мы позволимъ сббѣ выписать его цѣликомъ. «Принимая съ признательностью, пишетъ онъ, изданные имъ (Яблоновскимъ) цифровые акты и не споря о числѣ православнаго духовенства на Подольѣ, мы отнюдь не можемъ согласиться съ послѣднимъ общимъ замѣчаніемъ г. Яблоновскаго: еслибы принять его толкованіе фактовъ, т. е. еслибы различіе въ числѣ духовенства зависѣло отъ доброй воли владѣльцевъ, то выходило бы, что латинскіе бискупы занимались пропагандою православія на Волыни, а католическіе паны на Подольѣ были горячими ревнителями греческаго исповѣданія, между тѣмъ какъ православные князья Острожскіе были гонителями православія. Если выводъ г. Яблоновскаго о перевѣсѣ Подолья надъ Волынью въ числѣ православнаго духовенства вѣренъ, то, конечно, онъ нуждается въ иномъ объясненіи. Мы не беремся его сдѣлать, но по общему смыслу явленій можемъ безошибочно утверждать, что въ православной церкви содержаніе духовенства зависитъ болѣе отъ прихожанъ, чѣмъ отъ владѣльцевъ, что число духовенства опредѣляется состоятельностью и набожностью приходовъ (если нѣтъ прямаго гоненія со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ); быть можетъ, вѣчная опасность украинныхъ жителей Подолья возвышала ихъ набожность, а легкая возможность пріобрѣсти состояніе и даже богатство въ столь обильной странѣ, особенно путемъ добычи отъ тѣхъ же татаръ, давала возможность меньшему числу жителей содержать церковь и священника» (стр. 204—5). Въ этомъ возраженіи есть двѣ части, которыя приходится различать: мы согласны съ пр. Будановымъ въ томъ, что выводъ, сдѣланный г. Яблоновскимъ, слишкомъ поспѣшенъ и не имѣетъ за собою достаточныхъ данныхъ, главнымъ образомъ потому, что перевѣсъ числа подольскихъ поповъ надъ волынскими еще не такъ великъ, а жизнь населенія еще слишкомъ мало изучена, чтобы можно было ставить столь категорическія положенія, но съ другой стороны мы никакъ не можемъ принять и объясненія, дѣлаемаго г. Будановымъ. Не стоило, намъ кажется, посвящать всю первую главу изслѣдованія и значительную часть второй доказательству жестокаго разоренія Украйны татарами, для того, чтобы въ концѣ труда свести это разореніе на поживу отъ тѣхъ же татаръ. Тутъ мы сталкиваемся опять съ однимъ изъ тѣхъ противорѣчій, на которыя намъ не разъ уже приходилось обращать внима-

ніе въ изложеніи уважаемаго автора. На нашъ взглядъ обнародованныя г. Яблоновскимъ цифры уполномочиваютъ сдѣлать только одинъ выводъ, именно констатировать отсутствіе религіозной нетерпимости и гоненій въ то время; объяснить же представляемый ими фактъ во всей его полнотѣ при данномъ состояніи матеріаловъ мы не можемъ и думаемъ, что обѣ попытки къ этому не достигли своей цѣли.

На этомъ мы и закончимъ свое изложеніе изслѣдованія г. Буданова и тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ пришелъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ выводовъ мы не могли согласиться, другіе намъ представлялись возможными лишь при условіи серьезныхъ ограниченій и лишь очень немногія изъ главныхъ положеній автора мы могли бы принять безусловно. Но и помимо этихъ главныхъ положеній, представляющихъ все таки не мало интереса, въ трудѣ почтеннаго ученаго имѣется много цѣннаго: трудъ этотъ вводитъ въ обращеніе рядъ новыхъ, до сего времени неизвѣстныхъ или недостаточно извѣстныхъ фактовъ, содержитъ въ себѣ не мало частныхъ выводовъ, удачно освѣщающихъ то или другое явленіе, и такимъ образомъ содѣйствуетъ всестороннему изученію сложнаго вопроса о заселеніи Малороссіи.

Что же касается тѣхъ недостатковъ основныхъ положеній въ трудѣ проф. Буданова, на которые мы указывали, то они проистекаютъ, какъ намъ кажется, не только изъ простаго недосмотра автора, случайнаго пропуска показанія источниковъ или столь же случайнаго противорѣчія съ собственнымъ выводомъ; главная причина ихъ лежитъ глубже, заключаясь въ самыхъ пріемахъ научной работы автора, въ постановкѣ, приданной имъ вопросамъ изслѣдованія: въ настоящемъ своемъ трудѣ онъ не столько слѣдитъ за происхожденіемъ и развитіемъ того или другаго явленія, не столько задается вопросомъ о его причинахъ, сколько критикуетъ самое явленіе съ точки зрѣнія собственныхъ принциповъ и желаній. Такой пріемъ открываетъ широкую дорогу субъективизму, даетъ возможность переходить съ одной точки зрѣнія на другую и вводить въ изложеніе морализирующій элементъ, причемъ автору не удается уже сохранить и безпристрастіе, о которомъ онъ довольно часто упоминаетъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ пріемъ обусловилъ собою и отношеніе автора къ его источникамъ: исходя изъ заранѣе опредѣленныхъ требованій, онъ и источникамъ ставитъ не тѣ вопросы, какіе вытекаютъ изъ ихъ содержанія, а тѣ, какіе желательны ему

въ его напередъ составленномъ построеніи. Благодаря этому, получилось то явленіе, что главные выводы автора пріурочены къ наиболѣе слабымъ пунктамъ источниковъ. Въ общемъ такой пріемъ нельзя назвать строго научнымъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ третьяго тома настоящаго изданія, который, какъ слышно, вскорѣ ожидается, удобнѣе будетъ говорить и о томъ общемъ планѣ изслѣдованія проф. Буданова, который былъ выставленъ имъ еще въ предисловіи къ первому тому, и о матеріалахъ, которыхъ мы не могли коснуться въ этотъ разъ.

В. М.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 г. Спб. 1891. Стр. CCCXXXIV+133 in 4°. Съ атласомъ и рисунками въ текстѣ. Цѣна 5 руб.

Императорской Археологической Коммиссіи, учрежденной въ Петербургѣ въ 1859 году, принадлежитъ въ археологіи Россіи заслуга первостепенной важности по систематическому изслѣдованію древнихъ могилъ классической эпохи на югѣ Россіи. Огромная масса драгоцѣнныхъ памятниковъ, открытыхъ въ нихъ, составляетъ нынѣ украшеніе Императорскаго Эрмитажа. Отчеты Археологической Коммиссіи содержатъ въ себѣ множество интереснѣйшаго матеріала по описанію открытыхъ древностей и обстоятельствъ, при которыхъ онѣ найдены; сверхъ того, къ отчетамъ часто прилагались научныя изслѣдованія объ этихъ древностяхъ.

По неизвѣстнымъ намъ причинамъ, послѣ отчета за 1881 годъ, появившагося въ печати въ 1883 г., послѣдовалъ долгій перерывъ. Но въ самое послѣднее время возобновилась и издательская дѣятельность Коммиссіи и мы имѣемъ нынѣ передъ собой отчетъ за большой промежутокъ времени 1882—1888 годы; отчетъ этотъ состоитъ изъ погодныхъ докладовъ, составленныхъ частію бывшимъ предсѣдателемъ Коммиссіи Васильчиковымъ, частію нынѣшнимъ ея предсѣдателемъ гр. А. А. Бобринскимъ.

Югъ Россіи, по преимуществу окрестности Керчи и Тамань, стоялъ на первомъ планѣ въ изслѣдованіяхъ Археологической Коммиссіи и въ отчетный промежутокъ времени, подобно тому, какъ и въ предшествовавшіе годы. Въ указанныхъ пунктахъ производили дѣятельныя и довольно успѣшныя раскопки директоры керченскаго музея г.г. Ве-

ребрюсовъ и Гроссъ, проф. Н. П. Кондаковъ и гр. А. А. Бобринской. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ таврической губ. производили раскопки профессора В. Д. Смирновъ и Н. И. Веселовскій. Съ 1888 г. и раскопки городища Херсонеса поручены Археологической Коммиссіи и производятся и доселѣ подъ наблюденіемъ К. К. Косцюшко-Валюжинича. Съ самаго начала работъ въ Херсонесѣ, производившихся въ 1888 г. подъ руководствомъ проф. Н. П. Кондакова, раскопки привели къ важному открытію, а именно, вопреки показанію Страбало, старый языческій Херсонесъ оказался подъ развалинами позднѣйшаго, средневѣковаго: найдена лакированная расписная посуда, древность которой опредѣляется безъ особенныхъ затрудненій, а главное—мастерская и лавка терракотовыхъ издѣлій; послѣднее открытіе важно въ томъ именно отношеніи, что впервые констатировало фактъ туземной фабрикаціи терракотъ, попадавшихся часто и прежде въ греческихъ могилахъ юга Россіи. Далѣе, И. К. Суручанъ произвелъ раскопку нѣсколькихъ кургановъ въ окрестностяхъ древней Ольвіи (с. Парутино, бл. Николаева), довольно, впрочемъ, безуспѣшную. Гораздо важнѣе по своимъ результатамъ были раскопки Д. Е. Филицына близъ Крымской станицы (кубанская обл.) и бар. В. Г. Тизенгаузена въ окрестностяхъ Анапы; язъ раскопанныхъ послѣднимъ особенно богатымъ по содержанію оказался большой курганъ на землѣ Благовѣщенской станицы. Раскопки скиѳскихъ кургановъ Поднѣпровья продолжалъ проф. Д. И. Самоквасовъ, изслѣдовавшій Безсчастную могилу и другія сосѣднія могилы въ александровскомъ у. екатеринославской губ., при чемъ особенно интересными оказались погребенія первыхъ вѣковъ христіанской эры. Скиѳскіе же курганы открыты и изслѣдованы г. Мазараки въ роменскомъ у. полтавской губ., что составляетъ пока самый сѣверный пунктъ для скиѳскихъ древностей.

Но что составляетъ особенность дѣятельности Коммиссіи за отчетный періодъ, это расширеніе района раскопокъ и круга изслѣдованій на области, которыя доселѣ не были затрогиваемы. Цымлянское городище на Дону, въ которомъ предполагаютъ остатки хазарскаго города Саркела, подвергались изслѣдованію проф. Н. И. Веселовскимъ; къ великому сожалѣнію, оно оказалось окончательно расхищеннымъ мѣстными жителями, алчность которыхъ къ кладоискательству была возбуждена прежней раскопкой В. И. Сизова. Затѣмъ серьезное и настойчивое вниманіе Археологической Коммиссіи въ означенное время привлекъ къ себѣ Кавказъ, гдѣ производили рас-

копки В. И. Долбежевъ, г. Пурцеладзе и гр. А. А. Бобринской, а изслѣдованіемъ церковныхъ древностей занимался г. Бакрадзе, и Средняя Азія, куда былъ командированъ на пѣлый годъ проф. Н. И. Веселовскій. Изслѣдованное имъ Афросіабово городище близь Самарканда дало массу терракотъ, носящихъ слѣды вліяній греческой, древне-персидской и китайской культуръ, и представляетъ выдающійся интересъ, особенно въ виду доказанной связи древностей Россіи съ древностями Востока. Съ нетерпѣніемъ ждемъ изданія памятниковъ, найденныхъ въ этомъ интересномъ могильникѣ съ обстоятельными комментаріями; какъ намъ извѣстно, оно уже и начато; кромѣ г. Веселовскаго, въ Средней Азіи производилъ раскопки г. Остроумовъ. Въ Сибири, давшей до сихъ поръ очень много памятниковъ, драгоцѣнныхъ для объясненія древностей скиѳскихъ, производили раскопки Н- Н. Пантусовъ, С. Кузнецовъ и А. В. Андріановъ.

Ближайшее отношеніе къ задачамъ изданія «Кіевской Старины» имѣютъ раскопки, произведенныя Н. П. Авенаріусомъ въ гродненской губ., г. Гамченкомъ близь Житомира и проф. В. Б. Антоновичемъ въ сквирскомъ уѣздѣ. О раскопкахъ г. Авенаріуса мы имѣли уже случай говорить раньше (Кіев. Стар. 1890, томъ XXXI стр. 355—356); читатели нашего журнала имѣли также случай ознакомиться съ результатами раскопокъ г. Гамченко по рецензіи объ изданномъ имъ отчетѣ (Кіев. Стар. 1889 г. томъ XXV стр, 656—658), что же касается раскопокъ проф. Антоновича, то отчетъ упоминаетъ о нихъ кратко, обѣщая опубликовать подробныя свѣдѣнія въ особомъ изданіи.

Кромѣ свѣдѣній о раскопкахъ, произведенныхъ Археологической Коммиссіей, въ отчетѣ находимъ данныя о вещевыхъ и монетныхъ кладахъ, поступавшихъ въ Коммиссію. Между прочимъ, здѣсь находимъ упоминанія о кладахъ древностей великокняжеской эпохи, найденныхъ въ Кіевѣ въ 1885 г., близь Софійскаго собора, на землѣ д. с. с. Есикорскаго, и въ 1887 году внутри ограды Михайловскаго Златоверхаго монастыря, въ Переяславѣ въ 1885 году и въ Черниговѣ въ 1887 г.

Въ приложеніи къ Отчету издано описаніе греческихъ надписей, открытыхъ въ Керчи и въ Херсонесѣ въ 1881—1888 г., составленное В. В. Латышевымъ, описаніе древностей, изданныхъ въ атласѣ, который приложенъ къ отчету, и подробный алфавитный указатель къ Отчету. Атласъ, служащій поясненіемъ къ Отчету, изданъ чрезвычайно изящно.

В. Я.

Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Импер. Археологическою Коммиссіею. Древности южной Россіи. №—9. Спб. 1891—1892 г.

Кромѣ отчетовъ о своей дѣятельности, Археологическая Коммиссія издаетъ еще «матеріалы по археологіи Россіи въ видѣ отдѣльныхъ выпусковъ in 4°, сопровождаемыхъ особыми таблицами рисунковъ и иллюстрируемыхъ политипажами. «Матеріалы» представляютъ собою продолженіе изданныхъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ «Древностей Геродотовой Скиѳіи», но въ послѣднее время кругъ издаваемыхъ памятниковъ расширенъ включеніемъ въ него древностей другихъ мѣстъ Россіи, т. е. и такихъ, которыя не входили въ границы Геродотовой Скиѳіи. Такимъ образомъ, послѣ втораго выпуска «Древностей Геродотовой Скиѳіи» въ 1888 году вышелъ 1-й выпускъ Сибирскихъ Древностей, въ 1890 г. Древности Сѣверо-западнаго края (изслѣдованіе Авенаріуса о Дрогичинѣ), въ 1891 г. 2-й выпускъ Сибирскихъ Древност.

Въ томъ же 1891 г. вышелъ № 6—первый выпускъ въ ряду той серіи Древностей южной Россіи, о которой мы предлагаемъ настоящій отчетъ. Онъ содержитъ изслѣдованіе проф. Юл. Кулаковскаго о керченской христіанской катакомбѣ 491 года, открытой имъ въ 1890 г. Главный интересъ вновь открытой катакомбы заключается въ хронологической датѣ и въ надписяхъ. Открытыя ранѣе въ Керчи катакомбы относятся къ I—IV стол. христіанской эры; въ 1876 г. въ мусорѣ, выброшенномъ изъ одной катакомбы грабителями, найдена была монета имп. Юстиніана II (685—695 г.); такимъ образомъ въ хронологіи открытыхъ доселѣ катакомбъ существовалъ перерывъ, который восполняется катакомбой 491 года. Для означеннаго времени погребеніе въ катакомбахъ признается г. Кулаковскимъ туземнымъ способомъ погребенія; отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ концѣ V в. на Боспорѣ сидѣло то самое населеніе, которое занимало его въ I—IV ст. христіанской эры. Встрѣчающіяся въ надписяхъ катакомбы собственныя имена могутъ быть объяснены изъ иранскаго и тѣмъ обличаютъ сарматскую національность христіанъ, погребенныхъ въ ней. Итакъ, катакомба эта свидѣтельствуетъ о томъ, что прекращеніе династіи боспорскихъ царей въ первой половинѣ IV в. не сопровождалось разрушеніемъ города и искорененіемъ стараго населенія, какъ склонны были думать доселѣ.

Въ текущемъ году вышло три выпуска «Матеріаловъ».

№ 7 содержитъ «описаніе классическихъ древностей, найденныхъ въ Херсонесѣ въ 1888 и 1889 годовъ» В. К. Мальмберго и

«обозрѣніе монетъ, найденныхъ при херсонесскихъ раскопкахъ въ 1888 и 1889 годахъ» А. В. Орѣшникова. Предметы древности, разсматриваемые г. Мальмбергомъ, заключаются въ формахъ для терракотовыхъ издѣлій и черепкахъ расписной глиняной посуды. Оригиналами, по которымъ выдѣлывались означенныя формы, авторъ считаетъ металлическія вещи, въ частности крышки туалетныхъ коробочекъ, мраморы, терракотовыя фигуры и пр. Изъ формъ, снятыхъ съ мраморовъ, особенно любопытна одна, въ оттискѣ дающая лицо Діониса, вполнѣ сходная съ мраморной головкой, открытой въ Херсонесѣ же, но въ другомъ мѣстѣ, въ 1890 г., съ которой, очевидно, и была снята. Эпоха открытыхъ древностей опредѣляется серединой III ст. до Р. Х. Главная масса монетъ, открытыхъ въ Херсонесѣ, относится къ IV—XI в. Особенный интересъ представляютъ неизданный серебряный статеръ съ именемъ Нанона и 2 бронзовыя монеты императоровъ Александра и Василія II и Константина XI.

№ 8. Византійскій памятникъ, найденный въ Керчи въ 1891 г. Дѣло идетъ о серебряномъ блюдѣ безъ поддона, напоминающемъ такъ называемые подносные щиты, найденномъ въ случайно открытой катакомбѣ. Въ видахъ рѣдкости памятниковъ подобнаго рода и возможно разносторонней его оцѣнки, Археологическая коммиссія обратилась за объясненіемъ его одновременно къ двумъ лицамъ: профессору университета въ Грацѣ Іосифу Стржиговскому и профессору Петербургской Духовной Академіи Н. В. Покровскому; изслѣдованія обоихъ названныхъ ученыхъ и составляютъ содержаніе этого выпуска, причемъ изслѣдованіе г. Стржиговскаго, написанное по-нѣмецки, напечатано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ. Главный интересъ блюда заключается въ изображеніи всадника, впереди котораго выступаетъ богиня Нике, а позади идетъ воинъ; всадникъ одѣтъ въ восточный костюмъ, равно и тѣлохранитель. Путемъ сравненія этого изображенія съ другими памятниками, оба изслѣдователя приходятъ къ одному и тому же выводу относительно личности, которая представлена верхомъ на конѣ; сличеніе его съ мозаикой въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ не оставляетъ сомнѣнія, что на блюдѣ изображенъ императоръ Юстиніанъ. Блюдо это дополняетъ небольшое число памятниковъ V—VI в., найденныхъ въ Керчи, и свидѣтельствуетъ о близости художественной культуры Боспора и Византіи.

№ 9. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1889—1891 годахъ. Съ объясненіями В. В. Латышева.

Сюдо вошли древне-греческія, латинскія и греческія византійскія надписи Херсонеса, Боспора, Тиры и Танаиды. Изъ нихъ особенное значеніе имѣетъ хорошо сохранившійся текстъ гражданской присяги Херсонесцевъ, относимый г. Латышевымъ къ III—IV ст. до Р. Х. и заключающій нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній по исторіи и государственному устройству Херсонеса.

В. Я.

Обозрѣніе журналовъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи №№ 7—9. *Письма высокопреосвященнѣйшаго Платона, митрополита кіевскаго и галицкаго, къ Иннокентію, архіепископу херсонскому и таврическому. Сообщ. профес. Н. И. Барсовъ.* Всѣхъ писемъ 20; относятся они къ тѣмъ періодамъ въ жизни покойнаго митрополита Платона, когда онъ былъ епископомъ ковенскимъ, викаріемъ литовскимъ (начало 40-хъ годовъ), а затѣмъ епископомъ рижскимъ (конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ). Для насъ больше интереса представляютъ письма перваго періода. (№ 7, стр. 452—483).

Богословскій Вѣстникъ 3—8. *П. И. Казанскій. Обозрѣніе статей богословскаго и историческаго содержанія, помѣщенныхъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1891 г.* (№ 5, стр. 360—377; № 6, стр. 566—587). Между другими изложено содержаніе слѣдующихъ статей: 1) Замѣчательныя рукописи архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго въ тверской семинарской библіотекѣ Дм. Скворцова (Твер. Еп. В. №№ 4, 5, 6). 2) Преосв. Іоасафъ, еп. бѣлоградскій и обоянскій, Ѳ. Титова (Кур. Еп. В. № 8 и 10). Преосв. Самуилъ, еп. бѣлоградскій и обоянскій, преосв. Евгеній, еп. курскій и бѣлоградскій, преосв. Владиміръ, еп. курскій и бѣлоградскій, Ѳ. Титова (Кур. Еп. В. №№ 25, 31, 32 и 34). 4) Западнорусскія братства и ихъ церковно-общественная дѣятельность. Н. С—скаго (Кур. Еп. В. №№ 15, 16, 17 и 18). 5) Лѣтопись прихода с. Ольшанки св. Іоанна Милостиваго церкви, прот. В. Лобачевскаго (Херс. Еп. Вѣд. №№ 10—14). 6) Мѣстечко Дмитровка, свящ. Сорокина (Херс. Еп. Вѣд. № 17, 21, 23). 7) Отчетъ Одесскаго Свято-Андреевскаго братства за 1889—90 г. (Херс. Еп. Вѣд. № 4—6). 8) Матеріалы для исторіи православія въ юго-западномъ краѣ Россіи. Матеріалы для исторіи возсоединенія жителей юго-зап. края съ православною церковію изъ Уніи (Кіев. Еп. В. №№ 2—4, 6—11). 9). Матеріалы для исторіи православной церкви въ юго-зап. краѣ до возсоединенія жителей его изъ уніи въ православіе (Кіев. Еп. Вѣд. №№ 13, 14 и т. д.)

Славянское Обозрѣніе. 4—8. *Александръ Будиловичъ. 900-лѣтіе волынской епархіи* (№ 4, стр. 511—524). Сообщаются свѣдѣнія о приготовленіяхъ къ торжеству и дѣлается историческій очеркъ судебъ православной церкви на Волыни.

А. Будиловичъ. Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ западническомъ освѣщеніи (№ 5—6, стр. 45—64). Отвѣтъ на статью А. Н. Пыпина «Теорія общеславянскаго языка».

В. И. Харціевъ. Воспоминанія объ Александрѣ Аѳанасьевичѣ Потебнѣ. (№ 5—6, стр. 120—126). Воспоминанія относятся къ 1887—90 г., когда авторъ слушалъ у Потебни лекціи по русскому языку.

Проф. А. Б. Лѣтопись (№ 5—6, стр. 149—152). О волынскихъ торжествахъ и введеніи въ галицко-русскія школы фонетическаго правописанія.

Письма: изъ Львова Червонороуса (№ 5—6, стр. 157—160) и *изъ Кошицъ (въ Угріи). Ж. З. И.* (№ 5—6, стр. 160—172).

А. Л—нко. Краткій обзоръ вышедшихъ въ Россіи въ 1891 г. сочиненій на малорусскомъ нарѣчіи (въ отдѣлѣ библіографіи, № 5—6, стр. 196—201).

Странникъ 4—8. *Обзоръ журналовъ. Ко дню девятисотлѣтія на Волыни* (sic!) (№ 5, стр. 132—139). Перепечатка статьи «Почаевскаго Листка» о судьбахъ православія на Волыни.

Воззваніе къ паствѣ по случаю 900-лѣтія православія на Волыни Модеста, еп. волынскаго. (№ 6—7, стр. 211—220).

Христіанское Чтеніе 5—8. *П. Жуковичъ. Первый русскій попечитель виленскаго учебнаго округа.* (№ 5—6), стр. 362—398). Предметъ статьи—дѣятельность Н. Н. Новосильцева въ Вильнѣ (1824—1832 гг.): его борьба съ тайными обществами, заботы о подчиненіи учебныхъ заведеній, находившихся въ завѣдываніи католическаго и уніатскаго духовенства, правительственному контролю, мѣры къ введенію въ преподаваніе русскаго и церковнославянскаго языка, отношеніе къ бѣлому и черному уніатскому духовенству. По мнѣнію автора «Н—въ не стремился къ разрушенію польской патріотической системы воспитанія; напротивъ, онъ иногда только мѣшалъ русскому государственному строительству другихъ на западно-русской землѣ. Все вниманіе его было направлено на усиленіе административнаго контроля надъ учебными заведеніями, въ видахъ искорененія въ нихъ антиправительственнаго духа.

Прот. П. Николаевскій. Матеріалы къ исторіи трехлѣтняго заключенія православнаго епископа Виктора Садковскаго въ польскихъ тюрьмахъ. (№ 7—8, стр. 165—201). Предисловіе, гдѣ излагаются свѣдѣнія о жизни и заключеніи Виктора Садковскаго и два документа: а) Письмо игумена Кипріана Островскаго, одного изъ находившихся въ польскомъ заключеніи съ преосв. Викторомъ, писанное изъ Варшавы въ Кіевъ по увольненіи отъ заключенія къ одному изъ его пріятелей въ 1792 г. и содержащее подробное описаніе заключенія; б) Рѣчь, говоренная иг. Кипріаномъ Островскимъ, намѣстникомъ каѳедр. слуцкимъ, 20 марта 1793 г. въ прибытіе преосв. Виктора послѣ заключенія къ своей паствѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

49-й и 50-й ВЫПУСКИ

(Копрживница—Кредитъ корпоративный)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Приложеніе: рисунки костюмовъ—таблица I (Древность и средніе вѣка); таблица II (XV и XVI стол.)

Цѣна выпуску (съ перес.) 30 коп. на обыкн. бумагѣ и 40 коп. на лучш. бумагѣ; цѣна тому (14 вып.) въ перепл. 4 р. 50 к. на об. б. и 6 р. на лучш. бумагѣ.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ).

НОВАЯ КНИГА.

ИСТОРІЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 гг.).

П. ЗНАМЕНСКАГО.

Вып. I. 380 стр. ц. 2 р. съ пер. Вып. II. 592 стр. ц. 2 р. 50 к. съ пер. Вып. III. 466 стр. ц. 2 р. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ редакцію „Православнаго Собесѣдника“ при Казанской Духовной Академіи.

МѢСТЕЧКО БОРИСПОЛЕ

ВЪ XVII-МЪ ВѢКѢ.

Акты мѣйскаго уряда 1612–1699 гг. съ предисловіемъ

А. В. Стороженка.

Изданіе журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1892.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Акты, издаваемые нами въ книгѣ, предлагаемой вниманію читателей „Кіевской Старины“, составляютъ памятникъ дѣятельности „мѣйскаго уряда“ м. Борисполя въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губ. за время съ 1612 по 1699 годъ, т. е. почти за цѣлое XVII-е столѣтіе. Въ настоящемъ предисловіи мы ознакомимъ читателей съ тремя предметами: во 1-хъ, съ исторіей м. Борисполя; во 2-хъ, съ устройствомъ и дѣятельностью того присутственнаго мѣста, которое носило названіе „мѣйскаго уряда“, и, въ 3-хъ, съ рукописью, изъ которой мы извлекли напечатанные акты, а также съ тѣми соображеніями, которыми мы руководствовались при выборѣ актовъ для печати.

I. Историческій очеркъ м. Борисполя.

М. Борисполе принадлежитъ къ числу сравнительно молодыхъ поселеній переяславскаго уѣзда. Самое имя его „Борисполе“ указываетъ на то, что на мѣстѣ его было нѣкогда поле, принадлежащее какому-то Борису. Въ словарѣ Щекатова (М. 1807—1809 г.) Борисполю такъ и усвояется распространенное названіе „Борисово поле“. Народная пѣсня также называетъ Борисполе—полемъ: „Ой у поли, тай у Барышполи, тамъ сыдило тры козаки у неволи“... Въ княжескую эпоху мы не видимъ на мѣстѣ Борисполя никакого поселенія. Кажется, что въ древности, когда главными путями сообщенія и естественными водопоями служили рѣки, Борисово поле не могло быть заманчивымъ для поселенія, такъ какъ оно находилось вдали отъ какой бы то ни было рѣчки. По крайней мѣрѣ

всѣ поселенія, уцѣлѣвшія отъ княжеской эпохи и перечисленныя нами въ „Очеркахъ Переяславщины“ (Кіевская Старина 1891 г., № 10), расположены были по берегамъ рѣкъ: Переяславъ у сліянія Трубежа съ Альтой, Баручъ (Барышевка) у Трубежа, великая и малая Каратули, Воинъ (Войнинцы) и Янчино сельцо (Воскресенское) у Каратульки, Кудново сельцо (Строкова) у Гатки, Караль у сліянія р. Карали съ Трубежомъ, Деменескъ (Демьянцы) и Глѣбовъ у Альты, Вороница (Вороньковъ) у сліянія Иквы съ Мленью, наконецъ, Саковъ (Сальковъ) у Днѣпра. На Борисовомъ полѣ поселеніе образовалось, вѣроятно, не ранѣе половины XVI-го вѣка, когда миновали уже самые опустошительные татарскіе набѣги, когда переяславскій уѣздъ началъ понемногу втягиваться въ сферу власти польскаго государства, и когда послѣ долгаго промежутка времени земледѣліе снова дѣлается господствующимъ занятіемъ населенія. Тогда лѣсъ и болото, какъ мѣста охоты, начинаютъ терять свое значеніе и первенствующую роль занимаетъ поле, мѣсто пахоты и жнивъ. Тогда и Борисово поле привязало къ себѣ сначала какого-то Бориса, а затѣмъ и другихъ поселенцевъ, въ началѣ, вѣроятно, преимущественно его потомковъ, построившихъ на родномъ полѣ, въ виду удобствъ земледѣлія, свои незатѣйливыя хаты.

Въ историческихъ источникахъ Борисполе упоминается впервые въ 1590 году, когда варшавскій сеймъ, заботясь о заселеніи пустынь [1]), лежавшихъ на пограничьи государства за Бѣлою Церковью и не приносившихъ никакой пользы ни государству, ни частнымъ лицамъ, предоставилъ королю Сигизмунду III свободно раздавать заслуженнымъ лицамъ шляхетнаго сословія слѣдующія урочища въ этихъ пустыняхъ: монастырь Черехчимеровскій надъ Днѣпромъ (нын. Трахтеміровъ); *Борисполе* съ селищемъ Иваньковскимъ; городище Влодерецкое (нын. Володарка сквирскаго у.); селище въ Зволозѣ, называемое Великая Слобода, надъ рѣкою Росью; Рокитно надъ тою-же рѣкою и р. Рокитнею (въ нын. васильковскомъ у.); также

[1]) Превосходная характеристика пограничныхъ пустынь старой Польши сдѣлана г. Пуласкимъ въ ст. „Dzikie polia“ въ сборникѣ „Szkice i poszukiwania historyczne“. W. 1887.

Гороше и Слѣпородъ надъ рѣкою Неущею на границѣ московской [1]). Съ точки зрѣнія этой конституціи Борисполе является еще не поселеніемъ, а урочищемъ, затерявшимся въ пустынѣ, которую желательно заселить. Всѣ пограничныя пустыни составляли въ то время собственность государства и поэтому понятно, что польское правительство стремилось обратить ихъ въ населенныя мѣста, которыя вмѣсто бремени для государства составляли-бы источникъ доходовъ.

Въ 1596-мъ году тотъ-же Сигизмундъ III съ разрѣшенія сейма обратилъ имѣнія Трахтеміровъ и Борисполе на нужды королевскаго стола, т. е. по теперешней терминологіи, сдѣлалъ ихъ изъ государственныхъ имуществъ удѣльными. Изъ сеймовой конституціи 1596 г. видно, что въ Борисполѣ и его окрестностяхъ проживали уже козаки, не желавшіе подчиняться вводимымъ польскимъ правительствомъ порядкамъ,—*swowolni*, по выраженію конституціи; король заявляетъ, что онъ поручилъ гетману своего войска (тутъ подразумѣвается Станиславъ Жолкевскій) ихъ истребить (ad internecionem wyniszczyć) [2]).

Изъ приведенныхъ извѣстій очевидно, что Борисполе, какъ населенный пунктъ, существовало уже въ концѣ XVI-го вѣка, хотя жители его, привыкшіе къ вольной и свободной жизни въ переяславскихъ пустыняхъ, не хотѣли еще приспособиться къ тѣмъ гражданскимъ порядкамъ, какіе вытекали изъ строя польскаго государства, и поэтому какъ-бы игнорируются польскимъ правительствомъ, и земли, занятыя ими, признаются какъ-бы пустыней, никому не принадлежащей, хотя онѣ имѣли уже своихъ хозяевъ въ лицѣ Борисполь скихъ козаковъ, потомковъ того сѣверско-русскаго населенія, какое уцѣлѣло въ Переяславщинѣ отъ татарскихъ погромовъ 1237—1482 гг. [3]).

Имѣя въ виду, что въ описаніи кіевскаго замка 1552 г. упоминается сосѣднее съ Борисполемъ село Иваньковъ и, вѣроятно, было-бы упомянуто Борисполе, если-бы существовало, мы полагаемъ,

---

[1]) См. Volumina Legum, 1859. T. II, стр. 318, стл. 1.

[2]) См. Vol. Legum, 1859, T. II, стр. 364, стл. 2.

[3]) См. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. 2, стр. 46.

что Борисполе изъ козачьяго хутора превратилось въ село послѣ 1552 г., но ранѣе 1590 г.

Столовымъ имѣніемъ короля Сигизмунда III Борисполе оставалось повидимому недолго, потому-что въ грамотѣ того-же короля отъ 27 января 1629 года, разрѣшающей открытіе въ Борисполѣ торговъ по понедѣльникамъ и четвергамъ и двухъ ярмарокъ на Крещеніе и на св. Илію, оно называется уже „наслѣдственнымъ мѣстечкомъ“ дочери Станислава Жолкевскаго, Софіи Станиславовны Даниловичъ, основаннымъ ея отцомъ [1]). Очевидно, что оно отдано было королемъ на ленномъ правѣ, какъ староство, т. е. какъ государственное имущество, знаменитому полководцу того времени польскому гетману, Станиславу Жолкевскому, въ награду за его военныя заслуги. Такъ какъ Жолкевскій былъ главнымъ дѣятелемъ при подавленіи козацкаго движенія 1596 года и разбилъ Лободу и Наливайка подъ Лубнами [2]), то можно предположить, что Борисполе, какъ одинъ изъ притоновъ возставшаго казачества, было отдано ему вслѣдъ за одержанной побѣдой съ правомъ заложить на Борисовомъ полѣ городъ и ввести въ будущемъ городѣ магдебургское право. Какъ видно изъ печатаемыхъ актовъ, къ 1612 г. „мѣйскій урядъ“, организованный по магдебургскому праву, отправлялъ уже свои функціи [3]).

Поселеніе Борисполя въ эту пору должно было быть очень незначительнымъ, такъ какъ шестнадцать лѣтъ спустя въ 1628 году, когда составлялась подымная тариффа кіевскаго воеводства, въ Борисполѣ показано домовъ (dymów): на рынкѣ—10, въ улицахъ—20, бѣдныхъ (nędznych chałup)—40, священника—1, портнаго—1, сапожника—1, скорняка—1, всего—74 дома [4]). Считая на каждый дворъ по 5 живущихъ, имѣемъ всего населенія обоего пола

---

[1]) См. приложеніе къ актамъ, стр. 111—112.

[2]) О дѣятельности Жолкевскаго въ подавленіи козацкаго возстанія 1596 г. см. ст. Николайчика „Первыя козацкія движенія въ рѣчи Посполитой“—Кіев. Стар. т. VIII, стр. 423—442 и 525—564.

[3]) Самый ранній актъ относится къ 15 января 1612 г. и напечатанъ подъ № 1.

[4]) См. Архивъ Ю. З. Р. ч. VII, т. 1, стр. 365.

370 душъ. Теперь Борисполе имѣетъ 1331 домъ и 6569 душъ населенія обоего пола, т. е. населеніе увеличилось почти въ 18 разъ.

Въ XVII-мъ вѣкѣ принадлежность мѣстечка извѣстному владѣльцу выражалась въ томъ, что жители его платили этому владѣльцу установленныя подати. Того, что называется теперь сельскимъ хозяйствомъ, тогдашніе владѣльцы не вели: они не обрабатывали земли наемными или крѣпостными рабочими, не продавали продуктовъ земледѣлія и не занимались связанными съ земледѣліемъ промыслами, а получали только подати отъ жителей, какъ получаетъ ихъ теперь казна или земство. Въ тѣ времена государство не становилось къ своимъ подданнымъ въ прямыя отношенія, а имѣло всегда между собою и ими промежуточный классъ—земле-и душевладѣльцевъ, иначе помѣщиковъ, которые собирали налоги съ жителей и удѣляли часть ихъ государству. Такимъ образомъ государственныя прерогативы принадлежали не одному королю, а и многимъ частнымъ лицамъ, пожалованнымъ земельными угодьями изъ государственныхъ имуществъ.

Изъ ленныхъ владѣльцевъ м. Борисполя мы назвали уже двухъ: гетмана Станислава Жолкевскаго (1596—1620) и дочь его Софію Станиславовну Даниловичъ (1629). Изъ печатаемыхъ актовъ мы узнаемъ, что позднѣе бориспольское староство вышло изъ владѣнія Жолкевскихъ и что бориспольскими старостами были: въ 1637—40 гг.—Янъ Кухарскій [1]), а въ 1643—45 гг.—Варфоломей Ярунтовскій [2]). Представителями старосты на мѣстѣ и сборщиками податей являются обыкновенно начальники или намѣстники. Изъ нихъ мы знаемъ Осташа [3]) (1614), Ильяша Михайловича [4]) (1615), Матушкевича [5]) (1640 и 1643) и Никифора Букашу [6]) (1645).

---

[1]) См. акты №№ 22, 49 и 50.
[2]) См. акты №№ 55 и 61.
[3]) См. актъ № 7.
[4]) См. актъ № 10.
[5]) См. акты №№ 38, 49 и 50.
[6]) См. актъ № 61.

Война Хмельницкаго покончила и въ м. Борисполѣ съ польскими порядками, и съ 1649 года появляется здѣсь сотникъ войска его королевской милости запорожскаго. Первымъ сотникомъ бориспольскимъ былъ Антонъ Герасименко (1649—1653), за нимъ слѣдовали: Семенъ Свѣтличный (1654), Василій Волочай (1660), Григорій Гаркуша (1661—63), Василій Носачъ (1663), Иванъ Новаковичъ (1669--1677), Лукьянъ Гриненко (1678—1680), Федоръ Магеровскій (1682—1698). Когда настоящій сотникъ отсутствовалъ, то его мѣсто заступалъ наказной („на тотъ часъ будучій“) сотникъ. Изъ наказныхъ сотниковъ упоминаются въ актахъ: Даніилъ Куликъ (1664), Федоръ Волкъ (1670), Василій Москаленко (1682), Иванъ Шорсткій (1687—1688) и Николай Корабанъ (1697).

Эпоха Руины не прошла безслѣдно и для Борисполя. Въ 1658 г. Кіевскій воевода Шереметевъ выжегъ и высѣкъ Борисполь, отразивъ отъ Кіева Даніила Выговскаго [1]). Въ концѣ года мѣстечко отложилось отъ Выговскаго и перешло подъ власть московскаго царя. Въ 1659 г. москвитяне перешли Днѣпръ, чтобы взять Борисполь; пограбили села около Гоголева, и отъ Борисполя были отражены Андреемъ Потоцкимъ, который, уходя, оставилъ въ Борисполѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Рущица. Въ 1661 г. польское войско, преслѣдуя москвитянъ, взяло Борисполь. Въ томъ-же году его осаждалъ Сомко.

Въ 1663 г. 24-го ноября король Янъ-Казиміръ стоялъ лагеремъ подъ Борисполемъ и затѣмъ взялъ его [2]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Борисполь сдался москвитянамъ. Татарскіе набѣги

---

[1]) См. Костомаровъ, Гетманство Выговскаго. Моногр. т. II, изд. 1863, стр. 124. Воспоминаніе объ этомъ событіи сохранилось у бориспольскихъ жителей подъ названіемъ войны „першого Шеремета“ и только въ 1677 г., т. е. почти черезъ двадцать лѣтъ разсчитались Бориспольцы съ кіевской мѣщанкой Галей Дяденчихой за тотъ порохъ, который они брали у ея мужа Семена Дяденка „не рахункомъ“, „не вагою“, такъ какъ подъ страхомъ „Шеремета“ — „кожному о здоровя и о души шло, хто тилко на тое способный былъ до бою, а звлаща огнистой стрѣльбы“. См. № 120, стр. 88.

[2]) См. Костомаровъ, Руина, изд. 1882, стр. 20.

конца XVII-го вѣка (1681) еще тревожили спокойствіе Борисполя и заставляли поддерживать въ исправности валы и укрѣпленія. Но съ усиленіемъ русской власти въ Малороссіи (1709), а въ особенности съ устройствомъ украинской линіи (1734), военное значеніе Борисполя прекращается и онъ обращается въ обыкновенное село и переживаетъ вмѣстѣ съ другими селами весь тотъ процессъ, который слилъ окончательно Малороссію съ Москвой.

II. Мѣйскій урядъ м. Борисполя въ XVII-мъ вѣкѣ.

Мѣйскимъ урядомъ въ XVII-мъ вѣкѣ называлось городское управленіе, организованное по предписаніямъ такъ называемаго Магдебургскаго права. Засѣдало оно „на мѣстѣ звыкломъ судовомъ“— въ особомъ домѣ, называемомъ ратушей или магистратомъ [1]). Полное городское управленіе состояло изъ двухъ присутственныхъ мѣстъ: 1) изъ мѣйской рады изъ райцевъ подъ предсѣдательствомъ бурмистра [2]), которая должна была собираться по мѣрѣ надобности, но не рѣже, какъ еженедѣльно, въ ратушѣ, и совѣщаться объ общественныхъ нуждахъ, а именно о томъ, чтобы въ городѣ не было дороговизны на съѣстные припасы, чтобы мѣры и вѣсы были правильны, чтобы въ городѣ не происходило дракъ и буйствъ, чтобы никто не утѣснялъ вдовъ и сиротъ, чтобы не велось азартныхъ игръ въ карты, кости и проч., чтобы исправно поступали городскіе доходы въ „скрыньку месткую (мѣйскую)“ [3]); 2) изъ коллегіи лавниковъ или присяжныхъ подъ предсѣдательствомъ войта [4]), которая должна была творить судъ, при чемъ присяжные постановляли рѣшеніе по извѣстному дѣлу, а войтъ только его объявлялъ. Присяжныхъ въ Саксоніи бывало одинадцать, а войтъ былъ двѣ-

---

[1]) См. акты №№ 16 и 100.

[2]) См. Porządek sądow y spraw mieyskich prawa maydeburskiego w koronie Polskiey w Krakowie drukowany Roku Panskiego 1616. Teraz znowu z pozwoleniem starszych przedrukowany. W Praemyslu w drukarni I. K. M. Kollegium Societatis Iesu. Roku Panskiego 1760. Стр. 8—9.

[3]) См. актъ № 6. Впослѣдствіи въ казацкое время касса сотни или полка обозначается словомъ „*шкатула*“ (войсковая). См. актъ № 114.

[4]) См. Porządek. изд. 1760, стр. 11—18.

надцатымъ, представляя собою соборъ одинадцати апостоловъ, кромѣ Іуды, съ Спасителемъ во главѣ. Позднѣе и въ Саксоніи, и въ польскихъ городахъ обходились 6 —7 или даже 3—4 присяжными.

Въ малороссійскихъ городахъ, по недостатку людей, коллегіи райцевъ и лавниковъ не были строго раздѣлены, и обѣ коллегіи собирались одновременно въ составѣ однихъ и тѣхъ-же лицъ. Кромѣ того, при тогдашней малолюдности такихъ городковъ, какъ Борисполь, многіе вопросы городскаго благосостоянія не могли и возникать въ нихъ, напр.: вопросы о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ или объ азартныхъ играхъ, а потому коллегіи райцевъ не было-бы занятій, если-бы она составляла отдѣльное присутствіе.

Въ частности въ м. Борисполѣ, какъ видно изъ печатаемыхъ актовъ, въ ратушѣ засѣдали при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ какъ войтъ, такъ и бурмистръ, и при нихъ райцы и присяжные. Райцы, какъ члены коллегіи бурмистра, называются часто бурмистрами. Такъ, напримѣръ, въ 1612 г. 15 января въ ратушѣ засѣдалъ *бурмистръ* Петръ и полная *лава*, а 1 апрѣля *войтъ* Федоръ и райцы Павелъ, Степанъ, Герасимъ, т. е. бурмистръ предсѣдательствовалъ въ присутствіи, составленномъ изъ лавниковъ или присяжныхъ, а войтъ—въ присутствіи коллегіи райцевъ, между тѣмъ какъ по буквѣ закона каждая коллегія имѣла свои спеціальныя занятія и должна была дѣйствовать независимо одна отъ другой. Въ 1614 г. 20 августа засѣдалъ съ „бурмистры и присяжными“ и разбиралъ судебную тяжбу *войтъ* Кондратъ Сеновичъ, а 7-го сентября *бурмистръ* Остапъ Безбородко. Въ 1615 г. войтъ засѣдалъ съ „будучими“ при немъ „бурмистромъ, райцы и присяжными“. Въ 1637—38 гг. въ составъ „лавы“ входятъ войтъ, бурмистры и райцы или присяжные. Такъ дѣло продолжалось до самаго конца XVII-го столѣтія. Въ составъ уряда входилъ также до 1648 г. представитель леннаго владѣльца мѣстечка, называемый намѣстникомъ или начальникомъ, а послѣ 1648 г.—казацкій сотникъ Бориспольскій.

Должностныя лица городскаго управленія были выборныя и вступали въ исполненіе своихъ обязанностей съ конца марта или

съ начала апрѣля мѣсяца каждаго года (съ Пасхи). Повидимому, они смѣнялись ежегодно, хотя иногда одно и то же лицо могло оставаться на службѣ и нѣсколько лѣтъ. Такъ, напримѣръ, войтъ Іосифъ Андреевичъ служилъ съ марта 1650 по мартъ 1654 г., войтъ Харко Куранда съ марта 1654 по мартъ 1657 г., войтъ Григорій Малышенко съ марта 1660 по мартъ 1663 г. Иногда бывшій войтъ исправлялъ должность слѣдующаго за нимъ, какъ. напримѣръ, тотъ-же Григорій Малышенко 15 октября 1664 г. заступалъ мѣсто настоящаго войта Евстафія Подгайнаго.

За отсутствіемъ потребности въ городскомъ хозяйствѣ мѣйскій урядъ въ м. Борисполѣ скоро обратился въ учрежденіе болѣе судебное, нежели административное. Онъ составлялъ для мѣстныхъ жителей первую инстанцію гражданскаго и уголовнаго суда и въ тоже время служилъ имъ нотаріальной конторой.

Наиболѣе часто приходилось мѣйскому уряду выслушивать заявленія сторонъ о совершившейся между ними сдѣлкѣ купли-продажи недвижимаго имущества: нивы, грунта, дома. Рѣже встрѣчались сдѣлки о продажѣ или мѣнѣ движимаго имущества, напр. лошадей [1]). Затѣмъ очень часто поступали въ урядъ заявленія о занесеніи въ мѣйскія книги завѣщаній и раздѣловъ. Всѣ эти заявленія „актовались“, по тогдашнему выраженію, т. е. записывались въ книги и послѣ этого актъ считался совершеннымъ. Въ этомъ проявлялась дѣятельность мѣйскаго уряда, какъ нотаріальной конторы.

Какъ судъ гражданскій, мѣйскій урядъ разбиралъ ссоры о правѣ собственности на землю [2]), о раздорахъ между родственниками [3]) и объ уплатѣ долговъ.

Въ области уголовныхъ преступленій мѣйскому уряду чаще всего приходилось имѣть дѣло съ убійствами [4]), грабежами [5]) и

---

[1]) См. акты №№ 34, 38 и 91.

[2]) См. напр. акты №№ 6 и 9.

[3]) См. напр. № 60.

[4]) См. акты № 111.

[5]) См. акты №№ 10 и 22.

кражами [1]). Очень рѣдко попадались дѣла о колдовствѣ [2]) и т. п. Руководствомъ при опредѣленіи наказанія служила 4-я часть сборника „Porządek sądow y spraw mieyskich“ подъ заглавіемъ: „o karności złoczyńcow, à naprzod o męczeniu ich“ [3]). Иногда приводились довольно длинныя выписки изъ этого законодательнаго сборника, какъ, напримѣръ, въ актахъ подъ №№ 55 и 61 для точнѣйшаго опредѣленія состава преступленія кражи [4]).

Апелляціонной инстанціей для мѣйскаго уряда въ польское время служилъ „подвоевода“, т. е. помощникъ кіевскаго воеводы, въ область котораго входилъ и Борисполь [5]). Очевидно, кіевскій воевода, какъ большой панъ, не входилъ въ подробности управленія ввѣренной ему области, а слагалъ эти обязанности на подвоеводу, который и разсматривалъ жалобы жителей на судебныя рѣшенія и приговоры мѣйскаго уряда. Въ козацкое время апелляціонными инстанціями для Бориспольскаго уряда служили козацкій переяславскій полковникъ и гетманъ [6]). Разсматривая акты до и послѣ 1648 года, мы не замѣчаемъ никакого измѣненія въ кругѣ дѣятельности мѣйскаго уряда съ переходомъ Борисполя изъ польской въ козацкую власть. Единственная перемѣна заключается въ томъ, что въ засѣданіяхъ уряда вмѣсто уполномоченнаго отъ старосты участвуетъ мѣстный козацкій сотникъ сначала его королевской милости, а затѣмъ его царскаго величества войска запорожскаго [7]).

---

[1]) См. акты №№ 55, 61, 62, 68, 83, 86, 92, 94, 112, 113, 128, 132, 134, 135 и 136.

[2]) См. актъ № 69.

[3]) См. Porządek. Изд. 1760, стр. 133—155.

[4]) Въ печатномъ изданіи Porządek. 1760 отдѣлъ этотъ находится на стр. 142.

[5]) См. актъ № 7, изъ котораго видно, что Бориспольскій священникъ о. Стефанъ ѣздилъ къ подвоеводѣ, которому была подана его пасынкомъ Панькомъ апелляціонная жалоба на рѣшеніе Бориспольскаго уряда (Панько... „*апелевав* до его милости нашого милостивого пана *подвоеводого*“).

[6]) Въ актѣ № 74 находимъ слѣдующее: „Tedy ten Ostap tego vysłuchawszy y *opelewał* do jego mosci *pana hetmana* dobrodzieja naszego wielkiego y pozwa Icsifa yz synem do *Czehiryna*, do pana hetmana“.

[7]) См. актъ № 65.

III. Рукопись актовъ и соображенія при выборѣ ихъ, а также ихъ научное значеніе.

Книга Бориспольскихъ актовъ хранится въ библіотекѣ барона Шодуара въ м. Ивницѣ житомірскаго уѣзда, волынской губ. Она попала въ наши руки, благодаря любезному посредничеству А. М. Лазаревскаго и Н. И. Петрова. Книга Бориспольскихъ актовъ представляетъ собою рукопись на русскомъ и польскомъ языкахъ, переплетенную, очевидно, въ позднѣйшее время—судя по заглавію на корешкѣ, въ началѣ 1800-хъ годовъ. Акты первоначально, какъ видно, записывались на тетрадяхъ, которыя потомъ подшивались одна къ другой. Замѣтно, что они выхвачены изъ пожара, такъ какъ на многихъ листахъ края обгорѣли, при чемъ порядокъ тетрадей былъ потерянъ, а многія тетради и совсѣмъ затеряны, и въ такомъ видѣ рукопись досталась какому-то любителю старины, который, не возстановивши хронологическаго порядка актовъ, отдалъ ихъ въ переплетъ и такимъ образомъ сберегъ для потомства. Изъ забытаго въ рукописи письма отъ 11 іюля 1795 г. можно предполагать, что этимъ любителемъ былъ Михаилъ Николаевичъ Луста, родъ котораго принадлежалъ къ старожилымъ Бориспольскимъ родамъ и угасъ сравнительно недавно. Всѣхъ актовъ сохранилось въ описываемой рукописи 878, считая въ томъ числѣ и обгорѣвшіе. Всѣ они относятся къ промежутку времени съ 1612 по 1699 г. Отъ 1612 г. сохранилось 2 акта, отъ 1614 г.—7, отъ 1615—5, отъ 1617—1, затѣмъ вовсе нѣтъ актовъ 1618—1636 гг. и непрерывно сохранились съ 1637 по 1689 г., имѣется 4 акта 1694 г., 6—1696 г., 3—1698 г. и 2—1699 г. Позднѣйшихъ актовъ не оказывается.

Документы писаны частью по-русски, частью—по-польски,—очевидно сообразно съ тѣмъ, какимъ письмомъ владѣлъ приглашенный на службу въ мѣйскій урядъ писарь. Событіе 1654 г. (соединеніе Малороссіи съ Москвой) не оказало въ этомъ отношеніи замѣтнаго вліянія, и акты, писанные по-польски, попадаются и

послѣ него. Иногда одинъ и тотъ-же писарь пробовалъ свое искусство и по-русски, и по-польски, напримѣръ, писарь Симеонъ въ 1665 г. [1]).

Языкъ актовъ, писанныхъ по-русски,—малорусскій языкъ тогдашнихъ канцелярій, и даже акты, писанные по польски, носятъ на себѣ его вліяніе, не отличаясь чистотой и правильностью польской рѣчи. Почерки, которыми написаны акты, смѣняются довольно часто, и наряду съ четкими и красивыми попадаюгся трудноразборчивые и небрежные. Иногда писаря мѣйскаго уряда, прежде чѣмъ приступить къ писанью акта, пробовали перо и писали какія-нибудь изреченія или замѣтки. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ на промежуткѣ между актами записано: Nec cras nec heri nunquam credas mulieri. Ani we wsi a ni w miescie, nigdy nie wierz niewiescie; въ другомъ мѣстѣ: Lucerna et lumen pedibus meis, semilis meis verbum tuum, Domine. Pochodnia y swiatłość nogam moim, ścieżkam moim slowo twoje, Panie; въ третьемъ мѣстѣ сдѣлана замѣтка: Wojt Kuranda wynen żyta osmaczek 12, pszenicy osmaczkie...

Если послѣ записи акта оставалось пустое мѣсто, то часто позднѣйшій писарь заполнялъ его новымъ актомъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ рядъ актовъ за 1653 г. попали одинъ отъ 10 сентября 1654 г. и одинъ актъ отъ 23 февраля 1655 г.

При вступленіи въ должность новаго войта дѣлается объ этомъ отмѣтка въ книгѣ такимъ образомъ: „Протокулъ справъ судовыхъ поточныхъ мѣскихъ Боришпольскихъ за постановеніемъ Якова Терешковича войта [2])“, или такъ: „Книги за Харка Куранду [3])“.

При выборѣ актовъ для печати мы руководствовались слѣдующими соображеніями:

1) Изъ актовъ до 1648 г. мы не пропустили ни одного, за исключеніемъ обгорѣвшихъ и потому неудобочитаемыхъ, такъ какъ

---

[1]) См. акты №№ 103, 105 и 107.

[2]) См. ниже стр. 15.

[3]) См. ниже стр. 84.

до насъ дошло очень мало письменныхъ документовъ изъ эпохи польскаго владычества въ лѣвобережной Малороссіи.

2) Изъ актовъ послѣ 1648 г. мы выбирали такіе, которые или интересны по бытовому содержанію, или рисуютъ въ какой нибудь подробности дѣятельность мѣйскаго уряда, или даютъ намъ имя одного изъ Бориспольскихъ сотниковъ. Чтобы составить полный списокъ сотниковъ, мы взяли по одному акту за каждый годъ въ промежутокъ времени съ 1648 по 1699 г.

Такимъ образомъ выбралось 136 актовъ изъ 878. Остальные акты не даютъ почти ничего новаго, и разница только въ именахъ обращающихся къ уряду сторонъ.

Акты Бориспольскаго уряда имѣютъ довольно важное научное значеніе. Они даютъ значительный матерьялъ для тѣхъ двухъ вопросовъ, которые разрабатывались въ послѣднее время въ статьяхъ проф. Багалѣя (Ж. М. Н. Пр. 1892, мартъ) и г-жи Ефименко (Русская Мысль 1892, №№ 4 и 5), а именно: 1) вопроса о томъ, какъ примѣнялось магдебургское право въ малороссійскихъ городахъ, 2) вопроса о томъ, какіе земельные порядки существовали въ лѣвобережной Малороссіи какъ въ польское, такъ и въ московское время. Въ первомъ вопросѣ уясняется, какъ былъ организованъ мѣйскій урядъ, изъ кого состоялъ, какія дѣла рѣшалъ и какимъ закономъ руководствовался.

Во второмъ вопросѣ оказывается, что личное землевладѣніе было преобладающею формою владѣнія, начиная съ самыхъ первыхъ годовъ XVII-говѣка. Основаніемъ собственности является трудъ—„праця“ перваго заимщика свободной земли. Если человѣкъ занялъ участокъ земли, очистилъ его отъ лѣса или кустарника („копав и чистив“), сдѣлалъ пахотною нивою, то такая земля дѣлается уже его собственною, и въ случаѣ захвата кѣмъ-либо другимъ судъ возстановляетъ нарушенное владѣніе перваго заимщика, оставляя землю за нимъ, какъ его „працю власную“, т. е. собственную его работу [1]).

---

[1]) См. акты №№ 6 и 9.

Для исторіи сельскаго населенія въ Малороссіи Бориспольскіе акты имѣютъ то значеніе, что доказываютъ преемственность населенія съ XVII-го вѣка (многія типическія Бориспольскія фамиліи того времени, какъ-то: Яцуты, Прожейки, Куранды, Козаковичи и т. д.—сохранились до сихъ поръ) и осѣдлость козаковъ, занесенныхъ въ реестръ 1649 г. (Жданъ Кривохижа и Пилипъ Кладиноженко, занесенные въ реестръ, являются въ тоже время собственниками грунтовъ и нивъ) [1]).

Народная масса очень пассивно относилась къ внѣшнимъ событіямъ, волновавшимъ тогдашнюю Малороссію, и въ то время, какъ шла борьба между гетманами, слѣдовавшими за Богданомъ Хмельницкимъ, какъ происходили кровопролитныя войны и пр.,—жизнь Бориспольскаго „хлибороба“ шла обычнымъ порядкомъ: онъ пахалъ, пасъ скотъ, торговалъ хозяйственными продуктами, велъ тяжбы, дѣлилъ или завѣщалъ имущество, уклонялся изрѣдка съ трудоваго пути и производилъ кражи, грабежи и убійства. Акты мѣйскаго уряда идутъ изъ года въ годъ, и если не сохранились отъ нѣкоторыхъ годовъ, то не потому, чтобы ихъ не было. Даже отъ такого года, какъ 1663, когда самъ король польскій Янъ-Казиміръ осаждалъ и взялъ Борисполь (24-го ноября), до насъ дошелъ 51 актъ. Урядъ собирался довольно аккуратно и обычныя дѣла не прекращались. Народныя массы вездѣ такъ относятся къ событіямъ политической исторіи, которыя скользятъ по поверхности народной жизни, не задѣвая ея глубоко.

Матерьялъ, доставляемый Бориспольскими актами, примыкаетъ по характеру своему къ матерьялу, изданному Н. М. Бѣлозерскимъ въ Черниговскихъ Губ. Вѣд. 1852 г. №№ 36—45 подъ заглавіемъ: „Протокулъ до записованя справъ поточныхъ на рокъ 1690“, и извлеченному изъ рукописей бывшаго Стародубскаго магистрата.

Въ заключеніе просимъ читателя исправить двѣ ошибки, которыя вкрались въ текстъ актовъ вслѣдствіе того, что по обстоятельствамъ мы не могли внимательно слѣдить за корректурами.

---

[1]) См. акты №№ 70 и 71.

Во первыхъ, акты за время войтовства Харка Куранды, вслѣдствіе опечатокъ въ годахъ, попали въ разныя мѣста, между тѣмъ, какъ всѣ они относятся къ 1654, 1655 и 1656 гг. и должны слѣдовать другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ; № 116, 58, 59, 60, 74, 75, 76, 77, 78 и 79. Во вторыхъ, въ актѣ № 10 войтъ Сеновичъ, благодаря опечаткѣ, названъ ошибочно „Богданомъ“, а не „Кондратомъ“, какъ это слѣдуетъ; въ актѣ № 131 „писаръ мѣскій“ Григорій „*Николаевичъ*“ Талѣржевскій по ошибкѣ названъ „*Михайловичемъ*“.

А. Стороженко.

нихъ фамилѣи ханъ не избирается. Сегодня наши, рушивши отъ прорви, увойшли верстъ 9, а отъ Астрах. 528, и прийшли къ станицѣ Кузмѣнъ Ярокъ, надъ Астраханню осаженной, и тутъ стали, и отъ станицѣ сеей до крепости С. Креста 7 верстъ, а отъ Астраханѣ 535 верттъ.

19. Неделя. Сегодня рано, зъ буси переехавши на землю, былемъ у Полянского, которій просилъ у себе кушать и потому, после службы Божой, у его кушалемъ, купно зъ Василемъ Тамарою и Василемъ Дорошенкомъ, ко мнѣ до буси первей, а потомъ и къ намъ оттуду пріехавшими; а по обѣдѣ пріехалисмо ми всѣ три до буси, куда потомъ капитани Гуревъ и Ісацкій пріехали, а по отездѣ ихъ и Полянскій и просидѣвши зъ нами отехалъ, а Тамара и Дорошенко тутъ остались и заночовали со мною на бусѣ. Рушилисмося бусою въ путь свой, але за противною погодою и дожчемъ заразъ знову сталисмо на якорѣ противъ квартири моей. Вина Демянъ купилъ бутилокъ 6 и цицю за полтора рубля, которіе въ его денги причтени, межи росходъ мѣючихъ быть. Отъ Полянского писма до провіянтмейстеровъ, въ Яркахъ будучого Брухова и у астраханского транжамента, Кмита, въ моемъ дѣлѣ и пакетъ до сина его получилемъ отъ его жъ на бусѣ.

20. Понеделокъ. Сего ранку Томара и Дорошенко, простившись со мною, отехали. Мартинъ бутилокъ 6 вина купилъ за рубля, а въ нихъ вмѣстилось 6 голіонковъ. Воспріялемъ путь свой, поднявши парусъ, и уехалисмо до вечора 45 верстъ. Ботъ почтовій вечеромъ проехалъ насъ.

21. Вовтор. Сегодня рано рушилисмо зъ ночлѣга своего и минувши многіе притоки (о которихъ будетъ нижей) уехалисмо толко верстей зъ 15, ради противного вѣтру, и сталисмо о полуднѣ при березѣ, минувши якъ би у версту учудъ (?) государевъ, у правой руцѣ, прозиваемий Урусламъ. Щиталемъ, що пойшло на сооруженіе буси моей и показалось росходу на оную купно зъ работниками и лоцманомъ (которому толко 10 р. дано и болшъ еще дается) 1896 зол.

22. Середа. Сегодня за противною погодою зъ мора, отъ сторони гилянской вѣявшою, доночи тутъ же, на вчорайшомъ стано-

виску, перестоялисмо, толко, отъ берега на середину зехавши, на якорѣ запустились. Вѣжевскому далемъ 4 р. на росходи. Смотрѣлемъ тютюну тур. у Вѣжевского найдуючогося и есть окъ 7, 1 фунтъ и полъ. Сегодня въ Сулакъ пріехалъ турецкій поселъ въ 20 човѣкахъ, зовемій „ “, присланъ отъ Юсси Баши, обрѣтаючогося въ Персѣи зъ войсками, а пріехалъ зъ таковимъ договоромъ, чтобъ шафкалу, солтанскому будто подданному, нечинена была обида. Въ компанѣи нашей товаришъ бунчуковий Федоръ Рубецъ зъ горачки умеръ.

23. Четвергъ. Сегодня для того, что тихше мало показалось, рушилисмо зъ своего мѣста и минувши протокъ Чувпанъ, прійшлисмо до Илмена, Житного Бугра прозиваемаго, и тутъ на якорѣ на ночъ сталисмо уже позно, а увойшли близъ 10 верстъ. Зъ Мазуромъ Василемъ Терновцемъ въ разговорѣ бывшомъ зачулемъ, что на Терку станиць (въ которихъ козаки, особливо гребенскими називаючіеся, живутъ) есть 4, отъ моря—городъ Терекъ, а висше его гараздъ: 1) станиця Курдюковъ, 2) Гладкая, 3) Шадринъ, 4) Черніоний, а во всѣхъ станицяхъ всѣхъ семей на 1000 будетъ, а до потреби козаковъ 400, а хочъ и мало болшой; жалованне имъ дается по 4 р. въ годъ и по 8 мѣшковъ годового провіянта, а наиболше тамъ захожихъ донцовъ. Терекъ рѣка болшая и прудшая отъ Куми, а Кума узшая и болотнистая.

24. Пятокъ. Сегодня рано рушивши прийшлисмо до Яровокъ чили Ярковъ и потоковъ нѣсколько проминувши, къ гавани збližилисмося и недоеджаючи, сталисмо на якорѣ, а Гаврило зъ протчіими ездилъ туда въ самую гавань и отдалъ тамъ писмо отъ Полянского Брухову, провіянтмейстеру, и повернулись сюда до насъ. Тутъ протоки окончились и за версту отъ гавани всякій особно впадаютъ въ море, а всѣхъ малихъ и великихъ протоковъ будетъ на 77. Знатнѣишіе зась на правой сторонѣ отъ Астрахани идучи, заразъ: Солянка, Канда, еще несвѣдомій еденъ, Бертюль, Сомовка, Каранчакъ, двѣ Таракуши, Микиткина, Бесарда и проч., а по лѣвой сторонѣ тожъ недалече Астраханѣ понижей у версту или и болшъ Царевъ у верстъ 5, Кѣзанъ у верстъ 6, Башмаковка у

версту одну жъ, Мансутъ, Тепленкой Чадонъ, Іванчукъ, Борунтай, Іванчуцкее, Бѣрулъ, Коклѣй, Чувпанъ и другіе маліе даже до Еровокъ. Ездилемъ самъ, по приездѣ ко мнѣ и отездѣ отъ мене провіянтмейстера Брухова, до Еровокъ и тамъ пріехавши ходилемъ до капитановъ Рентеля, а потомъ и до фонъ-Вердина и до Брухова и, позабавившись у нихъ, отехалемъ до своей буси уже Чекбати проминувшой и на якорѣ ставшой, и тутъ ночовалемъ. Сказивали капитани, что они 18 сего сент. вѣдомость зъ Сулаку имѣютъ, что наша компанѣя землею пошовшая, за 40 чили мало болшъ верстъ того числа отъ Сулаку найдовались. Въ Яркахъ строенія барзо мало, але на висповатомъ (?) мѣстцу магазейнъ округъ устроенъ, а неподалеку его домишка, да тутъ же гекъ ботамъ гаванъ опредѣленна, которихъ теперъ тутъ до 20 найдуется. Поселъ турецкій сегодня зъ крепости С. Креста отехалъ во свояси.

25. Субота. Сегодня рано отправилемъ Гаврила до Ярковъ къ Брухову Степану Васил., зъ писмомъ писаннимъ до Полянского о моемъ обращеніи, да въ томъ же писмѣ включенъ листъ до Демяна о его дѣлѣ и о покупцѣ 10 галіонковъ фронтиніаку. Посля повороту назадъ Гаврилового, отпустившись, вийшлисмо зъ Волди на самий лиманъ и якъ бы верстъ зо 4 увойшовши сталисмо на якорѣ и цѣлий день тутъ простоялисмо за противною погодою. Ездилемъ шлюпкою, чили лодкою своею, до гекъ бота неподалеку отъ насъ стоявшого, на которомъ середняя машта зломанна стала на самій серединѣ мора, и осмотрувалемъ строенія его, которій на примѣръ бота простого здѣланъ, толко великъ, якъ бы у 4 буси нашихъ. Тамъ же въ коморцѣ посидѣвши зъ коммендиромъ оного гекъ бота, роспиталемъ его, хто онъ, ажъ онъ сказался быть галанцемъ, а ездилъ онъ до Остъ Индеи, где сказуетъ народъ до иностранних кажется склоненъ и вмѣсто комлемента, кому оній хотятъ отдати, присѣдаютъ на колѣнка и въ долонѣ плещутъ; язикъ у нихъ на примѣръ калмицкого. Сегодня нашимъ приказ учинился въ Сулаку прибиратись въ гори, а брать на 4-хъ бунчуковихъ 3 возка и провіянту на 2 неделѣ.

26. Неделя. Сегодня рано проминулъ насъ почтовій ботъ, подобно до Астраханѣ отправленний, а мы такъ же, же отчасти служилъ намъ косий отъ лѣвой сторони вѣтръ, такъ же двигнулись и уехали верстъ зъ 15; когда же перемѣнилась погода и стала бытъ намъ противною, того ради мусѣлисмо стать на якорѣ и до ночѣ и отъ ночи до свѣта простоялисмо. Верстъ якъ бы у 5 четыри бугри були отъ насъ у правой сторонѣ, которіи видно било по вежѣ въ день, а въ ночѣ по огню, которій роскладиваютъ нарочно для того, жебы не наехали судна на мѣль, а щитаютъ отъ Ярковъ до онихъ 20 верстъ.

26. Понеделокъ. Сегодня за противною погодою простоялисмо до вечора, а передъ вечеромъ дожчъ зъ вѣтромъ пройшолъ, а послѣ оного вѣтеръ учинился намъ полезній, чего ради, поднявши паросъ, рушилисмо и часовъ зъ 4 пройшовши, знову сталисмо на якорѣ, за отмѣнившимся вѣтромъ. Лоцманъ росказовалъ о звѣздѣ повижей води стоячой, близъ которой 2 знѣзди яснѣйшіе отъ другихъ стоятъ, якую звѣзду по татарску зовутъ темиръ казинъ, то есть желѣсній гвоздь, потому что всегда она на полунощной странѣ безъ перемѣни стоитъ неподвигно; да онъ же сказовалъ о Стенки Рагозину бунтовщику, что онъ зъ Дону побѣгши и въ Янку собравшись зъ другими, моремъ прийшолъ до Гиляни и тамъ ращу вирубавши и бывши въ Мазондранѣ, заехалъ и до рѣки Кури, где жестокая ему била баталѣя зъ Бакинцями; оттуду пріехавши въ Астрахань и болшъ себѣ собравши товарищей, пошолъ былъ въ гору, але тамъ отъ войскъ государевихъ побежденъ и посля въ Москѣ казненъ. Переводилемъ пѣснь Якопонія латинскую: „cur mundus militat sub vana gloria etc“... на вѣрши рускіе, нижей писанніе:

Чому свѣтъ о славѣ стоитъ нестатечной
А сталости его не видно безпечной?
Такъ падаетъ сила его безъ отмѣни,
Якъ утло начинне, здѣланое зъ глини.
На ліоду лѣтерѣ болшъ вѣрь начертанной,
Нѣжъ свѣта бѣдного обманѣ убранной.

Облудѣний, въ заплатѣ, видомъ добротливий,
Але въ рѣчѣ самой есть завше зрадливий.
Болше повѣрити можно шклу утлому,
Нѣжели бѣдному щастю свѣтовому.
Ложное оно есть, якъ во снѣ въ марности
Омилно въ милости и въ своей сладости.
Скажи где Саломонъ шляхетне врожоний,
Албо где Самсонъ есть вожъ незвитяжоний,
Альбо Авесаломъ, лицемъ доброзрачний,
Албо Іоноѳанъ, оний барзо вдячний?
Где подѣлся цесаръ властію високій,
Албо тотъ богатий въ роскошахъ глубокий
Скажи, где Тулліушъ, ораторъ вимовний,
Албо Аристотель, филозофъ верховний?
Якъ барзо славнихъ премного бывало
Духовнихъ пастирей, царствъ силнихъ немало.
Сколко монархъ силнихъ на свѣтѣ живало,
А во мгненню ока всѣхъ уже не стало.
Короткое свято, свѣтъ въ славѣ хорошій,
Якъ тѣнь есть людская, такъ его роскоши,
Да еще жъ лишаютъ и вѣчной заплати
И проводятъ людей во адъ погибати.
О прахъ! земля! о нощъ! о червей потрава!
Чему такъ хлюбишся человѣча славо?
Не знаешь всякъ утро будеши ли жити,
Чини добро, поколь можеши чинити!
Такъ мирская слава висока здается,
Въ писаніи святомъ цвѣтъ селний зовется,
Якъ листя легкіе, же вѣтеръ звѣваетъ,
Такъ житте людское скоро ищезаетъ.
Не називай своимъ, що можешъ втеряти,
Що свѣтъ даетъ тебѣ, намѣренъ отняти.
Помишляй вишняя, серцемъ въ небѣ живи,
Щастливъ есть человѣкъ свѣтъ марний презрѣвий.

Сегодня бунчуковіе зъ всѣми рекгулярними и нерекгулярними войсками въ командѣ гг. генераловъ Кропотова и Шереметова рушили въ гори.

28. Вовтор. Теперъ передъ свѣтомъ наша повѣяла погода и мы рушилисмо, поднявши паросъ и шли мало не до полудня, а потомъ за премѣною погоди, знову сталисмо на якорѣ и до ночи простояли. Гекботъ виденъ намъ былъ въ правой руцѣ, которій кажется ишолъ до Ярковъ. Судно буса зъ запасомъ отъ Торноліота, посля насъ зъ Астраханѣ отправленная, доехала насъ и близко жъ насъ на якорѣ также стала. Началемъ другій листъ писать до брата п. Семена протоколно и сеей ночи написалемъ два листа.

29. Середа. Отъ ночи, якъ начало качать насъ, то и черезъ увесь день барзѣй хитало пожестоко и многихъ ухитало, а по заходѣ слонца пришедшой погодѣ, будто нашой, поднялисмо паросъ и рушили. Мозури сего лѣта бывшіе у Кгилянѣ сказивали, что тамъ нефти бакѣнской барминъ продавался по 7 гривенъ, которій въ Бацѣ становится по 5 денегъ, а возятъ оную въ тулубахъ овечихъ, въ Дербенѣ и Бацѣ по 2 гривни и дешевше продаючихся; въ тулубъ еденъ 10 и болшъ батмановъ вомѣщается, а батманъ шаховъ 14, а гилянскій 12 фунтовъ содержитъ въ себѣ. Такъ зась мягкой матеріи 8 пудъ, а твердой 13. До брата Семена еще того жъ писма листъ написалемъ.

30 Четвер. Сегодня рано показавшойся отчасти погодѣ нашой, шлисмо парусомъ мало не до полудня, а потомъ перемѣнившойся, стали на якорѣ. Отъ полудня до ночи и чрезъ ночъ жестоко хитало насъ. Листъ еще еденъ писма до брата написалемъ рано.

Октоврій мѣсяцъ. 1. Пятокъ. Сеей ночи противъ дня години 3 зъ полночи, показалася погода наша и мы поднявш парусъ ишли ажъ до вечора, а по заходѣ слонца знову наша жъ пришла погода косая, надъ мѣру жестокая и пошлисмо велми скоро. Теперъ до брата п. Семена написалемъ писма 2 листи и полъ и противъ завтрійшего дня окончилемъ оное писмо листовъ 6 и полъ. А по-

года отъ правой сторони. Ботъ почтовій зъ Аграханѣ до Астраханѣ идучій минулъ насъ.

2. Субота. Вчорайшою погодою единако черезъ цѣлую ночь тривавшою, а до полудня уже переставшею ишлисмо, а после полудня на якорѣ сталисмо. Отъ нинѣшнего дня увидѣлисмо гори кавказскіе. Минулисмо Туленѣй островъ, такъ прозиваемый, у право намъ бывшій, которий въ своей околичности барзо малый, але башню на ономъ здѣланную отъ далеку видать. На томъ острови Терковци и протчіе жители рибу ловлятъ.

3. Неделя. Сегодня на томъ же мѣстѣ до полудня простоялисмо, а по полуднѣ, за показавшоюся отъ части нашою погодою, ехалисмо до вечора, а у вечеру знову сталисмо, потому что и погоди не стало.

4. Понеделокъ. Рано погода зъ лѣвой сторони стала жестокая, которою ишлисмо до вечора, а вечеромъ уже стали на якорѣ. Минулисмо Терекъ городъ, которий намъ у правой руцѣ, зъ двома церквами, соборною и воскресеніемъ, видать било, а зайшли косу прозиваемую Кучъ у море протягшуюся, при которой и транжаментъ акграханскій, але передамъ минулисмо островъ Чечень у лѣвой руцѣ бившій намъ. Index слагалемъ Стефана Хаввѣна.

5. Вовтор. Сегодня до полудня простоялисмо на якорѣ, а жестоко насъ хитало; после полудня засъ рушилисмо и уже передъ заходомъ слонца пришли до пристанѣ у транжаменту акграханского будучой и тутъ недоходячи гекботовъ, на якорѣ сталисмо. Гаврило зъ протчіими ездилъ въ транжаментъ и, обявившись тамъ, повернулъся уже позно. Тарноліотъ Іванъ бунчуковій товаришъ по отходѣ нашомъ зъ Астраханѣ, отпустившійся бусею, прійшолъ скоро после насъ и сталъ тутъ же близъ насъ на якорѣ зъ бусею, зъ которою пріездилъ сюда, и тутъ со мною посидѣлъ доволно и до своего судна отехалъ.

6. Середа. Пріездилъ ко мнѣ рано Семенъ Карпѣка и кушалъ со мною, а по обѣдѣ пріехали на судно жъ ко мнѣ Тарноліотъ зъ старшимъ Покотиломъ и посидѣвши доволно, поехалисмо въ транжаментъ и былисмо у коменданта маіора Мерзлюкина, Ни-

кити Дмитріевича, отъ его заходили до провіянтмейстера Юрия Іванов. сина Кмита, а оттуду пріехалемъ до своей буси сюда.

7. Четвер. Сегодня коменданта Мерзлюкова 2 вѣдерками водки обослалемъ. Обѣдалъ у мене Тарноліотъ, Семенъ Карпѣка и Стефанъ Холодовичъ. Алексѣй Купчинъ, бывшій съ нами тутъ на суднѣ, вигрузился и поехалъ въ Сулакъ завознею. Получилъ копію указу сенатского до г. генерала Матюшкина о свободной безъ пошлини продажѣ вина и табаву въ крѣпости ст. Креста и по другихъ новозавоеванныхъ провинціяхъ [1]). Увѣдомилемся отъ Архипа, что взяти 3 куѳи горѣлки Якова Дуброви въ нашъ расходъ, зъ которихъ 1 меншая, въ которой горѣлки было 16 вѣдерокъ московскихъ, а вѣдерку цену торгъ людскій учинилъ по полтора рубля и за оную приходитъ грошей 24 р.; другая, въ якой было горѣлки 25 вѣдерокъ, а цена вѣдерку по 2 р., за которую приходитъ грошей 50 р.; третая невимѣрувана и теперъ зъ горѣлкою, але сподѣватись мовитъ въ оной на 20 вѣдерокъ гор. Гаврило показалъ реестъ чили вѣденіе взятимъ запасамъ рожнимъ и заплатѣ за оніе надлежащой, 1) за п. Заборовского запасъ—7 р., 16 л. и 14 д., 2) за п. Тимофея Скоропадского—2 р., 6 л., 4 д., 3) за п. Андрея Миклашевскаго—17 р., summa 26 р. 23 алт. 2 д. Составилемъ и окончилемъ реестръ чили indicem Nesaphri philosophici ordine alphabeti codigeri noth. Steph . . . . . Василя Патику послалемъ въ крѣпость ст. Креста, конемъ Семена Карпѣки, о своихъ увѣдомитись.

8. Пятокъ. Сегодня рушилисмося зъ мѣста своего и приближились къ пристанѣ, жебы латвѣй было вигруживатись. Гаврило вѣденіе показалъ провіянта нашего, въ бусѣ сущего, а въ его и Архиновомъ вѣденіи будучуго, именно: бочокъ зъ борошномъ 5, барилъ зъ водкою 22, мѣховъ зъ розною мукою 15, бокуну куливъ 15, табаку зъ молодецкимъ 8, (куфъ зъ гор. 2) масла полъ 2 фаски, сухарей кулювъ 11. П. Тарналіотъ посидѣлъ у мене и въ

---

[1]) Приведенный здѣсь указъ отъ 5 августа 1725 г. напечатанъ въ изданіи 1859 г., ч. I, стр. 111.

посидѣнню говорилъ, что певное лѣкарство на сканцерованніе перси женскіе есть такое: цеглу свѣжовипаленую взять и разбивши на двое, одну объ другую часть терти и пилу цегляного натерти доволно, да до того хлѣба ситного мякушки натерти руками столко жъ и тое змѣшавши въ купу полити добримъ оцтомъ и приложить до персей. Сегодня вигружалисмо часть малую провіянта за вознею на сухо и зложили въ казарнѣ, отведенной отъ коменданта Мерзлякова. Алексѣй конюшій зъ Василемъ козакомъ пріехалъ зъ Сулаку и донеслъ о походѣ 27 сент. въ гори учинившомся.

9. Субота. Сегодня былъ праздникъ моего патрона, а отъ позавчорайшого дня мнѣ житія моего лѣтъ 29, ибо я родился 1696 року. Обѣдали у мене Тарноліотъ, Семенъ Карпѣка и Холодовичъ и по обѣдѣ отѣхали, а я на шлюпцѣ, отъ гекбота присланной ко мнѣ, ездилемъ до оного и принятъ тамъ былемъ любовно отъ мичмана Алексѣя Костинтиновича Бѣлоселского, которий уже и по отездѣ отъ его моемъ на бусу, обослалъ мене яблуками дербенскими, тютюнами картознимъ и персидскимъ. Составилемъ писма и включилемъ до Полянекого въ пакетъ, въ которомъ писмо до Демяна о присилцѣ сюда горѣлки нерозведеной; до брегадира Ветеранина о пересилцѣ писемъ въ Ахтирку до полковника ахтирского о пересланню онихъ же въ Роменъ, до родителя о моемъ повоженню, о присланню, весною, виправи, о тютюну въ Астраханѣ, уступцѣ мнѣ и цедулою о томъ его жъ къ Ветеранину написать (просилъ?) о пересилцѣ писемъ въ Ахтирку, до жени о повоженню жъ, о виправѣ о корѣнню зъ товарищи, жебы прислать сюда по первомъ листу.

10. Неделя. Сегодня обѣдалемъ у себе самъ, а по обѣдѣ были у мене мичмани оба, въ которихъ я вчора былемъ, а потомъ и комендантъ Мерзляковъ, и, посидѣвши мало, отехали зъ буси моей. Гаврилу на покупку риби въ Терку далемъ 90 р., а у его 8 р. и 4 грив., да у Архипа 4 р. и 4 грив. Якова Дуброви, и того всѣхъ 102 р. и 8 гр. Далемъ особливе слугамъ п. Заборовского 2, а п. Тимофѣя Скорупи 3 р. Горѣлки взялемъ зъ числа въ Астраханѣ взятого ста вѣд., 2 барилѣ, зъ которихъ въ одномъ

5 вѣдерокъ, а въ другомъ 5 же безъ 4 квартъ, всѣхъ 10 вѣдерокъ безъ 4 квартъ, а въ остатку у Гаврила 90 вѣдерокъ и 4 кварти; да особливе жъ, не въ зачотъ тихъ, взялемъ 2 куфи и барило третее Яковиной горѣлки, въ 6 вѣдерокъ зъ баришемъ а всѣ вѣдерка ромен. Потребнѣйшіе рѣчи въ завозню зложивши и самъ въ оной поехалемъ при заходѣ слонца зъ 6 работниками Мозурами, да зъ 4 слугами и приехалемъ въ усте рѣчки Аграханѣ, которою до свѣта ехалемъ, але жъ на мѣлѣ стала завозня, такъ что далѣй нелзя било ехать, того ради сталисмо якъби у 6 верстъ, недоежджая нижней станицѣ. 6 пунктовъ зъ реестромъ покупокъ далемъ Гаврилови що покупать.

11. Понеделникъ. До того мѣста на Аграханѣ, где зъ завознею на мѣлѣ ставшою медлѣлисмо, пріехалъ Алексѣець отъ крѣпости зъ подводами, будкою и возами трома, на которіе поскладавшись зъ завознѣ, поехалемъ землею, оставивши при остатку рѣчий Гудима Грицка, и пріехалемъ до станицѣ нижней, тутъ обѣдалемъ: Дракгуне приходили коней нашихъ грабить, по жалобѣ Дончихи, будто за потравленную капусту отъ людей моихъ, еще якъ до мене ехали, и покричавши довольно, отойшли, а я ездилъ до провіянтъмейстера и оного укрившогося неувидѣвши, повернулемся назадъ. Нижная станиця городкомъ здѣланна зъ роскатами, але низкими и валомъ такимъ же, а внутръ мазонки бѣдніе, на половинѣ отъ транжамента аграханского и крѣпости стоитъ у Алексѣйця увѣдомилемъся о домашнихъ жалосномъ повоженню. Поехавши по обѣдѣ оттуду, пріехалемъ позно до лагору у крѣпости ст. Креста стоячого нашого, и тутъ зъ п. Семеномъ Чуйкевичомъ видѣлъся.

12. Вовторникъ. Рано поехалемъ въ городъ Крѣпость ст. Креста и первей, у полковника Добринея былемъ, а оттуду у Милорадовича, оттоль у генерала Матюшкина. Оттуду пошедши, обѣдалемъ у Дебринея и до вечора забавившись, и въ лазнѣ его вимившись, ночовалемъ у Милорадовича. Тутъ вѣдомости веселіе о нашихъ пошовшихъ въ гори получилисмо.

13. Середа. Сегодня рано у весь корпусъ, ходившій у гори, повернулся назадъ зъ помисльною Слава Богу вѣкторіею, понеже

Шафкалово владѣніе все разорено и спалено. Обѣдалисмо у Милорадовича многіе зъ бунчуковихъ, а по обѣдѣ прійшлисмо до лагеру. Куфу горѣл. визичилемъ двойной товарищамъ на гостинецъ господамъ.

14. Четвер. Сегодня рано билемъ у Михайла Афанасіевича. Росходу къ тому показалось 5 вѣдеръ гор. оковит. и барило вишневки и пуздерко розийшлось. Билемъ у Шереметева, оттуду у Еропкина, а между тимъ получилемъ вѣдомость, что въ транжаментѣ аграханскомъ бура збитъ великая била и первей наводненіе излишнее учинила, же и мою бусу и прочіе къ берегамъ позаносило, а потомъ, за перемѣною погоди, вся вода у море увойшла и сухо стало, чего ради я поехалемъ зъ лагеру туда и недоехавши оного мало, заночувалемъ зъ п. Заборовскимъ.

15. Пятокъ. Сегодня, рано поехавши передъ обѣдомъ, пріехалемъ до транжамента и тутъ бувши у коменданта, потомъ билемъ и на бусѣ своей на землѣ стоячой, до которой конемъ ездилемъ. Писма 2 писалемъ до Полянского и до Демяна, въ другомъ писалемъ о присилцѣ вина фронтиніяку 20, а ренского 40 бутилокъ и 20 куліовъ овса.

16. Субота. Сегодня тутже въ транжаментѣ покушавши зъ Заборовскимъ и Шубою, отехалемъ до крѣпости и на дорозѣ стрѣтилемся зъ атютантомъ генерала Матюшкина, Константиномъ Федоровичемъ Ушаковимъ, въ С. П Бурхъ посланнимъ, и простившись зъ нимъ, пріехалемъ позно въ лагеръ. Козаки наши и слободскіе уступили отсюду и стали лагеромъ у нѣсколько верстъ отсюду, въ лѣсахъ.

17. Неделя. Сегодня служби Божой вислухавши, прийшлисмо до своего лагеру и кушали у себе, а господа генерали и протчіе штапъ-офѣцери кушали у генерала Кропотова. Посѣщали мене капитанъ Дефаршъ и Іванъ Полянскій. Іванъ Миклашевскій зъ пистолета случаемъ разилъ козака, але куля винята. Писма до дому сочинилемъ черезъ сотника ковалювского.

18. Понеделокъ. Сегодня рано былемъ у Кропотова и Шереметева и тому листи, а сему 2 оки тютюну тур. далъ и ласкаве

отъ нихъ принятъ былемъ. Обѣдалисмо 6 чловѣка бунчуковихъ у Матюшкина и подпіяхомъ.

19. Вовтор. Присланному вахмистру отъ Дебринея отдалемъ ложечки срѣбніе, данніе до отдачи ему отъ садовника Пасета астраханского. Миколаевичъ плутъ былъ призиванъ ко мнѣ и призналъ себе быти виннимъ за тое, что не записивалъ, почому лососѣ спродалъ у Бацѣ и что виноватъ по своемъ реестрѣ остается 14 р. Несторовичу да асаулѣ по 30 р., Конюшему 16 р. Получилемъ сегодня писма родителскіе и протчіе зъ Ромна отпущенніе юля 30-го.

20. Середа. Сегодня рано ездилемъ въ городъ и былемъ у Дебринея оттуду зъ Дефаршомъ осмотрувалемъ квартири мнѣ отъ Дебринея отводячойся, а по обѣдѣ Дебриней у насъ былъ и посидя отехалъ и съ нами Опачининъ обѣдалъ. Писма составилемъ въ домъ до родителя и жени о виправѣ, о присилцѣ слугамъ кошуль и чоботъ, а особливе пявокъ, и до прокурора.

21. Четвергъ. Сегодня послалемъ до Опачинина черезъ Алексѣйця 6 р. должнихъ, а Вѣжевскому 4 р. на росходъ зъ мѣшка Заборовского.

22. Пятокъ. Сегодня рано былисмо въ городѣ у генерала Матюшкина и Милорадовича. Писма до дому составленніе, до п. Федора дядка и до Демяна вручилемъ Івану Полянскому, о которихъ прежде 10 числа въ 2 нумерѣ упомянулемъ. Генералъ Матюшкинъ передъ обѣдомъ виехалъ зъ крѣпости ст Креста къ ретранжаменту аграханскому, которого оправожалисмо верстъ зъ 5 и поцаловавшись зъ нимъ нѣсколко разъ, такъ и зъ самою генералшою Софіею Дмитровною, воротилисмося, а нѣкоторіе зъ штапъ офѣцеровъ и генералъ Кропотовъ поехали зъ нимъ до ретранжаменту. Туда жъ послалемъ зъ листомъ Василя козака да Гаврила. Зъ первого лагера перейсилисьмо всѣ на другій, где и козаки малор. и слободскіе стоятъ, надъ Аграханю, пониже мало городка донского прозиваемого Кузмѣнъ Ерокъ, а отъ города крѣпости ст. Креста въ 7 верстахъ отстоящого, и тутъ ночовалисмо зъ п. Михайломъ. Сегодня Миклашевскіе и Гамалѣи зъ Завадовскимъ отлу-

чились отъ насъ и перевезлись въ старую крѣпость на кватеру, отведенную имъ отъ Сойманова.

23. Субота. Сегодня до вечора и до ночи тутъ въ лагерѣ обрѣталисмося, а остатокъ рѣчій нашихъ зъ прежнего мѣста сюда перевезено. Обѣдали у насъ Костенецкій и Григорашъ. Человѣкъ Заборовского на дорозѣ умеръ, отъ лагера сюда въ новий едучи, и поховали его.

24. Неделя. Сегодня рано ездилисмо оба въ крѣпость ст Креста и кушалисмо у генерала Шереметева, а по обѣдѣ играли у карти зъ виграшемъ. У его жъ денщикъ на дворовой женился при насъ. Гайдемиръ, владѣлецъ Андрѣевскій, ездившій къ генералу Матюшкину до транжамента, возвратившись оттуду зъ генераломъ Кропотовимъ, былъ у старой крѣпости у сина своего, который отъ его въ аманатчикахъ сидитъ.

25. Понеделокъ. Противъ сего числа въ ночѣ коней 4, 2 верховихъ п. Михайла, а мой верховий вороний и гнѣденкій пропали въ полѣ. Обѣдалисмо у себе, а у насъ Костенецкій, Андрѣй Трощинскій и Заборовскій, а по обѣдѣ ездилъ до города и билъ у Шереметюва и Кропотова за квартерою.

26. Вовтор. Сегодня ексекуція чинена была, 2-хъ повѣшено, а нѣсколко бито кнутомъ и ноздри вирвано салдатамъ збѣгшимъ. Обѣдалисмо у Миклашевскихъ, а по обѣдѣ билемъ у Яропкина и Дебринея, и оттуду пріехалемъ въ домъ. Послалемъ рано въ транжаментъ Мартина и черезъ его писалемъ до Гаврила о его обхожденіи и поездѣ въ Терекъ и Баку и взяттю куѳи Миклаш., буде конюшій незаплатилъ, и писалемъ до Мерзлякина о завознѣ вимѣраясь. Якимъ Гречаний сказивалъ мнѣ про писмо зъ Астраханѣ до мене писанное, у нѣякогось офѣцера найдуючееся.

27. Середа. Сегодня въ лагерѣ дновалисмо, а обѣдали у насъ Трощинскіе и Костенецкій. Ащутилемъ въ себе боль въ правой пахвѣ.

28. Четвер. Сегодня конѣ наши пропаліе обыскалися. Обѣдалисмо у себе и зъ нами Гамалѣя Стефанъ и Григорашъ. Мартинъ повернулся зъ транжамента и обявилъ, что еще вчорайшого дня

генералъ Матюшкинъ и Гаврило за непогодою нерушали и что Потапу на покупку риби далъ 1 р. Сегодня чинилась ексекуція надъ 4-ма салдатами, якихъ колесовано и положено живцемъ на колесахъ за убитте маркѣтантовъ и 2 донцовъ, за тое что вѣдали про оное убійство и умилчали.

29. Пятокъ. Сегодня п. Михайло ездилъ въ крѣпость, а я при лагерѣ дновалъ.

30. Субота. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Трощинскіе и Заборовскій. Вѣжевскому на росходи далемъ 5 р. Мартиномъ послалемъ до Еропкина 2 бутилки красного вина, а 3 ренского бѣлого (на которіе теперъ 1 р. розійшолся) и пудъ меду патоки. Грошей у мене всѣхъ осталось сцѣлнихъ рубліовиковъ зъ полтинами 20, а дробнихъ 12 р. Получилемъ писмо отъ Любима Полянского о здравственномъ повоженію бунчуковихъ, въ Астраханѣ обрѣтаючихся.

31. Неделя. Сегодня ездилемъ ряно въ крѣпость ст. Креста и повидѣвшись зъ Дебринеемъ, у служби былемъ, а потомъ у Еропкина обѣдалемъ и по обѣдѣ зъ Трощинскимъ Андрѣемъ пріехалемъ въ лагеръ.

Мѣсяць ноевр. 1. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у себе, а надъ вечеру извѣстились, что пятотисячной комменди мароросійской прибили нѣкоторіе уже зъ Сенецкимъ сотникомъ Криштопенкомъ въ аграханскій транжаментъ и что колмикъ 6000 сюда жъ слѣдуютъ.

2. Вовторникъ. П. Михайло ездилъ самъ въ городъ, а я зъ Костенецкимъ обѣдалемъ у себе. Василь козакъ повернулся зъ станицѣ и сказалъ, что купилъ сѣна на 6 воз. Татаре зъ горъ напавши на середній караулъ донскій, бились съ ними ноччю по заходѣ мисяца и тогда жъ, безъ вреда нашихъ, татаре уехали толко едному донцу плече копіемъ прокололъ татаринъ, а татаръ сказуютъ на 40 человѣка было.

3. Середа. Сегодня было холодно и дожчъ зъ снѣгомъ проривался, а рано ездилемъ до крѣпости ст. Креста и былемъ у Шереметева, оттуду у Кропотова, где и обѣдалемъ; по обѣдѣ ви-

дѣлемъся зъ Дефаршомъ и приговоривши коминки въ свѣтлицѣ строити, въ квартерѣ нашой, отехалемъ зъ города и заехалемъ до Миклашевскихъ и тамъ немного медля, пріехалемъ позно въ лагеръ. Вѣжовскому на расходи далемъ 4 р. Василь козакъ посланъ знову въ станицю зъ донцами куповать сѣно.

4. Четвер. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Костенецкимъ, а по обѣдѣ збирались зъ товарищи и радились о покупцѣ горѣлки деклярованной нѣкоторимъ персонамъ и куфу гор. оковитой гонишковой купили у Якова Жураковского за 80 р., а простую продавали по 60 р. и меншъ отдать нехотѣли. Мартинъ посланъ въ транжаментъ для запроваженія оттуду сюда запасу нашего лодкою, на которую далемъ ему жъ 3 р. Сотникъ Сенецкій пріехалъ сюда въ лагеръ и былъ у Стефана Гамалѣи. Вѣдомость учинилась, что по совѣту генералитету приговоръ состоялся коммендировать партію въ гори въ 5000 числѣ, а коммендиромъ полковникъ Еропкинъ означенъ, а походъ зъ причини означенной числа 2-го, нумера 3-го, приговоренъ.

5. Пятокъ. Сегодня ездилъ п. Михайло въ городъ, а я оставалъся дома; онъ же пріехавши въ таборъ, обявилъ мнѣ, что поидетъ и онъ въ походъ зъ Еропкинимъ. Куріеръ зъ С. П. Бурху 8 октовр. отпущенний, пріехалъ сюда зъ указами.

6. Субота. Сегодня козаки прошлолѣтніе въ командѣ Милорадовича будучіе, отпущенни зъ самимъ Милорадовичомъ и зо всею старшиною въ доми, черезъ которихъ писалъ и я до родителей и жени, о себѣ, о виправѣ, о недоправцѣ интерессу зъ должниковъ до ясневелможн оба писалисмо о неприсланню зъ С. П. Бурху о насъ резолюцій и до брегадира Веляминова, прокурора и Петра Петровича Толстого, и листи тіе вручени самому Милорадовичу. Обѣдалемъ у Еропкина и Дебринея, и випросилемля у енераловъ ити въ партіи въ гори зъ Еропкинимъ и п. Михайломъ.

7. Неделя. Сегодня рано послалисмо вози до Ниженей станицѣ по провіянтъ, который мѣлъ Мартинъ водою привезти. Былъ у насъ генералъ Шереметювъ зъ полковникомъ Еропкинимъ и другими, повернувшись отъ лошадей драгунскихъ, которихъ осмотру-

валъ. Вѣжевскому на росходи далемъ 4 р. Обѣдалисмо сами зъ Костенецкимъ и Трощинскимъ и неездили никуда.

8. Понеделокъ. Сегодня рано ездилисмо оба въ крѣпость и бывши у Кропотова, Еропкина, зайшли до Дебринея, где и обѣдалисмо, и пріехали до дому позно въ лагеръ пошумни.

9. Воотор. Сегодня пріехали вози наши отъ Нижней Станицѣ, зъ провіянтомъ нашимъ, водою, завознею, припроваженнимъ отъ транжаменту, а далѣй станицѣ зложенимъ на оніе, за 7 копъ Писалемъ писма до родителей и жени черезъ слугу Тимофѣя Скоропадского, отпущенного землею, ознаймуючи о себе чи живъ. У вечеру посѣщалъ насъ харковскій полков. Квѣтка и посидя отійшолъ.

10. Середа. Сегодня дневали мы въ лагерѣ и въ себе обѣдалисмо ми, и у насъ Федоръ Чуйкевичъ. Бунчуковіе прійшовши до насъ, нѣкоторіи розговорували о контрибуцѣи—заплатить 5 куховъ горѣлки, и составилм оную на 600 р. Іванъ Борзна сказовалъ вѣдомость, что будто полковница Сумская взята въ Москву.

11. Четверъ. Сегодня ездилемъ въ городъ и бувши у генераловъ Кропотова и Шереметева, обѣдалемъ у полковника Аракчѣева зъ полковниками Фонстралемъ и Харковскимъ, а по обѣдѣ у Дебринея былемъ, где и сенецкого сотника увидилемъ, и осмотрѣвши кватири своей, отехалемъ и мимоездомъ зъ капитаномъ Дефаршомъ заехавши до Миклашевскихъ и забавившись мало, пріехалемъ отъ нихъ въ лагеръ. Тамъ вѣдомо мнѣ учинилось, что п. Андрѣю Миклашевскому родился синъ Михайло. Вола нашего украдено.

12. Пятокъ. Сегодня рано послалемъ въ транжаментъ до Івана Тарноліота писмо къ Полянскоиу писанное, а въ немъ и до Демяна о томъ, чтобъ горѣлки тамъ не продавалъ, але сюда присилалъ бы и чтобъ оною обослалъ атютанта Ушакова, когда повернется зъ С. П. Бурху, а писмо до Тарноліота послалемъ черезъ Александровича Чорнуского. П. Андрѣй Миклашевскій прислалъ денги должніе мнѣ позиченніе 15 р., а за провіянтъ 3 р. зъ полтиною, такъ же и Тимофѣй Скоропадскій 3 р., якіе 3 р., далемъ Вѣжевскому на расходъ. Вола еще взять казалемъ у Якубовичевихъ людей. Мартинъ пріехалъ зъ провіянтомъ нашимъ сюда.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.